

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 4 (14) 2022

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветеринский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Дзидзов Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Долива-Клепацкая Анна, доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Мешико Горазд, доктор права, профессор, Мариборский университет, г. Марибор, Республика Словения

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Пратиестис Йонас, доктор права, профессор, Вильнюсский университет, г. Вильнюс, Литовская Республика

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Пиц Анна, доктор права, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Фунта Ростислав, доктор права, Высшая школа Данубиуса, г. Комарно, Словацкая Республика

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 19.12.2022. Дата выхода в свет: 26.12.2022.

Усл. печ. л. 10,6. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2022.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 4 (14) 2022

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Ruslan M. Dzidzoev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Anna Doliva-Klepatskaya, Dr. of Sci. (Law), Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Alexey N. Zhrebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Gorazd Meshko, Doctor of Law, Professor, University of Maribor, Maribor, Republic of Slovenia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Jonas Prapiestis, Doctor of Law, Professor, Vilnius University, Vilnius, Republic of Lithuania

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anna Pisch, Doctor of Law, Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Rastislav Funta, Doctor of Law, Danubius High School, Komarno, Slovak Republic

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 19.12.2022. Release date: 26.12.2022.

Usl. pech. l. 10,6. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "**Legal Bulletin of the Kuban State University**", 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Авакян А.М.</i> Особенности лицензирования страховой деятельности.....	7
<i>Бутько Л.В., Лепешкина О.В.</i> Векторы реализации поправок Конституции РФ в ходе современных преобразований.....	14
<i>Епифанова Е.В.</i> Административно-пресекательные меры в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации.....	23
<i>Жеребцов А.Н., Куреев В.В.</i> Проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» и вопросы совершенствования административного надзора в сфере миграции.....	34
<i>Потапенко С.В.</i> Информационная открытость и гласность административного судопроизводства...	40
<i>Чабан Е.А., Кулишенко Е.А.</i> Административное усмотрение в деятельности органов исполнительной власти и его особенности.....	46

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гладышева О.В.</i> Изъятие предметов, документов в уголовном судопроизводстве и защита прав предпринимателей.....	52
<i>Дзабиев У.К.</i> Обеспечение прав участников досудебного производства при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий.....	63
<i>Колесник В.В.</i> К вопросу о возможных направлениях модернизации примирительных уголовно-процессуальных процедур.....	74
<i>Левченко О.В.</i> Оптимизация уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу.....	82
<i>Петровский А.В.</i> Потестарные меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних: криминологическое познание феномена.....	89
<i>Семенцов В.А.</i> Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве.....	97

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Alesya M. Avakyan</i> Features of licensing insurance activities.....	7
<i>Lyudmila V. Butko, Olga V. Lepeshkina</i> Vectors of Implementation of amendments to the Constitution of the Russian Federation in the course of Modern transformations.....	14
<i>Elena V. Epifanova</i> Administrative and precautional measures in the sphere of population health protection in the Russian Federation.....	23
<i>Alexey N. Zherebtsov, Viktor V. Kureev</i> Draft Federal Law "On the Conditions of Entry (Exit) and Stay (Residence) in the Russian Federation of Foreign Citizens and Stateless Persons" and Issues of Improving Administrative Supervision in the Field of Migration.....	34
<i>Sergey V. Potapenko</i> Information openness and transparency of administrative proceedings.....	40
<i>Evgeny A. Chaban, Ekaterina A. Kulishenko</i> Administrative discretion in the activities of executive authorities and its features.....	46

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Olga V. Gladysheva</i> Seizure of objects, documents in criminal proceedings and protection of the rights of entrepreneurs.....	52
<i>Uruzmag K. Dzabiev</i> Ensuring the rights of participants in pre-trial proceedings when using the results of operational investigative measures.....	63
<i>Veronika V. Kolesnik</i> To the question of possible directions of modernization of conciliatory criminal procedural procedures.....	74
<i>Oleg V. Levchenko</i> Optimization of the criminal procedural model of the prosecutor's activity in pre-trial proceedings in a criminal case.....	82
<i>Anton V. Petrovskiy</i> Potestary procedures (forms) of parenting and preventive impact on juvenile: criminological inductive learning of the phenomenon.....	89
<i>Vladimir A. Sementsov</i> Digital technologies in domestic criminal proceedings.....	97

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-7-13>

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Авакян А.М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Авакян А.М. Особенности лицензирования страховой деятельности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):7–13.
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-7-13>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Авакян Алеся Мнацакановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 268-59-65
E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 21.09.2022

Статья принята к печати: 21.10.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: В качестве цели настоящего исследования выступает изучение процедуры лицензирования страховой деятельности, выявление ее особенностей и проблем правового регулирования, требующих разрешения.

Автором было выявлено, что среди правоведов нет единого подхода к определению понятия «лицензия», ученые критикуют позицию законодателя, который раскрывает содержание обозначенного понятия через понятие «разрешение», поскольку данные термины являются синонимичными друг другу, а точнее один является формой выражения другого. Установлено, что процедура лицензирования представлена совокупностью действий, которые должны совершить соискатель лицензии и орган страхового надзора в лице Банка России, в полномочия которого входит выдача лицензий на осуществление страховой деятельности. Для получения лицензии соискатель должен предъявить в орган страхового надзора определенный перечень документов, среди которых автор обращает внимание на документ, содержащий сведения о должностных лицах будущей страховой организации. Так, автор полагает, что к руководителю страховой организации должно быть предъявлено требование о наличии высшего юридического, экономического или финансового образования, а отсутствие в законодательстве на сегодняшний день указания на конкретный вид образования, который должен быть у руководителя, является неправильным. Автор также предлагает в связи с непростой ситуацией в мире перенести сроки увеличения уставного капитала страховых организаций на более поздний срок ввиду невозможности в нынешних условиях привлечь приток иностранных инвестиций в экономику нашей страны.

Новизна представленного научного исследования определяется тем, что были выявлены недостатки правового регулирования института лицензирования страховой деятельности, которые еще не были представлены ни в одном научном исследовании, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: страхование, лицензирование, лицензия, разрешение, страховщик, страховая деятельность, страховая организация, отзыв заявления, соискатель лицензии, приостановление лицензии, прекращение лицензии, институт лицензирования.

EATURES OF LICENSING INSURANCE ACTIVITIES

Alesya M. Avakyan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Avakyan A.M. Eatures of licensing insurance activities. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-7-13>

CONTACT INFORMATION:

Alesya M. Avakyan, Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 21.09.2022

The article has been accepted for publication: 21.10.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The purpose of this study is to study the licensing procedure of insurance activities, to identify its features and problems of legal regulation that require resolution.

The author revealed that among legal scholars there is no single approach to the definition of the concept of "license", scientists criticize the position of the legislator, who reveals the content of the designated concept through the concept of "permission", since these terms are synonymous with each other, or rather one is a form of expression of the other. In addition, it is established that the licensing procedure is represented by a set of actions that must be performed by the license applicant and the insurance supervision authority represented by the Bank of Russia, whose powers include the issuance of licenses for insurance activities. To obtain a license, the applicant must submit to the insurance supervision authority a certain list of documents, among which the author draws attention to a document containing information about some officials of the future insurance company. Thus, the author believes that the head of an insurance company should be required to have a higher legal, economic or financial education, and the absence in the legislation today of an indication of a specific type of education that the head should have is incorrect. The author also suggests, in connection with the difficult situation in the world, to postpone the terms of increasing the authorized capital of insurance organizations to a later date in view of the impossibility in the current conditions of attracting the inflow of foreign investment into the economy of our country.

The novelty of the presented scientific research is determined by the fact that the shortcomings of the legal regulation of the institute for licensing insurance activities have been identified, which have not yet been presented in any scientific research, and ways to solve them have been proposed.

Keywords: insurance, licensing, license, permit, insurer, insurance activity, insurance organization, revocation of application, license applicant, suspension of license, termination of license, licensing institute.

Введение

Нельзя переоценить значимость страховой деятельности в России, поскольку именно страхование выступает в качестве единственного и действенного способа защиты субъектов права (как физических, так и юридических лиц) от различных ситуаций, которые могут иметь неблагоприятные последствия. Хотя страхование само по себе не предотвращает граждан или юридических лиц от возникновения различных неблагоприятных ситуаций, вместе с тем только благодаря этому способу защиты возможно в кратчайшие сроки восстановить материальное

положение субъекта, который понес имущественные потери. Ввиду этой полезности страховой деятельности государство уделяет большое внимание вопросу регулирования данного вида деятельности, что выражается в первую очередь в том, что осуществлять страховую деятельность можно только при наличии лицензии.

Методы исследования

Данное исследование было проведено с использованием представленных в совокупности традиционных научных методов, к числу которых относится диалектика. Использование данного метода производилось в целях выявления существующих, а также тех, которые могут возникнуть в перспективе, противоречий в области знаний, подлежащей исследованию. Методологическую основу данной научной работы также составили общенаучные методы и частно-научные методы. Благодаря использованию различных видов анализа получилось извлечь новые знания о сущности такого понятия, как «лицензия», определить проблемы правового регулирования института лицензирования страховой деятельности и пути их решения, посредством внесения изменений в положения действующего законодательства.

Результаты исследования

После проведения исследования были получены следующие результаты:

1. Определено, что на сегодняшний день понятие «лицензия» раскрывается через понятие «разрешение», что вызывает в научной литературе широкую дискуссию относительно определения сущности обозначенных понятий. Оценивая в целом сущность института лицензирования было решено, что подход законодателя, выразившийся в том, что понятие «лицензия» раскрывается при помощи использования синонимичного понятия «разрешение», является неправильным и предлагается иным образом раскрыть содержание данного термина в законе.

2. Установлено, что для получения лицензии соискатель предоставляет в орган страхового надзора документы, содержащие сведения о руководителе будущей страховой организации и некоторых других лицах. Руководитель компании должен соответствовать требованиям, установленным законодателем, среди которых требование о стаже работы и высшем образовании. Однако законодатель не уточняет, по какой именно специальности должно быть высшее образование у руководителя, но ведь логичным представляется, что лицо, связанное со страховой деятельностью, тем более руководитель не может иметь педагогическое образование или образование врача, а должен в обязательном порядке получить образование по одной из следующих специальностей: юриспруденция, финансы и кредит или экономика.

3. Обоснована необходимость перенесения сроков увеличения размеров уставного капитала для страховых организаций с января 2023 года как минимум на январь 2024 года в виду того, что в мировом сообществе в данный момент сложилась неблагоприятная обстановка, во-первых, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции в 2020 году, а во-вторых, в связи с тем, что приток иностранных инвестиций в данный момент в экономику нашей страны затруднен. Тем самым уставной капитал может страховых организаций может быть сформирован только за счет российских инвесторов, но и их финансовая устойчивость находится под вопросом.

4. В законодательстве никак не регламентирован порядок прекращения процедуры лицензирования страховой деятельности по инициативе соискателя лицензии, в виду чего предлагается закрепить в качестве основания для прекращения процедуры лицензирования отзыв заявления соискателем лицензии.

Научная дискуссия

В России правовое регулирование процедуры лицензирования различных видов деятельности осуществляется Федеральным законом № 99-ФЗ¹. Однако в отношении страховой деятельности данный правовой акт не действует. Согласно п. 1 ст. 3 лицензирование упомянутого нами вида деятельности осуществляется отдельным законом, а именно таким актом является Закон РФ от 27.11.1992 года № 4015-1 (ред. от 01.04.2022) «Об организации страхового дела в Российской Федерации»².

Сфера лицензирования в целом, а не только страховой деятельности на сегодняшний день имеет некоторые недостатки правового регулирования. В первую очередь речь идет о том, что несмотря на официальное закрепление термина «лицензия», среди ученых все равно нет единого

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04 мая 2011 года № 99-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

мнения, как соотносятся между собой понятия «лицензия», «право» и «правоустанавливающий документ» [3, с. 311].

О.М. Олейник понимает под лицензией официальный документ, на основании которого субъект, выступающий в качестве его обладателя, имеет право в течение определенного в лицензии срока заниматься конкретным видом деятельности, и только на определенных условиях [8, с. 16].

По мнению Д.В. Осинцева [9, с. 30] (а также с мнением данного автора солидарна Н.Ю. Круглова¹) лицензия представляет собой административный акт, который выдается уполномоченными на то органами, и на основании данного акта субъект, получивший лицензию, приобретает специальный правовой статус, предполагающий возможность осуществления определенного в лицензии вида деятельности в течение какого-то срока.

Объединяющим для приведенных нами позиций фактором является то, что все правоведы закладывают в качестве основы, определяющей понятие лицензии, разрешение осуществлять определенный вид деятельности.

Р.А. Барышников в своем научном исследовании говорит о том, что лицензия представляет собой специальный акт разрешения, в то время как под термином «разрешение» следует понимать право, юридическое согласие государства на совершение чего-либо [1, с. 71].

Первой отличительной особенностью лицензирования страховой деятельности выступает то, что лицензированию подлежит не страховая деятельность в целом, а только конкретные виды страхования, к числу которых относится, например, перестрахование, взаимное страхование и другое.

Процесс получения лицензии на осуществление какого-либо вида страхования представлен в виде определенного алгоритма действий [4, с. 24]. В первую очередь, для того чтобы получить лицензию, закрепляющую право осуществления определенного вида страховой деятельности, соискатель должен предоставить в орган страхового надзора документы, перечень которых определен на законодательном уровне.

Отметим, что до 2011 года в качестве органа страхового надзора выступала Федеральная служба страхового надзора, однако деятельность данного органа была упразднена и все полномочия на выдачу лицензий субъектам, желающим заниматься конкретным видом страховой деятельности, были переданы Банку России [2, с. 146].

Примечательным является тот факт, что в зависимости от определенного вида страховой деятельности, который соискатель лицензии планирует осуществлять, список документов, необходимых для предоставления в уполномоченный орган, варьируется. В том числе различия также касаются условия о размере уставного капитала организаций, планирующих осуществлять тот или иной вид страхования.

Перечень документов, которые соискатель лицензии предоставляет в уполномоченный орган, является исчерпывающим, что подразумевает то, что иные документы, нежели чем те, которые предусмотрены в ст. 32 Закона РФ № 4015-1, сотрудники региональных отделений Банка России требовать не могут [5, с. 23].

До внесения изменений в Закон РФ № 4015-1 в 2014 году серьезным недостатком правового регулирования было то, что законодатель не включал квитанцию об уплате государственной пошлины в перечень документов, которые соискатель лицензии должен был предоставить в уполномоченный орган. Вместе с тем, данный документ-подтверждение на практике всегда требовался, поскольку в налоговом законодательстве содержится положение, что процедура лицензирования облагается государственной пошлиной. Внесение изменений в закон помогло в решении обозначенной практической проблемы².

Среди документов, которые обозначены в ст. 32 Закона РФ № 4015-1, особое внимание привлекает документ, подтверждающий оплату уставного капитала. Для начала отметим, что оплата уставного капитала может быть произведена как в порядке безналичного, так и наличного расчета. Как в том, так и в другом случае на практике оплата уставного капитала подтверждается посредством предоставления в орган страхового надзора справки, выданной бухгалтерией соискателя лицензии.

С 2020 года началось поэтапное увеличение минимального размера уставного капитала для юридических лиц, осуществляющих страховую деятельность, а также желающих ее осуществлять. Примечательным является тот факт, что по состоянию на сентябрь 2021 года исходя из анализа

¹ Круглова Н.Ю. Хозяйственное право: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: КноРус; 2017. С. 93.

² Там же. С. 97.

финансового состояния у 26 страховых компаний из 146 уставного капитала было недостаточно для осуществления с лицензией добровольного имущественного и личного страхования.

Поэтапное увеличение размера уставного капитала предусмотрено в виду того, что страховой рынок, как сектор экономики, который обеспечивает не только финансовую, но и социальную защиту как отдельного индивида, так и всего общества, развивается только благодаря повышению доверия граждан к тому, что страховые компании являются надежными и не лишены финансовой устойчивости [12, с. 132]. О надежности и финансовой устойчивости страховой организации свидетельствуют в первую очередь ее финансовые источники, а также страховые резервы, которые как раз и составляют уставной капитал компании. Уставной капитал формируется с той целью, что в какой-то неблагоприятной для страховой организации ситуации, финансовое состояние ее клиентов не пострадает.

К началу 2023 года уставной капитал универсальных страховых компаний должен составлять триста миллионов рублей; организаций, которые занимаются страхованием жизни – четыреста пятьдесят миллионов, а компаний, которые занимаются перестрахованием – шестьсот миллионов.

Кратко отметим, что европейское страховое законодательство не определяет требования к размеру уставного капитала, вместо этого предъявляются требования к минимальному гарантийному фонду страховой компании, который формируется за счет ее собственных средств в зависимости от осуществляемого вида страхования [14; 15].

На наш взгляд, в связи с кризисом, которое переживает все мировое сообщество на сегодняшний день, точка зрения Всероссийского союза страховщиков относительно того, что сроки следующего этапа увеличения страховых организаций необходимо перенести как минимум на 2024 год, является верной. Сложившаяся на сегодняшний день обстановка в мире в связи с появлением опасной коронавирусной инфекции, а также другими обстоятельствами дает повод говорить о том, что страховой рынок нуждается в «передышке», выражавшейся в переносе сроков вступления в законную силу правовых норм, определяющих сроки, в которые страховые организации должны повысить свой уставной капитал. Представляется, что таким образом страховые компании смогут без труда преодолеть сложившиеся на данный момент сложные экономические условия, в которых им предстоит действовать. Более того, уставной капитал страховых организаций может быть на сегодняшний день увеличен только за счет российских резидентов, ведь действующие в отношении нашей страны санкции со стороны иностранных государств полностью перекрыли приток иностранных инвестиций в экономику.

Уставной капитал выступает в качестве так называемой «подушки безопасности» для клиентов страховой организации, ведь его наличие гарантирует, что в случае финансовой неустойчивости страховщика, клиенты получат денежные выплаты в определенном эквиваленте. С требованием о размере уставного капитала связана еще одна особенность лицензирования страховых организаций. Если у страховой компании, которая занимается страхованием жизни, уставной капитал соответствует требованиям законодателя к минимальному размеру и составляет только 240 тысяч рублей, и другими собственными денежными средствами она не обладает, то дополнительно получение лицензии и осуществление деятельности по имущественному страхованию невозможно.

Закон также предусматривает, что страховая организация предоставляет в уполномоченный орган сведения о руководителях субъекта страхового дела. Руководитель должен отвечать установленным в законе квалификационным требованиям, к числу которых относится наличие высшего образования, а также требуется стаж работы либо в финансовой организации, в подразделении соответствующего субъекта страхового дела на руководящей должности в течение срока, равного не менее двум годам. Вместе с тем кажется неправильным, что к руководителю предъявляется требование о наличии высшего образования, без обязательного указания на вид профессиональной подготовки. Представляется, что ввиду определенной специфики страховой деятельности руководитель субъекта страхового дела должен иметь одно из следующих высших образований: юридическое [13, с. 89], экономическое или финансовое. В связи с этим, предлагается внести изменения в п. 1 ст. 32.1 и определить, что руководитель субъекта страхового дела должен иметь высшее экономическое, юридическое или финансовое образование, а также обозначенный стаж работы на соответствующей должности – не менее двух лет.

Итак, процедура лицензирования страховой деятельности начинается с того, что соискатель лицензии предоставляет в региональные отделения ЦБ РФ заявление о предоставлении лицензии вместе с иными документами, входящими в комплект, и по истечении 30 дней орган, осуществляющий полномочия страхового надзора, принимает решение о выдаче либо же отказе в

выдаче лицензии соискателю. О принятом решении соискателю лицензии должны сообщить в течение пяти рабочих дней. Вместе с тем на практике данный срок не соблюдается, зачастую уже при получении принципиального одобрения со стороны сотрудников органа страхового надзора страховщики начинают осуществлять страховую деятельность, заключают договоры страхования. Однако это недопустимо, страховую деятельность можно осуществлять только с момента получения лицензии, и заключение договоров страхования без имеющейся на этот момент действующей лицензии, в особенности, если она получается впервые, может привести к крайне негативным последствиям.

В лицензии орган страхового надзора отображает вид деятельности, который страховщик вправе осуществлять, и тем самым определяет пределы его специальной правосубъектности (или исключительной правоспособности) [6, с. 173]. Вид страхования определяется в соответствии с классификацией, представленной в ст. 32.9 Закона РФ № 4015-1 в виде градации.

У органа страхового надзора есть полномочия в случае, если заявление соискателя лицензии или документы, необходимые для ее получения, в чем-то не соответствуют установленным законом требованиям направить заявителю письменное уведомление, в котором сообщает, какие недочеты были обнаружены [10, с. 100]. Предоставить недостающие из перечня документы или исправить неверно оформленные соискатель лицензии должен в течение времени, на который приостанавливается срок принятия решение о выдаче лицензии – не больше 30 рабочих дней.

В выдаче лицензии соискателю может быть отказано после предоставления всех необходимых документов, например в тех случаях, если:

- учредительные документы компании не соответствуют требованиям федерального законодательства;
- соискатель отразил в документах, предоставленных в орган страхового надзора, недостоверную информацию;
- уставной капитал будущей страховой организации не соответствует требованиям законодательства РФ;
- по иным основаниям.

Анализ действующего законодательства, регламентирующего процедуру получения лицензии на осуществление страховой деятельности, также показывает, что лицензия может быть прекращена или отозвана органом страхового надзора на основаниях, предусмотренных законодательством, но в то же время соискатель лицензии не может самостоятельно инициировать процедуру прекращения лицензирования. Решение о получении лицензии принимается в течение месячного срока, за это время у соискателя лицензии могут возникнуть обстоятельства, влияющие на то, что он захочет отозвать свое заявление. Таким образом, такая ситуация возможна на практике, но законодательно процедура отзыва заявления о получении лицензии соискателем никак не регламентирована. На этот недостаток правового регулирования также указывает Л.В. Стандзонь [11, с. 77]. На основании сказанного предлагается дополнить ст. 32 Закона РФ № 4015-1 пунктом, в котором будет закреплено основание для прекращения процедуры лицензирования – отзыв соискателем лицензии своего заявления.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что лицензирование страховой деятельности является очень важной процедурой. В виду того, что законодатель предъявляет ко всем страховым организациям требование о наличии лицензии, это позволяет максимально защитить потенциальных страховщиков от недобросовестных страховых компаний и исключает появление фирм-однодневок, основная цель существования которых – незаконное привлечение денежных средств клиентов.

Список использованной литературы:

1. Барышников Р.А. Понятие лицензирования в российском законодательстве. *Вестник магистратуры*. 2013;(8(23)):71–73.
2. Быкова Н.Н., Курилова А.А. Порядок лицензирования страховой деятельности в России. *Карельский научный журнал*. 2017;6(4(21)):145–148.
3. Васильева О.Ю. Теоретические проблемы института лицензирования в юридической науке. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008;(8(64)):309–313.

References:

1. Baryshnikov R.A. [The concept of licensing in Russian legislation]. *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*. 2013;(8(23)):71–73. (In Russ.)]
2. Bykova N.N., Kurilova A.A. [The procedure for licensing insurance activities in Russia]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal = Karelian Scientific Journal*. 2017;6(4(21)):145–148. (In Russ.)]
3. Vasil'eva O.Yu. [Theoretical problems of the Institute of licensing in legal science]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*.

4. Вихляева Е.Ю. Создание страховой организации в контексте лицензирования как его характерной черты. *Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право*. 2016;2(6):22–28.

5. Денисюк С.П. К вопросу о правовом регулировании страхового надзора и лицензирования страховой деятельности в Российской Федерации. *Вестник науки*. 2019;2(3(12)):17–24.

6. Курпякова С.И. Пределы исключительной правоспособности страховщика. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*. 2005;(8):171–174.

7. Никулина Н.Н., Березина С.В., Передня С.С. О некоторых особенностях лицензирования страховщиков в свете Федерального Закона № 234-ФЗ. *Вестник Московского университета МВД России*. 2015;(4):96–100.

8. Олейник О.М. Правовые основы лицензирования хозяйственной деятельности. *Закон*. 1994;(6):12–18.

9. Осинцев Д.В. О принципах разграничения полномочий в сфере лицензирования между Российской Федерацией и ее субъектами. *Российский юридический журнал*. 1996;(3(11)):29–37.

10. Сухомлинова Н.В. К вопросу приостановления и ограничения действия лицензии субъекта страхового дела. *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2014;(2):96–102.

11. Стандзонь Л.В. Система федерального законодательства о лицензировании: проблемы и перспективы законодательного регулирования. *Актуальные проблемы российского права*. 2018;(12(97)):70–77. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.070-077.

12. Чернова Г.В. Современные проблемы наращивания уставного капитала страховых компаний России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2012;(4):124–133.

13. Шергунова Е.А. Проблемы теории и практики лицензирования страховой деятельности. *Известия Юго-западного государственного университета*. 2012;(4-1(43)):87–92.

14. Crawford M.L. *Law and the Life Insurance Contract*. 7th ed. Chicago; Bogotá; Boston: IRWIN; 1994.

15. Adamson J.E. *Basic Law and the Legal Environment of Business*. Chicago; Bogota; Boston: Irwin; 1995.

2008;(8(64)):309–313. (In Russ.)]

4. Vikhlyaeva E.Yu. [Creation of an insurance organization in the context of licensing as its characteristic feature]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Politicheskie nauki i pravo = Bulletin of the Tambov University. Series Political Sciences and Law*. 2016;2(6):22–28. (In Russ.)]

5. Denisyuk S.P. [On the issue of legal regulation of insurance supervision and licensing of insurance activities in the Russian Federation]. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2019;2(3(12)):17–24. (In Russ.)]

6. Kurpyakova S.I. [Limits of the insurer's exclusive legal capacity]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo = Bulletin of SUSU. Series: Law*. 2005;(8):171–174. (In Russ.)]

7. Nikulina N.N., Berezina S.V., Perednya S.S. [About some features of licensing insurers in the light of Federal Law № 234-FZ]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(4):96–100. (In Russ.)]

8. Oleinik O.M. [Legal basis of licensing of economic activity]. *Zakon = Law*. 1994;(6):12–18. (In Russ.)]

9. Osintsev D.V. [On the principles of delimitation of powers in the field of licensing between the Russian Federation and its subjects]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*. 1996;(3(11)):29–37. (In Russ.)]

10. Sukhomlinova N.V. [On the issue of suspension and limitation of the license of the insurance business entity]. *Ehlektronnyi vestnik Rostovskogo sotsial'no-ehkonomicheskogo instituta = Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*. 2014;(2):96–102. (In Russ.)]

11. Standzon' L.V. [The system of federal legislation on licensing: problems and prospects of legislative regulation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2018;(12(97)):70–77. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.070-077. (In Russ.)]

12. Chernova G.V. [Modern problems of increasing the authorized capital of insurance companies in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ehkonomika = Bulletin of St. Petersburg University. Economy*. 2012;(4):124–133. (In Russ.)]

13. Shergunova E.A. [Problems of theory and practice of licensing insurance activities]. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwestern State University*. 2012;(4-1(43)):87–92. (In Russ.)]

14. Crawford M.L. *Law and the Life Insurance Contract*. 7th ed. Chicago; Bogotá; Boston: IRWIN; 1994.

15. Adamson J.E. *Basic Law and the Legal Environment of Business*. Chicago; Bogota; Boston: Irwin; 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакян Алеся Мнацакановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0003-4268-9574

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alesya M. Avakyan

Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0003-4268-9574

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-14-22>

ВЕКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОПРАВОК КОНСТИТУЦИИ РФ В ХОДЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Буцько Л.В.*, Лепешкина О.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Буцько Л.В., Лепешкина О.В. Векторы реализации поправок Конституции РФ в ходе современных преобразований. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):14–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-14-22>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Буцько Людмила Васильевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 334-46-76

E-mail: lvbutko@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.10.2022

Статья принята к печати: 18.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: В статье представлена авторская позиция по оценке современных изменений Конституции РФ, направлений их реализации в ходе происходящих преобразований с учетом подходов к правопониманию, правообразованию, правоприменению. Показаны особенности внедрения конституционных новелл в публично-правовое пространство, их обусловленность современными событиями, мотивированность научных подходов к их характеристикам. Определены векторы дальнейшего претворения в жизнь принятых и проектируемых нововведений, сформулированы предложения конституционной трансформации в научном и правореализационном аспектах.

Задачи исследования определены на основе авторского дефинирования конституционных реформ, в контексте анализа предложений по дальнейшему совершенствованию Конституции, конституционных норм и механизмов их применения и на его основе разработка новых направлений.

Исследование проведено на основе *методов* формально-догматического, исторического, сравнительно-правового, системно-функционального, формально-юридического, а также синтеза, анализа, обобщения.

Результатами исследования явились рекомендации по содержанию направлений дальнейших конституционных преобразований в ключе: конституционного правопонимания; публично-правового регулирования в сфере властеотношений, заявленного в новеллах; квалифицированного применения конституционной терминологии при реализации конституционных норм и институтов.

Ключевые слова: Конституция, конституционные нормы, поправки, предмет конституционного регулирования, идентичность, векторы, преобразование, правопонимание, терминология, власть, компетенция, государственные органы.

VECTORS OF IMPLEMENTATION OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE COURSE OF MODERN TRANSFORMATIONS

Lyudmila V. Butko*, Olga V. Lepeshkina
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Butko L.V., Lepeshkina O.V. Vectors of Implementation of amendments to the Constitution of the Russian Federation in the course of Modern transformations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):14–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-14-22>

CONTACT INFORMATION:

Lyudmila V. Butko*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 334-46-76

E-mail: lvbutko@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 18.10.2022

The article has been accepted for publication: 18.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The article presents the author's position on modern amendments to the Constitution of the Russian Federation, the directions of their implementation in the course of ongoing transformations, taking into account approaches to legal understanding, legal education, law enforcement. The features of the introduction of constitutional novelties into the public legal space, their conditionality by modern events, the motivation of scientific approaches to their assessment are shown. The vectors of further implementation of the adopted and projected innovations are determined, proposals for constitutional transformation in scientific and legal aspects are formulated.

The objectives of the study are defined in the context of the analysis of proposals for further improvement of the Constitution, constitutional norms and mechanisms of their application and on its basis the development of new directions

The research was carried out on the basis of methods of formal dogmatic, historical, comparative legal, system-functional, formal legal, as well as synthesis, analysis, generalization.

The results of the study were recommendations on the directions and content of further constitutional reforms in the key of: constitutional legal understanding; public law regulation in the sphere of power relations, stated in the novels; qualified application of constitutional terminology in the implementation of constitutional institutions.

Keywords: Constitution, constitutional norms, legal interpretation, amendments, terminology, subject of constitutional regulation, identity, vectors, transformation, power, competence, state bodies.

Введение

Обновления Конституции РФ 2020 года предопределили существенные преобразования правового регулирования общественных отношений и в первую очередь такой их сферы, как публично-правовая. Первоначально нацеленные на преодоление существующих угроз нашей стране, в равной степени, как и всему человечеству, они в дальнейшем могут послужить основой всех иных организационно-правовых новшеств, актуализируя научную переоценку масштабных модификаций государства и права, создавая базу для закладки новых моделей правопонимания, правового регулирования, правоприменения.

К угрозам отнесены: глобализм с его вызовами всеобщих масштабов, действующая модель однополярного мироустройства, беспрецедентное извращение отдельных итогов исторического развития, падение и отрицание некоторых морально-нравственных общечеловеческих ценностей,

кризисные явления разноотраслевой направленности, коррупционные модели и схемы во многих сферах функционирования общественно-государственных механизмов и другие.

Намеченные конституционные преобразования, как все новое в стремительно меняющемся мире, нуждаются в адаптации к реалиям с целью переоценки их изменения. Первичная апробация пройдена, о чем свидетельствует публикационная активность многих ученых. Настало время подведения и осмысления ее итогов и на их основе определения перспектив дальнейшего развития конституционных реформ.

Актуальность исследования векторов реализации конституционных поправок в большинстве сфер общественной жизни обусловлена еще и тем, что на их основе становится возможным установить и предложить к исследованию *судьбоносные* перспективы дальнейшего развития многих (если ни всех) правовых явлений. Появляются новые возможности учесть имеющиеся противоречия, возникающие разногласия и неучтенные аргументы, открыть и привести новые доказательства. Главным ориентиром должно послужить их диалектическое единство, доказанное исторически и подтвержденное практикой конституционных реформ. С расширением подходов спектры исследований становятся более обширными и перспективными.

Цели и задачи исследования предопределены: необходимостью формирования, обоснования и дифференциации векторов конституционной трансформации в ключе публично-правового регулирования; целесообразностью их систематизации и доктринирования на основе уже имеющихся научных разработок, их дальнейшее упорядочение и углубление с учетом узловых проблем конституционно-правового регулирования общественных отношений; целесообразностью разработки предложений по дальнейшему совершенствованию Конституции, по преобразованию всей системы права, неразрывно связанному с конституционной реформой как явлением исторического масштаба.

Методы исследования: общенаучные и частнонаучные, в их числе формально-догматический, сравнительно-правовой, системно-функциональный, исторический, формально-юридический, методы синтеза, анализа, обобщения.

Результаты исследования сформулированы с учетом того, что изменения Конституции РФ 2020 г. не могут признаваться в полной мере конституционной реформой, предложена аргументация наиболее актуальных вопросов, решение которых способствует соответствию производимых преобразований пониманию конституционной реформы как события, обеспечивающего переход государства и права к новому историческому типу. К ним отнесены *рекомендации*: по направлениям и содержанию дальнейших конституционных преобразований в ключе конституционного правопонимания; по применению заявленного в новеллах публично-правового регулирования в сфере властеотношений; по квалифицированному применению конституционной терминологии при реализации конституционных институтов.

Приоритетными считаем такие *векторы* дальнейшего конституционного развития, как: формирование идеологической модели конституционных изменений на основе ценностного подхода, призванной устранить противоречие между фактически выполняемой Конституцией РФ ее идеологической функции и отсутствием в ст. 13 Конституции РФ нормы, закрепляющей содержание этой функции; применение национальных, а не привнесенных из иностранных теорий теоретических основ конституционного правопонимания с опорой на трансформированное учение конституционализма в диалоге с преобладающими в отечественной правовой науке подходами к правопониманию; установление пределов конституционно-правового регулирования в отраслевом законодательстве с констатацией роли и значения, прежде всего, норм, закрепляющих обязанности субъектов данной отрасли права; квалифицированное применение юридической терминологии, предписываемой к использованию Конституцией РФ и не требующей дополнительного толкования Конституционным Судом РФ.

Научная дискуссия

Изменения Конституции РФ 2020 г., актуализировав необходимость исследования и переосмысления происходящего, привели к тому, что в научной литературе появились публикации (М.Ю. Осипов, Ю.А. Тихомиров), прямо или косвенно реагирующие на масштабные проблемы права [9, с. 5–13] правопонимания [4, с. 8–13], правообразования, правоприменения и правового регулирования [5, с. 6]. Они свидетельствуют о том, что юридическая наука на очередном этапе развития государства и права вошла в состояние активных научных поисков. Их спектр достаточно обширен, актуализирована тематика, потому закономерен повышенный интерес. Однако принятые изменения не могут претендовать на признание их полнометражной конституционной реформой в полном смысле дефинирования этого явления.

Сказанное в совокупности доказывает актуальность понимания оценок конституционных поправок 2020 года в научном и правореализационном аспектах, на этой основе определение векторов дальнейшего претворения их в жизнь с переходом от точечных изменений Конституции РФ к ее полноформатному реформированию и принятию новой.

В ключе избранной проблематики выстраиваются самостоятельные направления развития юридической науки в рамках предмета разных ее отраслей, подтверждается целесообразность уже состоявшихся и планируемых конституционных преобразований.

Так, заслуживают внимания предложения, ориентирующие на создание нового права [13, с. 8–13]. Убеждает в этом и произведенное переформатирование научных специальностей, рекомендованных для создания диссертационных советов и защиты диссертаций с ориентацией преимущественно на публично-правовое и частноправовое содержание общественных отношений. Такой подход открывает новые перспективы для трансформации отраслевого контента в системе права и всех значимых правовых явлений. Становится очевидным, что в рамках пяти масштабных специальностей сформированы критерии отраслевых направлений, которые неизбежно потребуют своего позиционирования в качестве того или иного элемента системы.

Некоторые ученые усматривают задатки обновления современного права, отталкиваясь от его нынешнего состояния, пусть даже не всегда качественного и противоречивого (Бондарь Н.С., Мамонов В.В., Суханова А.А. и др.). Иные, мысля более масштабно, пытаются объяснить зарождающиеся процессы с позиции роли и значения философии права (Корнев А.В., Осипов М.Ю.), опираясь на уже достигнутый ею многовековой научный фундамент. Третьи обращаются к реализации спланированных преобразований с обоснованием концепции конституционного правопонимания и его методологического потенциала, как одной из философских платформ (Крусс В.И., Лазарев В.В.).

Не менее активно позиционируется к исследованию тема «живой конституции». Ее идеологическая суть достаточно подробно сформулирована в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г., потому целесообразным представляется ее осмысление в состоянии вариативности, а не одноформатности. Серьезную озабоченность ученых вызывают терминологические проблемы, рожденные конституционными поправками и ряд других.

О предпочтительности перечисленных подходов свидетельствуют возникающие дискуссионные площадки, приводимые аргументы, подтверждающие или опровергающие значение и возможности того или иного направления. В совокупности такие подходы открывают широкие перспективы для современного развития юридической науки в целом и, прежде всего, науки конституционно-правовой, которая сегодня находится в достаточно сложном положении и состоянии.

С одной стороны, в ключе предыдущих (допоправочных) тенденций она пережила небывалый размах дифференциации предмета исследования. В нем обнаружены процессы обособления новых школ, концепций, теорий, взглядов и позиций ученых. Основой для этого послужили изменения системы конституционного права как отрасли права, ее структурная переориентация на требования времени, модернизация предмета конституционно-правового регулирования и источников отрасли, изменения ее субъектного состава и другие. С другой стороны, наблюдается активизация этих процессов в свете потенциала, заложенного конституционными изменениями 2020 г. Стимулирована более развернутая модернизация, основанная на выстраивании взаимосвязи и соотношения с теоретической, исторической, философской и другими науками, с международным и другими отраслями права. В совокупности создается база для развертывания полноценной конституционной реформы.

Так, Ю.А. Тихомиров, опираясь на анализ конституционных поправок, предлагает сосредоточить внимание на реализации их роли в достижимости системной управляемости с ориентацией на обеспечение качества государственного управления, многообразии его видов с целью создания условий для согласованной работы всех звеньев управленческого механизма. С позиций публично-правового регулирования такой подход весьма перспективен. Не менее привлекательны предложения Ю.А. Тихомирова по модификации современной роли Российского государства. Ученый предлагает показать это посредством реализации обновленных норм Конституции, ориентируясь на исторически сложившуюся миссию России.

Сделать это возможно также обоснованием концепции устойчивого развития с опорой на конституционные характеристики государства в контексте разделения его функций на компетенции государственных органов различных уровней. Но есть и другие варианты. В настоящий момент

оперативно рождаются (буквально на глазах) новые направления государственной деятельности. К примеру, те, что связаны с территориальным переустройством (оформление статуса принятых в состав Российской Федерации новых субъектов по итогам прошедших в них референдумов, оформления статуса федеральных территорий типа «Сириус» и др.), с укреплением суверенитета страны во всех его аспектах, государственной безопасности, международно-правового авторитета РФ и др.

Не менее важными следует считать вопросы саморегулирования в механизме публичного управления. Его объем и пределы «определяются рамками соответствующих организационных структур – либо организаций и учреждений, либо объединений и ассоциаций, либо союзов» [10, с. 8]. Данное направление, по нашему мнению, уже привело к качественному перераспределению организационной, компетенционной и материальной основы функционирования властвующих и хозяйствующих субъектов федерального и регионального уровней. В частности, часть полномочий федеральных органов передана органам регионов и практика последних лет подтвердила целесообразность таких изменений. Данная тенденция в дальнейшем способна привести к созданию новых моделей компетенционных статей (к примеру, ст. ст. 72, 73 и др.) Конституции РФ.

Формирование идеологической модели конституционного обновления правовой системы Российского государства предложено к исследованию В.В. Лазаревым. Основываясь на ценностном анализе права, представленном в работах С.С. Алексеева, Н.С. Бондаря, О.Е. Кутафина и других, ученый показывает основы идеологического воздействия Конституции, ее норм (включая поправки) и их реализации на происходящее. Известно, что подходы в оценках Конституции государства аккумулированы по таким аспектам как: общественный, духовный, правовой. Потому согласимся с В.В. Лазаревым, что «именно ценностный подход к изменениям Основного закона закладывает базис конституционной идеологии, определяющей в итоге функционирование национальной правовой системы» [7, с. 7].

Ценностный подход, по В.В. Лазареву, дифференцирован на виды: общий, сущностный и содержательный. Отдельное внимание автор уделяет политической ценности исследуемых феноменов. Заметим, однако, что автору не удалось четко разграничить общую и сущностную ценности, показать их основы и различия между ними. По сути, автором между ними поставлен знак равенства, что не соответствует их определениям и содержанию. В связи с этим, подчеркнем, что *общая ценность* предопределена соотношением *реальности и фиктивности* конституции, *сущностная* ценность обусловлена закрепляемым в конституции реальным *соотношением социальных сил в обществе*. На этом различии констатировали внимание в свое время Ф. Лассаль и В.И. Ленин. По словам последнего: «Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся, не фиктивна, когда они сходятся»¹.

Особо отметим, что реальностью Конституции подтверждена ее известная обобщенная ценность, т.е. понимаемая всем обществом. Благодаря реальности применения Конституция выстраивает процессы формирования идеологической модели поведения личности. Основой для этого становятся духовные ценности, заложенные в ее нормах. Такой ее ценностный потенциал сохраняет авторитет и востребован до тех пор, пока Конституция остается реальной, механизмы ее функционирования не приобретают черты фиктивности.

В 2020 году признаки фиктивности стали очевидными, потому и предприняты попытки фрагментарных конституционных изменений, но этого представляется недостаточным. Почти за 30 лет действия Конституции РФ 1993 г. ряд ее норм так и остались мертворожденными, не может быть применена ст. 135, механизм реализации которой так и не состоялся. В итоге в 2020 г. был применен неординарный формат внесения поправок.

Понимание *содержательной* ценности (в отличие от сказанного о предыдущих) основывается на исторических особенностях содержания предмета конституционного регулирования, определении его целей и задач по отношению, прежде всего, к субъектам, чей статус закреплен в нормах Конституции. В настоящее время ставка в таких нормах должна быть сделана на четкое соотношение прав и обязанностей, в особенности, при выполнении ими ограничительной функции в равной степени, как для государственных, так и для общественных институтов. «В условиях XXI в.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 345.

конституционные нормы должны не в меньшей степени, чем государство, ограничивать общество и его институты» [7, с. 8].

Некоторые новые идеологические моменты, отраженные в поправках, выдержаны в ключе идеологических установок, которые ранее в тексте Основного закона отсутствовали. В их числе – сфера нравственности, мировоззрения, идеологии, определяемая в качестве предмета правового регулирования на конституционном уровне. Одна из новелл посвящена упоминанию в Конституции бытия Божия. По словам Патриарха Кирилла, такая возвышенная идея, каковой является вера в Бога, формирует нравственность и личную, и общественную, и политическую. Присутствие в нашей Конституции указанной нормы, безусловно, необходимо, этим более масштабно подтверждена идеологическая ценность Основного закона страны. Особое значение данного предложения в том, что оно подводит к пониманию необходимости юридического оформления традиционалистской идеологии как фундаментальной основы для создания научной модели и обоснования перспектив дальнейшего развития нашего общества и государства, а, следовательно, и права, и правового регулирования. [2, с. 29]. Сегодня такая современная мировоззренческая идеологическая платформа представлена в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809.

По сути, это – документ, который подводит правовую базу под исторически сложившуюся Русскую идею. В нем констатируется: определение традиционных ценностей нашего отечества, их совокупность, основные для них угрозы и риски; понимание, цели и задачи государственной политики как совокупности скоординированных мер по сохранению, развитию и защите традиционных ценностей, инструменты ее реализации; недопустимость распространения деструктивной идеологии и проведение в этом ключе важнейших реформ, основные направления и сферы которых также сформулированы в «Основах...».

Предложенный комментарий позволяет утверждать, что с принятием поправок в 2020 г. и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в 2022 г. существенно расширены возможности для констатации новой идеологической составляющей конституционного реформирования и создана база для уточнения дефиниции конституционной реформы. Такие же возможности расширены и для всего отечественного права. Модернизацию следует осуществить на основе: российского традиционализма, доверие к которому всегда сохраняется в народной идеологии; достигнутого и укрепляемого государственного суверенитета, (его значимость с особой остротой и доказанностью ощущается в последние месяцы в ходе противостояния концепций однополярного и многополярного мироустройства); начавшегося обновления действующего законодательства, в том числе, посредством процедуры «регуляторной гильотины», обновления моделей и процедур правотворческой деятельности и правоприменения.

Проблемам системности и точности юридической терминологии в сфере конституционно-правового регулирования уделяет внимание С.В. Гунич. Ориентируясь на особую значимость правотворческой государственной деятельности, ученый справедливо считает первоочередной задачей при ее осуществлении использование точной и системной юридической терминологии. В первую очередь это касается той, которая зафиксирована в нормативном акте высшей юридической силы – в Конституции Российской Федерации [3, с. 42].

Более углубленное понимание проблем применения терминологического аппарата сформулировано В.Е. Чиркиным еще в 2018 году, когда ученый определил: конституционные положения (элементы конституционного текста) являются необходимым материалом конструирования актуальных научно-юридических познавательных и прогностических парадигм [14, с. 8]. Одну из них в контексте точности и идентичности юридической терминологии можно проиллюстрировать на примере некоторых несогласованностей Конституции РФ при закреплении категории «полномочия», которая в юридической науке отличается полярностью характеристик в силу своей действительной или мнимой многозначности [8, с. 38].

Достаточно емкое и противоречивое применение данной категории в конституционных формулировках, не всегда однозначно толкуемых, привело к росту ее научной и регулятивной значимости для определения статуса государственных и муниципальных органов, для правового статуса должностных лиц разного ранга в контексте диалектики ее многозначности и унифицированности. В итоге непомерная масштабность только одной – терминологической

проблематики подводит к выводу о неизбежности принятия новой Конституции государства в совокупности с другими причинами такой необходимости.

Проблемы конституционной идентичности в контексте ее эволюционирования в юридической науке XVIII–XX веков предлагает исследовать В.А. Токарев, подчеркивая особую значимость при идентификации статуса субъектов конституционного права. К базовым элементам конституционной идентичности (с подачи судей Конституционного суда РФ) относятся ценности, «выраженные в нормах о фундаментальных правах человека и об основах конституционного строя, гарантирующих эти права» [11, с. 25]. Но этим проблема идентичности не может быть исчерпана. Ее исследование получает свое продолжение в обосновании необходимости и целесообразности теоретического осмысления представлений о периодичности «сменяемости власти в целом, и президентской власти, в частности» [12, с. 31].

Так, В.А. Черепанов, солидаризируясь с позицией Б.С. Эбзеева по указанной проблеме, подверг анализу целый комплекс факторов, заслуживающих учета и сравнения в оценках категорий власти, ее носителей, механизмов ее делегирования различными участниками властеотношений, применяемых на разных уровнях властвования. Особое внимание уделено проблемности механизма сменяемости власти Президента РФ, представленного в обновленном тексте Конституции РФ. В итоге констатирован вывод, с которым сложно не согласиться: «сменяемость власти не может и не должна выступать в качестве самоцели: сменяемость ради сменяемости. Наоборот, ее нужно рассматривать лишь как средство для достижения иной цели более высокого порядка – для разрешения противоречия между народом и отделяемой от него властью и, соответственно, для недопущения отчуждения власти от народа» [12, с. 31].

Считаем также необходимым для выполнения предложенных условий установить и обеспечить требования по соблюдению точности применения конституционной терминологии и формулировок конституционных норм, составляющих данный институт, с недопустимостью их двоякого толкования.

Наиболее спорными, противоречивыми, неоднозначно воспринимаемыми современной конституционно-правовой наукой признаются позиционирование и обоснование конституционного правопонимания. Разносторонними и аргументированными по обозначенной проблеме представляются суждения В.И. Крусса, недооценивать которые нельзя. Признание перспектив основательной научной разработки концепции конституционного правопонимания становится реальностью. И таковое должно признаваться возможным, как в автономном (индивидуальном) статусе, так и в сопоставлении с параметрами других концепций правопонимания, исторически признанных и апробированных на протяжении не одного столетия.

Констатируя безразличие современной науки к важности и приоритетности конституционного правопонимания, В.И. Красс с филигранностью определяет его «как «гносеологическое высокомерие», скрывающее потерю методологических ориентиров и ментальное отчуждение от конкретных юридических задач» [6, с. 30]. В итоге резюмируется, что «борьба за право» или «движение по трудной дороге» к нему продолжаются» [6, с. 21]. Суть же конституционного правопонимания состоит в аксиоматике правогенерирующей природы и онтологического статуса Конституции Российской Федерации, утверждающей особую реальность неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина [1, с. 38].

К сказанному добавим, что этим ориентиром не следует ограничиваться и абсолютизировать его, поскольку основой определения конституционного правопонимания должна служить доктрина конституционализма, сложившаяся исторически и совершенствуемая в зависимости от особенностей исторических типов государства и права. Именно такие особенности находят закрепление в конституциях разных исторических эпох и трансформируют теоретические догмы конституционализма.

Связь развития конституционного правопонимания с идеями конституционализма становится очевидной только через призму единства процессов сущностного и фактологического обновления конституционализма, отраженного в изменениях юридического содержания конституций. Научное обоснование и объяснение такого единства дает конституционно-правовая наука, основываясь на историческом опыте конституционного строительства, постепенно развивая и совершенствуя позиции, трактовки и концепции.

Перечисленные направления в авторской редакции вполне заслуживают позиционирования в качестве векторов научной актуализации конституционных поправок и способны ориентировать на

перспективы не только их научного исследования, но главным образом практической реализации в лице концепции обновленного понимания конституционной реформы.

Итак, опираясь на изложенный в настоящем исследовании фрагментарный обзор мнений ученых, сформулируем вывод о том, что в научном и правореализационном понимании состоявшихся и предполагаемых изменений Конституции РФ, основных законов ее субъектов и всего конституционного законодательства в первую очередь предстоит решить главный судьбоносный вопрос: чему отдать предпочтение и какие нормы права реформировать в первую очередь: нормы, регулирующие сферу власти и политики в условиях обострившегося противоборства идеологий и оппозиционирования; нормы экономического права, регулирующие сферу кризисной (во всем мире) экономики с намерениями создания новой модели отношений хозяйствования и собственности; или же реформировать социальное право, призванное стабилизировать социальную сферу с постановкой целей обеспечения достаточного и достойного уровня жизни населения страны. Не менее привлекательным и актуальным выглядит и правовое регулирование вопросов цифровизации информационного пространства. Ответ на этот вопрос рождает надежду, что решение иных предполагаемых проблем последует за решением *приоритетной*, которой, по нашему убеждению, может быть признана конституционная реформа, способная обеспечить преобразование государства и права в новый исторический тип.

Подготовку такого перехода способны обеспечить векторы трансформаций Конституции РФ, как уже состоявшихся, так и планируемых или предполагаемых, с ориентациями: на *формирование* конституционного правопонимания в контексте модернизации общих, исторически сложившихся концепций правопонимания; на *установление* пределов конституционно-правового регулирования; на *идеологический и методологический потенциал* конституционных преобразований; на *публично-правовой аспект управления* в современном государстве и обществе; на *цифровизацию* преобразовательных процессов.

Список использованной литературы:

1. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. Москва, 2016.
2. Бутко Л.В., Лепешкина О.В. Некоторые проблемы правового регулирования общественных отношений в ключе новых конституционных изменений. *Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Конституционная реформа в России 2020 года: политическое и правовое значение» 4 декабря 2020 года*. Краснодар 2021.
3. Гунич С.В. Системность и точность юридической терминологии в сфере конституционно-правового регулирования. *Журнал российского права*. 2021;(7):41–53. DOI: 10.12737/jrl.2021.085.
4. Корнев А.В. О некоторых особенностях юридической науки и поисках права. *Журнал российского права*. 2020;(10):5–15. DOI: 10.12737/jrl.2020.116.
5. Крусс В.И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права. *Конституционное и муниципальное право*. 2018;(11):5–12.
6. Крусс В.И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие». *Журнал российского права*. 2021;(11):19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133.
7. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2021;(4):5–17. DOI: 10.12737/jrl.2021.042.
8. Лексин И.В. Полномочие как категория отечественной юриспруденции: диалектика

References:

1. Bondar' N.S. [Judicial constitutionalism: doctrine and practice]. Moscow, 2016. (In Russ.)]
2. But'ko L.V., Lepeshkina O.V. [Some problems of legal regulation of public relations in the key of new constitutional changes]. *Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation "Constitutional reform in Russia 2020: political and legal significance" on December 4, 2020*. Krasnodar 2021. (In Russ.)]
3. Gunich S.V. [Consistency and accuracy of legal terminology in the field of constitutional and legal regulation]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(7):41–53. DOI: 10.12737/jrl.2021.085. (In Russ.)]
4. Kornev A.V. [On some features of legal science and the search for law]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(10):5–15. DOI: 10.12737/jrl.2020.116. (In Russ.)]
5. Kruss V.I. [Constitutional legal understanding and practice-oriented consistency of modern theory of law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2018;(11):5–12. (In Russ.)]
6. Kruss V.I. [Constitutional legal understanding vs "legal epistemology": Bjarn Melkevik and "others"]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(11):19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133. (In Russ.)]
7. Lazarev V.V. [Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(4):5–17. DOI: 10.12737/jrl.2021.042. (In Russ.)]
8. Leksin I.V. [Powers as a category of domestic jurisprudence: dialectics of ambiguity and uniformity].

многозначности и унифицированности. *Журнал российского права*. 2021;(4):37–58. DOI: 10.12737/jrl.2021.044.

9. Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия. *Журнал российского права*. 2020;(11):5–13.

10. Тихомиров Ю.А. Динамика управления в современном обществе. *Журнал российского права*. 2021;(11):5–18. DOI: 10.12737/jrl.2021.132.

11. Токарев В.А. Эволюция представлений о конституционной идентичности в юридической науке XVIII–XX веков. *Журнал российского права*. 2021;(4):18–36. DOI: 10.12737/jrl.2021.043.

12. Черепанов В.А. О правовых вопросах сменяемости власти. *Журнал российского права*. 2020;(11):30–43. DOI: 10.12737/jrl.2020.131.

13. Честнов И.Л. Модернизация права в постсовременном обществе: смена парадигмы. *Журнал российского права*. 2021;(6):5–13. DOI: 10.12737/jrl.2021.069.

14. Чиркин В.Е. Социально-экономическая парадигма Конституции 1993 г.: плюсы и минусы. *Журнал российского права*. 2018;(7):5–15. DOI: 10.12737/art_2018_7_1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутько Людмила Васильевна*

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-7080-398X

Лепешкина Ольга Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-7462-433X

Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law. 2021;(4):37–58. DOI: 10.12737/jrl.2021.044. (In Russ.)]

9. Tikhomirov Yu.A. [The formula of legal impact]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(11):5–13. (In Russ.)]

10. Tikhomirov Yu.A. [Dynamics of management in modern society]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(11):5–18. DOI: 10.12737/jrl.2021.132. (In Russ.)]

11. Tokarev V.A. [Evolution of ideas about constitutional identity in the legal science of the XVIII–XX centuries]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(4):18–36. DOI: 10.12737/jrl.2021.043. (In Russ.)]

12. Cherepanov V.A. [On legal issues of the succession of power]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(11):30–43. (In Russ.)] DOI: 10.12737/jrl.2020.131.

13. Chestnov I.L. [Modernization of law in post-modern society: Paradigm shift]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(6):5–13. DOI: 10.12737/jrl.2021.069. (In Russ.)]

14. Chirkin V.E. [Socio-economic paradigm of the Constitution of 1993: pros and cons]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(7):5–15. DOI: 10.12737/art_2018_7_1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila V. Butko*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-7080-398X

Olga V. Lepeshkina

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-7462-433X

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕСЕКАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Административно-пресекательные меры в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):23–33. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-23-33>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.11.2022

Статья принята к печати: 30.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Целью работы выступает анализ проблематики применения мер административного пресечения в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации.

Исходя из поставленной цели в задачи исследования входит не только анализ проблем реализации узконаправленных мер пресечения, типа доставления в медицинский вытрезвитель, но и анализ мер, несущих на себе двойственную целевую нагрузку, выступающих и в качестве пресекательных, и в качестве обеспечительных мер административного принуждения.

Современная система мер административного принуждения в сфере охраны здоровья характеризуется тем, что данные функции реализуют не только правоохранительные, но и любые контрольно-надзорные органы, обладающие соответствующей компетенцией в рамках государственной и муниципальной контрольно-надзорной деятельности.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что все многообразие мер административного пресечения в сфере охраны здоровья, во-первых, тесно связано с предотвращением угрозы жизни лица, а также ущерба, который причиняется объектам, обеспечивающим нормальную жизнедеятельность человека – экологии, питьевой воде, продуктам питания, санитарно-гигиеническим условиям проживания. Подчеркивается «двойственный», «парный» характер некоторых пресекательных мер в их взаимосвязи с предупредительными, обеспечительными и наказательными мерами административного принуждения.

Ключевые слова: административное принуждение, административное пресечение, административно-обеспечительные меры, охрана здоровья.

ADMINISTRATIVE AND PRECAUTIONAL MEASURES IN THE SPHERE OF POPULATION HEALTH PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena V. Epifanova

FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Administrative and precautional measures in the sphere of population health protection in the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):23–33. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-23-33>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.11.2022

The article has been accepted for publication: 30.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The aim of the work is to analyze the problems of applying administrative restraint measures in the field of public health protection in the Russian Federation.

Based on the goal set, the objectives of the study include not only the analysis of the problems of implementing narrowly focused preventive measures, such as delivery to a medical sobering-up station, but also the analysis of measures that carry a dual target load, acting both as preventive and as interim measures of administrative coercion.

The modern system of measures of administrative coercion in the field of health protection is characterized by the fact that these functions are implemented not only by law enforcement, but also by any control and supervisory authorities that have the appropriate competence in the framework of state and municipal control and supervisory activities.

The fundamental conclusion of the article is that the whole variety of administrative preventive measures in the field of health protection is, firstly, closely related to the prevention of a threat to the life of a person, as well as damage that is caused to objects that ensure the normal life of a person - ecology, drinking water, food, sanitary - hygienic living conditions. Emphasizes the "dual", "paired" nature of some preventive measures in their relationship with preventive, provisional and punitive measures of administrative coercion.

Keywords: administrative coercion, administrative restraint, administrative and security measures, health protection.

Введение

Административное пресечение в сфере охраны здоровья имеет своей целью прекращение противоправного или иного общественно опасного деяния и применяется с того момента, когда лицом уже начато совершение объективной стороны состава административного правонарушения, имеющего родовым объектом здоровье или санитарно-эпидемиологическое благополучие, как составной части охраны здоровья или в действиях лица усматривается иная форма общественной опасности¹. Специфика применения мер административного пресечения в сфере охраны здоровья не всегда позволяет связать пресечение исключительно с административным правонарушением, но и с преступлением². Кроме того, речь может идти и об иных случаях противоправного или общественно опасного поведения. В этом смысле мы говорим, в частности, о пресечении действий несовершеннолетних, не достигших возраста административной ответственности, например, в связи с употреблением наркотических и психотропных средств без назначения врача. Кроме того, административным пресечением является применение физической силы и средств сковывания движения в отношении к лицам с психическими расстройствами, представляющими опасность для

¹ См. по этому вопросу: Кокорев А.Н. Меры административного пресечения, применяемые органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 8.

² См.: Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2005. С. 237.

окружающих или для себя самого при условии недобровольной госпитализации и недобровольного лечения в психиатрическом стационаре. Административное пресечение в сфере охраны здоровья выступает элементом контрольно-надзорной деятельности в указанной сфере¹.

Методы исследования

Исследование теории административного пресечения в сфере охраны здоровья, обоснование нормотворческой и правоприменительной практики, определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также метода статистического анализа в рамках опроса 100 сотрудников органов внутренних дел, наделенных правом применения мер административного пресечения.

Результаты исследования

Исходя из предлагаемой нами концепции административно-правового регулирования комплексной профилактики заболеваний, направленность пресекательных мер связана не только с теми административными правонарушениями, которые в своей объективной стороне содержат действия или бездействия, наносящие непосредственный вред здоровью человека. Не менее важно пресекать административные правонарушения, объектом которых выступают общественные отношения в сфере охраны здоровья, носящие предупредительно-профилактический характер. И это не только санитарно-эпидемиологическое благополучие, но и отношения, связанные с качеством питьевой воды, продуктов питания как для человека, так и для сельскохозяйственных животных, отношения, связанные с ограничением потребления табачных изделий, наркотических и психотропных средств, алкоголя. Каждый из указанных типов общественных отношений характеризуется спецификой неблагоприятных для здоровья человека действий и бездействий, степенью непосредственного воздействия на здоровье человека, степенью научной доказанности вреда здоровью с характером действий и бездействий, имеющих правовую регламентацию.

Соответственно, для каждого типа охраняемых административно-деликтным законодательством отношений существует специфика административного пресечения.

Кроме того, нами обращается внимание на то, что в настоящее время модель организации вытрезвителей не в полной мере позволяет говорить о предпосылках эффективной работы такого рода медицинских организаций в исследуемый период. Предлагается устранить множественность органов публичной власти, которые непосредственно осуществляют финансирование и создание медицинских вытрезвителей, исключив органы местного самоуправления, и частные организации в рамках муниципально-частного партнерства. В силу того, что с 2018 года муниципалитеты лишились практически всех медицинских организаций в своем подчинении, соответственно, наделение их правом создавать медицинские вытрезвители выглядит нелогичным.

Доказывается необходимость акцентировать внимание правоприменителей на лицах с явными признаками психической инвалидности и дополнить содержание пункта 1 части 1 статьи 22 Федерального закона «О полиции» о применении специальных средств, изложив его следующим образом: «1. Сотруднику полиции запрещается применять специальные средства: 1) в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, включая психическую инвалидность, и малолетних лиц, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции».

Аналогичным образом предлагается отредактировать нормы о применении специальных средств в Законе РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О государственной границе», Федеральном законе от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», Федеральном законе от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране», Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральном законе от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Федеральном законе от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Законе РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральном законе от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», Федеральном законе от 17.12.1994 № 67-ФЗ «О федеральной фельдъегерской связи».

¹ См.: Старостин С.А. Административное право России. Общая часть: Учебник. Москва, 2010. С. 256–260.

Научная дискуссия

Функции административного пресечения могут выполнять как специально предназначенные для этого меры пресечения типа применения физической силы, так и административно-обеспечительные меры в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Ряд мер административного пресечения может носить комплексный характер, обладая и чертами предупреждения, и чертами пресечения. К таковым, в частности, ряд авторов относит официальное предостережение, вносимое органами внутренних дел в соответствии с пунктом 12 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» [4, с. 31–38]. Кроме того, комплексным характером обладает большинство административно-обеспечительных мер в производстве по делам об административных правонарушениях.

Классификация мер административного пресечения в сфере охраны здоровья представляется исходя из критерия оснований применения мер пресечения.

Первая группа мер административного пресечения в сфере охраны здоровья связана непосредственно с административными правонарушениями в сфере охраны здоровья и вытекает из содержания Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также из законодательных актов, определяющих полномочия органов, уполномоченных составлять протоколы по делам об административных правонарушениях и применять меры пресечения. Оговоримся, что некоторые административно-пресекательные меры имеют одинаковые наименования, но применяются в соответствии с разными нормативными актами – в одних случаях, если речь идет о производстве по делу об административном правонарушении в порядке КоАП РФ, в других в порядке специального федерального законодательства, например Федерального закона «О полиции». Специфика производства по делу об административном правонарушении в сфере охраны здоровья связана со спецификой применения мер административного пресечения, определяемой характером состава административного правонарушения.

Прежде всего к традиционным мерам пресечения в сфере охраны здоровья следует отнести доставку лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке в специализированную медицинскую организацию, осуществляющую вытрезвление указанных категорий лиц в соответствии с пунктом 14 части 1 статьи 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». То есть речь идет о пресечении административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.21 КоАП РФ. И хотя родовым объектом данного вида правонарушений выступает общественный порядок и общественная безопасность, дополнительным объектом, на наш взгляд выступает здоровье человека, которое страдает от явно чрезмерного употребления спиртных напитков, либо от незаконного употребления наркотических и иных психоактивных веществ. Кроме того, нахождение в общественных местах в состоянии опьянения может наносить вред нравственному здоровью окружающих, прежде всего, несовершеннолетних. Возобновление в 2020 году функционирования медицинских вытрезвителей¹ играет, на наш взгляд, положительную роль в пресечении административных правонарушений, связанных с употреблением алкоголя, наркотиков и иных психоактивных веществ. Сама процедура доставления урегулированная Приказом МВД России от 13.04.2021 № 212 «Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции»² оставляет за органами внутренних дел собственно право доставления, но сами медицинские вытрезвители выведены из подчинения МВД России, координацию их деятельности осуществляет федеральный орган государственного управления в сфере здравоохранения, а непосредственная организация

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения: Федеральный закон от 29 декабря 2020 года № 464-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1. Часть I. Ст. 3.

² Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции: Приказ МВД России от 13 апреля 2021 года № 212 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

деятельности возложена на органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления. Медицинские вытрезвители могут создаваться на условиях государственно-частного партнерства, что свидетельствует, с одной стороны, о недостаточности бюджетного финансирования указанной деятельности, а с другой о некоем неоднозначном отношении определенной части общества и законодателей к самой системе медицинских вытрезвителей.

Вполне очевидно, что та система медицинских вытрезвителей, которая существовала в России с досоветского периода и до 2011 года во многом изжила себя. В разные исторические периоды вытрезвители подчинялись как органам управления здравоохранением, так и органам внутренних дел. Предложенная в настоящее время модель организации вытрезвителей не в полной мере позволяет говорить о предпосылках эффективной работы такого рода медицинских организаций в исследуемый период. Получилось, что по образному выражению вытрезвители стали «у семи нянек дитя без глазу». Данный тезис обосновывается нами тем, что, во-первых, четко не определен вид органов публичной власти, который непосредственно осуществляет финансирование и создание вытрезвителей. В настоящее время это и органы государственной власти субъекта РФ, и органы местного самоуправления, и частные организации в рамках государственно-частного или муниципально-частного партнерства. В то же время, с 2018 года муниципалитеты лишились практически всех медицинских организаций в своем подчинении, соответственно, наделение их правом создавать медицинские вытрезвители выглядит нелогичным. Во-вторых, порядок организации деятельности медицинских вытрезвителей определен совместным актом 3 федеральных органов исполнительной власти¹, но встает вопрос, а какой из них контролирует деятельность медицинских вытрезвителей?

Необходимо различать доставление как пресекательную меру, реализуемую сотрудниками органов внутренних дел и, собственно, сам процесс вытрезвления.

Наряду с доставлением в медицинский вытрезвитель одной из мер пресечения можно рассматривать официальное предостережение должностными лицами органов внутренних дел в отношении несовершеннолетних, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, либо употребляющих одурманивающие вещества, алкогольную и (или) спиртосодержащую продукцию². Речь идет о пресечении административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.9 КоАП РФ. Данная мера носит двойственный, предупредительный и пресекательный характер, и направлена на защиту здоровья несовершеннолетних [2, с. 61–64]. Пресекательный характер данной меры административного принуждения в области охраны здоровья определяется пунктом 1.1 Приказа МВД России от 03.04.2020 № 119, где говорится не только о предупреждении условий, создающих угрозу совершения административных правонарушений, но и о недопустимости продолжения антиобщественного поведения. В юридической литературе отмечается никакая эффективность применения данной и подобных ей мер в силу специфики психики несовершеннолетних [7, с. 50–53]. К вытекающим из содержания статьи 13 Федерального закона «О полиции» мерам пресечения, применяемым органами внутренних дел, относится требование о прекращении противоправных действий, которое имеет определенную схожесть с официальным предостережением, но формально не является таковым так как регулируется разными пунктами статьи 13 (1) и (12) соответственно.

От доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения следует отличать задержание такого рода лиц, хотя в судебной практике складывается неоднозначное понимание того, на что в данном случае направлено пресечение. Так, Первым кассационным судом общей юрисдикции 26.07.2021 по делу № 88а-17083/2021 подтверждена законность применения сотрудниками полиции административного задержания лица за нахождение в общественных местах в

¹ Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения: Приказ Минздрава России № 689н, Минтруда России № 440н, МВД России № 509 от 30 июня 2021 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения: Приказ МВД России от 04 марта 2020 года № 119 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

состоянии алкогольного опьянения и указано, что целью административного задержания выступило лишь обеспечение производства по делу об административном правонарушении, но никак не забота о нравственном и психическом здоровье окружающих.

Прямое отношение к охране здоровья имеет задержание лиц в порядке пунктов 11 и 12 статьи 14 Федерального закона «О полиции». Речь идет о лицах, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих, а также о лицах, совершивших побег¹ из психиатрического лечебного учреждения или скрывающихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение [16, с. 27–32]. В этом контексте следует различать так называемое «полицейское задержание» [15, с. 62–64] не связанное с принудительными мерами медицинского характера в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством и задержание связанное с таковыми [8, с. 8–11]. В контексте публичного управления нас, конечно же, интересует задержание вне связи с применением принудительных мер медицинского характера. На наш взгляд, установленное в части 11 статьи 14 Федерального закона «О полиции» ограничение на совершение телефонного звонка и уведомление близких родственников о задержании лица совершившего побег из психиатрического лечебного учреждения или скрывающегося от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение, не в полной мере учитывает законные интересы не столько самого лица с вменяемым ему психическим расстройством, сколько интересы его родственников и близких лиц. И если с ограничением права на телефонный звонок такого лица можно согласиться, то ограничение обязанности сотрудников органов внутренних дел об уведомлении близких родственников или близких лиц не имеет какого-либо внятного обоснования.

С охраной здоровья населения связано право сотрудников органов внутренних дел требовать от граждан покинуть место совершения административного правонарушения, если это необходимо для обеспечения безопасности граждан; в целях защиты жизни, здоровья, а также право обязывать граждан оставаться на соответствующих участках местности и объектах или покинуть их; обращаться к группам граждан, нахождение которых в общественных местах не связано с проводимыми на законных основаниях публичными и массовыми мероприятиями, с требованием разойтись или перейти в другое место, если возникшее скопление граждан создает угрозу их жизни и здоровью, жизни и здоровью других граждан.

С потреблением наркотических, психотропных и новых потенциально опасных психоактивных веществ связано пресечение пропаганды наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Важно понимать, что пресечение незаконного потребления и пропаганды наркосодержащих и психоактивных веществ не есть прерогатива исключительно органов внутренних дел и органов государственного управления в сфере здравоохранения. Практически в каждом правоохранительном органе предусмотрена система мер по выявлению и пресечению подобных действий. Так, например, в Вооруженных Силах Российской Федерации предусмотрена система мер как профилактики, так и пресечения потребления наркотических веществ, включающая в себя: обследование территорий воинских частей на предмет обнаружения закладок с наркотиками с привлечением кинологов со служебными собаками; выявление и уничтожение незаконных посевов и очагов произрастания дикорастущих наркосодержащих растений на территории воинских частей; проведение обследований (включая внезапные) военнослужащих на предмет употребления наркотиков и иных психоактивных веществ². При этом функции административного пресечения возлагаются на органы военной

¹ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: Приказ МВД России от 30 апреля 2012 года № 389 (ред. от 06.07.2020) // Российская газета. 2012. 11 июля.

² Об организации работы по противодействию незаконному потреблению и обороту наркотических средств и психотропных веществ в Вооруженных Силах Российской Федерации (вместе с «Порядком проведения Всеармейского месячника противодействия наркомании «Армия против наркотиков!»): Приказ Министра обороны РФ от 11 декабря 2017 года № 764 (официально не опубликован) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

полиции. Пунктом 5 статьи 21 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации¹ предусмотрено право военной полиции производить личный досмотр военнослужащих на предмет обнаружения наркотиков, психотропных средств и их прекурсоров, а также изымать указанные вещества. Указанная мера административного пресечения распространяется не только на военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, но и на военнослужащих, проходящих военную службу в иных федеральных органах исполнительной власти [14, с. 2–7].

Совершенно ясно, что с обеспечением права на жизнь связано обеспечение права на охрану здоровья – неоказание в чрезвычайной ситуации первой помощи или медицинской помощи влечет нарушение не только утрату здоровья, но и, возможно, жизни. В этом контексте прав Ю.П. Соловей, который анализируя содержание пункта 1 части 3 статьи 15 Федерального закона «О полиции», которая регламентирует проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, говорит о том, что «достаточными данными, свидетельствующими о наличии непосредственной угрозы жизни либо имуществу человека, могут служить, например, крики о помощи, стоны, доносящиеся из квартиры, демонстративная попытка какого-либо лица отравиться бытовым газом или совершить самоубийство иным общеопасным способом» [13, с. 21].

Неразделимость охраны жизни и охраны здоровья позволяет отнести к пресекательным мерам, применяемым органами внутренних дел в сфере охраны здоровья: вскрытие транспортного средства для спасения жизни граждан; оцепление (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов при необходимости предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, которые не могут быть защищены иным способом.

Конечно же, невозможно оставить без внимания возможность применения физической силы и специальных средств в качестве методов пресечения административных правонарушений, включая правонарушения в сфере охраны здоровья. Одним из важных аспектов применения физической силы и специальных средств сотрудниками правоохранительных органов выступают связанные с охраной здоровья лица, в отношении которого применяются физическая сила или специальные средства ограничения связанные с состоянием здоровья данных лиц. В частности, ограничивается применение специальных средств в отношении лиц с явными признаками инвалидности. Вместе с тем, проведенный нами в 2022 году среди сотрудников органов внутренних дел Краснодарского края опрос 100 сотрудников органов внутренних дел показал, что 95 % из опрошенных считают, что явными могут быть только признаки физической инвалидности и не знают, что инвалидность может быть и вследствие психического расстройства и также имеет явные признаки. Между тем, необходимость применения мер принуждения к лицам с психическими расстройствами не такая уж и редкость. На наш взгляд, необходимо дополнить содержание пункта 1 части 1 статьи 22 Федерального закона «О полиции» изложив его следующим образом: «1. Сотруднику полиции запрещается применять специальные средства: 1) в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, включая психическую инвалидность и малолетних лиц, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции». Аналогичным образом предлагается отредактировать нормы о применении специальных средств в Законе РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О государственной границе», Федеральном законе от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», Федеральном законе от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране», Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральном законе от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Федеральном законе от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Законе РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральном законе от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», Федеральном законе от 17.12.1994 № 67-ФЗ «О федеральной фельдъегерской связи».

В ряду мер административного пресечения в сфере охраны здоровья отдельного внимания заслуживают административно-обеспечительные меры в производстве по делам об административных правонарушениях, имеющие элементы пресечения.

¹ Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 марта 2015 года № 161 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 13. Ст. 1909.

Некоторые из обеспечительных мер являются разновидностью мер пресечения, применяемых уполномоченными правоохранительными органами, такие как, например, доставление, административное задержание, другие же меры поименованы в качестве обеспечительных, но носят дополнительный пресекательный характер. Другими словами, важна первичная и дополнительная цель применения той или иной меры, а именно что первично – пресечение или обеспечение производства по делу об административном правонарушении. Хотя, справедливости ради, в процессе применения соответствующей меры административного принуждения порой цель обеспечения и пресечения является двуединой.

Помимо доставления, административного задержания и досмотра транспортного средства пресекательным характером в целях обеспечения здоровья граждан обладает изъятие вещей и документов в порядке статьи 27.10 КоАП РФ. Для анализируемой сферы государственного управления значение имеют прежде всего части 12 и 13 статьи 27.10 КоАП РФ, где речь идет об изъятии наркотических средств и психотропных веществ [1, с. 20–25], а также алкогольная и спиртосодержащая продукция. Уничтожение алкогольной и спиртосодержащей продукции, не отвечающей обязательным требованиям стандартов, санитарных правил и гигиенических нормативов, подлежит направлению на переработку или уничтожению даже без вынесения судебного акта. Конституционным Судом Российской Федерации подчеркнуто, что «право частной собственности, как вытекает из статей 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья...»¹.

Кроме того, к вещам, подлежащим изъятию и подвергаемым быстрой порче, а потому, подлежащих уничтожению, могут относиться лекарственные средства, требующие особых условий хранения, например настои трав, применяемые в народной (неконвенциональной) медицине.

Традиционно мерой административного пресечения выступает отстранение от управления транспортным средством лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения с последующим освидетельствованием на состояние алкогольного опьянения или медицинским освидетельствованием на состояние опьянения. Этой проблематике посвящено достаточно много работ специалистов в области административного права и административного процесса [5, с. 29–33; 6; 12]. Но для целей настоящего исследования важно расставить акценты применения данной меры. Для целей охраны здоровья значение имеет не столько медицинское освидетельствование, сколько отстранение лица от управления транспортным средством соответствующего вида. На наш взгляд данная мера пресечения по отношению к охране здоровья населения имеет сопряженное с процессуальными целями значение в силу того, что устраняется потенциальная опасность нанесения вреда здоровью как самого водителя соответствующего транспортного средства, так и здоровью иных лиц – пассажиров, иных участников дорожного движения. В этом смысле интересна точка зрения Ю.И. Попугаева, который видит в качестве одной из проблем применения этой и иных мер обеспечительного характера «отсутствие единого подхода к определению конкретной процессуальной цели применения каждой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» [11, с. 34]. Подобную позицию высказал В.Р. Кисин, отмечая, что «формулировки ч. 1 и ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ вполне позволяют уяснить цели отстранения от управления транспортным средством, освидетельствования и медицинского освидетельствования на состояние опьянения водителя транспортного средства и исключают их произвольное толкование. Однако этого нельзя сказать относительно правового регулирования направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения иных лиц» [5, с. 30]. От себя добавим, что необходимо указание не только на процессуальную цель, но и на иные, материально-правовые цели применения административно-обеспечительных мер. Примером тому может служить условия применения такой обеспечительной меры как временный запрет деятельности. Общее условие применения данной одновременно обеспечительной и пресекательной меры связано не только с возможной санкцией в виде административного приостановления деятельности, но и с непосредственной угрозой жизни или здоровью людей, возникновения

¹ По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Бизнеслайн – Дальний Восток» на нарушение конституционных прав и свобод положением части 12 статьи 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 года № 408-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 5.

эпидемии. Например, если в качестве субъекта, осуществляющего распространение информации, подпадающей под действие статьи 6.13 КоАП РФ о пропаганде наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, то к ним может в качестве административно-пресекательной меры может применяться временный запрет деятельности в порядке статьи 27.16 КоАП РФ.

Пресекательный характер административно-принудительных мер в сфере охраны здоровья характерен не только для деятельности органов, которые традиционно принято называть правоохранительными. В соответствии с законодательством о лицензировании, в частности пунктом 4 части 1 статьи 7 Федерального закона 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ уполномоченные должностные лица лицензирующих органов вправе применять меры по пресечению административных правонарушений [3; 10].

При осуществлении контрольно-надзорных мероприятий соответствующий орган вправе выдать после оформления акта контрольного (надзорного) мероприятия контролируемому лицу предписание об устранении выявленных нарушений с указанием разумных сроков их устранения и (или) о проведении мероприятий по предотвращению причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а также других мероприятий, предусмотренных федеральным законом о виде контроля. Так, даже в условиях некоторого послабления в части плановых проверок в 2022 году Правительством Российской Федерации было допущено проведение запланированных на 2022 год плановых контрольных (надзорных) мероприятий в рамках федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) в отношении объектов контроля, отнесенных к категории чрезвычайно высокого риска, например, образовательных организаций, организаций по оказанию социальных услуг с проживанием, родильных домов и перинатальных центров².

Таким образом мы можем констатировать, что административно-пресекательные меры в сфере охраны здоровья могут применяться как в связи с совершением административного правонарушения, так и в связи с совершением иного противоправного деяния, а также реализовываться в рамках контрольно-надзорных мероприятий, как непосредственно связанных с охраной здоровья, так и связанных с данной сферой деятельности опосредованно. При этом ряд мер носит «парный», обеспечительный и пресекательный характер.

Список использованной литературы:

1. Агапов А.Б. Имущественные споры в административном судопроизводстве. *Административное право и процесс*. 2019;(9):20–25.
2. Вальков А.П., Кочеров Ю.Н., Сотников С.С. О некоторых аспектах объявления сотрудниками полиции официального предостережения. *Российский следователь*. 2021;(8):61–64. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-8-61-64.
3. Джамиризе Б.Ю. Меры административного принуждения, применяемые к юридическим лицам в связи с нарушениями лицензионных требований: монография. Москва: Норма; 2021.
4. Кайнов В.И., Шеншин В.М. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права. *Право в Вооруженных Силах*. 2022;(6):31–39.
5. Кисин В.Р. Меры обеспечения производства по

References:

1. Agapov A.B. [Property disputes in administrative proceedings]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2019;(9):20–25. (In Russ.)]
2. Val'kov A.P., Kocherov Yu.N., Sotnikov S.S. [On some aspects of the announcement by police officers of an official warning]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2021;(8):61–64. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-8-61-64. (In Russ.)]
3. Dzhmirze B.Yu. [Measures of administrative coercion applied to legal entities in connection with violations of license requirements]. Moscow: Norma; 2021. (In Russ.)]
4. Kainov V.I., Shenshin V.M. [On the legal regulation of some measures of administrative restraint applied by law enforcement agencies: innovations in administrative law]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*. 2022;(6):31–39. (In Russ.)]
5. Kisin V.R. [Measures to ensure proceedings in cases

¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

² Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 года № 336 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.

делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования. *Административное право и процесс*. 2018;(1):29–33.

6. Костин С.Г. К вопросу о проблемах применения мер административного принуждения в виде направления правонарушителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. *Административное право и процесс*. 2018;(8):65–69.

7. Кострова О.В. Правовые нюансы применения института официального предостережения в отношении несовершеннолетних. *Административное право и процесс*. 2022;(7):50–53. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-7-50-53.

8. Лобачев Д.А. Закон «О полиции» «вторгся» в уголовно-процессуальную сферу. *Уголовное судопроизводство*. 2011;(3):8–11.

9. Минтягов С.А., Иванов П.М. Организационно-правовые основы деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации: изменения в законодательстве. *Право в Вооруженных Силах*. 2018;(3):4–9.

10. Полежаев Д.А. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением лицензионного контроля. *Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сборник научных статей*. Москва: РГУП; 2018.

11. Попугаев Ю.И. Некоторые концептуальные положения по оптимизации процессуальной части КоАП РФ. *Административное право и процесс*. 2019;(8):32–35.

12. Соколов А.Ю. Отстранение от управления транспортным средством как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. *Административное право и процесс*. 2012;(11):28–30.

13. Соловей Ю.П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции». *Административное право и процесс*. 2012;(3):17–25.

14. Туганов Ю.Н. Устав военной полиции и возможности его применения к военнослужащим других войск, воинских формирований и органов. *Право в Вооруженных Силах*. 2015;(9):2–7.

15. Чупилкин Ю.Б. О необходимости совершенствования порядка задержания, предусмотренного в проекте Федерального закона «О полиции». *Российская юстиция*. 2010;(12):62–64.

16. Шишков С.Н. Пробелы и противоречия в законодательстве о психиатрии. *Законность*. 2014;(9):27–32.

of administrative offenses: the legal nature and shortcomings of legal regulation]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2018;(1):29–33. (In Russ.)]

6. Kostin S.G. [To the question of the problems of applying measures of administrative coercion in the form of sending an offender to a medical examination for a state of intoxication]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2018;(8):65–69. (In Russ.)]

7. Kostrova O.V. [Legal nuances of the application of the institute of official warning against minors]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2022;(7):50–53. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-7-50-53. (In Russ.)]

8. Lobachev D.A. [The law "On Police" "invaded" the criminal procedure sphere]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Justice*. 2011;(3):8–11. (In Russ.)]

9. Mintyagov S.A., Ivanov P.M. [Organizational and legal basis for the activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation: changes in legislation]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*. 2018;(3):4–9. (In Russ.)]

10. Polezhaev D.A. [Actual problems associated with the implementation of license control]. *Actual problems of harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision: collection of scientific articles*. Moscow: RGUP; 2018. (In Russ.)]

11. Popugaev Yu.I. [Some conceptual provisions for optimizing the procedural part of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2019;(8):32–35. (In Russ.)]

12. Sokolov A.Yu. [Suspension from driving as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2012;(11):28–30. (In Russ.)]

13. Solovei Yu.P. [Entry (penetration) of police officers into residential and other premises, land plots and territories as a measure of state coercion, provided for by the Federal Law "On Police"]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2012;(3):17–25. (In Russ.)]

14. Tuganov Yu.N. [The charter of the military police and the possibility of its application to servicemen of other troops, military formations and bodies]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*. 2015;(9):2–7. (In Russ.)]

15. Chupilkin Yu.B. [On the need to improve the detention procedure provided for in the draft Federal Law "On Police"]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2010;(12):62–64. (In Russ.)]

16. Shishkov S.N. [Gaps and contradictions in the legislation on psychiatry]. *Zakonnost' = Legitimacy*. 2014;(9):27–32. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of
the Department of Theory and History of State and Law
of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ УСЛОВИЯХ ВЪЕЗДА (ВЫЕЗДА) И ПРЕБЫВАНИЯ (ПРОЖИВАНИЯ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА» И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Жеребцов А.Н.*, Куреев В.В.

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
(Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005)

Ссылка для цитирования: Жеребцов А.Н., Куреев В.В. Проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» и вопросы совершенствования административного надзора в сфере миграции. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):34–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-34-39>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жеребцов Алексей Николаевич*, доктор юридических наук, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

Адрес: Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005

Тел.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.10.2022

Статья принята к печати: 28.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: *Целью* представленного исследования является анализ современного состояния федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции в контексте современной реформы государственного контроля (надзора) в Российской Федерации и попытка законодательного формирования данного вида контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции в проекте Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства».

В результате исследования было выявлено, что современный федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции касается лишь внешней, внешней трудовой иммиграции и не затрагивает системно все существующие виды миграционных потоков, а именно внутренней миграции, внешней миграции, внешней трудовой, образовательной и вынужденной миграции населения, что не позволяет эффективно осуществлять цели государственной миграционной политики и бороться с незаконной миграцией в Российской Федерации.

Вывод: предлагается системное административно-правовое регулирование административного надзора в сфере миграции как вида государственной контрольно-надзорной деятельности, систему предмета данного надзора, который может быть реализован лишь в рамках системной кодификации российского миграционного законодательства.

Ключевые слова: федеральный государственный контроль (надзор), миграция, внешняя трудовая миграция, внешняя миграция, внутренняя миграция, контрольно-надзорная деятельность, административный надзор в сфере миграции.

DRAFT FEDERAL LAW "ON THE CONDITIONS OF ENTRY (EXIT) AND STAY (RESIDENCE) IN THE RUSSIAN FEDERATION FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS" AND ISSUES OF IMPROVING ADMINISTRATIVE SUPERVISION IN THE FIELD OF MIGRATION

Alexey N. Zherebtsov*, Viktor V. Kureev

FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
(Yaroslavskaya str., 128, Krasnodar, Russia, 350005)

Link for citation: Zherebtsov A.N., Kureev V.V. Draft Federal Law "On the Conditions of Entry (Exit) and Stay (Residence) in the Russian Federation of Foreign Citizens and Stateless Persons" and Issues of Improving Administrative Supervision in the Field of Migration. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):34–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-34-39>

CONTACT INFORMATION:

Alexey N. Zherebtsov*, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Address: Yaroslavskaya str., 128, Krasnodar, Russia, 350005

Tel.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.10.2022

The article has been accepted for publication: 28.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The purpose of the presented study is to analyze the current state of federal state control (supervision) in the field of migration in the context of the modern reform of state control (supervision) in the Russian Federation and an attempt to legislatively form this type of control and supervisory activities in the field of migration in the draft Federal Law "On the conditions of entry (exit) and stay (residence) in the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons". As a result of the study, it was revealed that the modern federal state control (supervision) in the field of migration concerns only external, external labor immigration and does not systematically affect all existing types of migration flows, namely internal migration, external migration, external labor, educational and forced migration of the population, which does not allow to effectively implement the goals of the state migration policy and combat illegal migration in the Russian Federation. Conclusion: a systematic administrative and legal regulation of administrative supervision in the field of migration as a type of state control and supervisory activity, a system of the subject of this supervision, which can be implemented only within the framework of the systemic codification of Russian migration legislation, is proposed.

Keywords: federal state control (supervision), migration, external labor migration, external migration, internal migration, control and supervisory activities, administrative supervision in the field of migration.

Введение

В рамках проводимой в настоящее время реформы контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти РФ, субъектов РФ и органов местного самоуправления, определенную актуальность приобретает формирование законодательных основ осуществления отдельных видов государственного контроля и административного надзора, которые не подпадают, в части организации и осуществления, под действие основного и общего Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ о государственном контроле

¹ Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. (Часть I). Ст. 5007.

(надзоре)). К числу таких видов государственного контроля (надзора), среди прочих, относится федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции (п. 11 ч. 5 ст. 2 ФЗ о государственном контроле (надзоре)). Следует отметить, что в настоящее время для целей преодоления сложившейся ситуации с административно-правовым регулированием контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции в рамках МВД России разработан и внесен для общественного обсуждения проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹, где глава 19 посвящена административному надзору за законностью пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан (лиц без гражданства) (далее – ИГ и ЛБГ). Между тем, осуществляя реформирование данного административно-правового института, приведенный проект порождает больше проблемных вопросов, чем предпринимает попытку устранить пробелы правового регулирования общественных отношений при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции населения. Во-первых, как соотносится федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции и административный надзор за законностью пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан. Во-вторых, каков предмет контрольно-надзорной деятельности в указанных сферах. В-третьих, следует ли относить дактилоскопическую регистрацию и идентификацию иностранных граждан, государственную геномную регистрацию иностранных граждан и лиц без гражданства, ведение реестра недобросовестных приглашающих лиц и реестра недобросовестных работодателей к мерам административного надзора за законностью пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан?

Методы исследования

Представленное научное исследование основывается на диалектической методологии познания на стадии критики существующей концепции федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции населения и описания, классификации и формировании нового, отвечающего потребностям современного развития миграционных процессов, подхода к содержанию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. В проведенном исследовании использовались как многообразные общенаучные методы исследования (анализа, синтеза, системности, индукции и дедукции и т.п.), так и специально-юридические методы юридического моделирования, который позволил сформулировать и обосновать предложения по определению предмета административного надзора в сфере миграции, формировании системы обязательных требований, предъявляемых к поднадзорному субъекту.

Результаты исследования

Основываясь на ранее предложенной нами системе миграционных правоотношений, образующих предмет миграционного права² [1; 3; 4; 5], следует признать, что предметом административного надзора в сфере миграции должны стать следующие виды обязательных требований:

– обязательные требования, предъявляемые внутренним мигрантам гражданам Российской Федерации, определенные в Законе РФ от 25 июня 1993 года № 5242-1 (ред. от 01.07.2021) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»³;

– обязательные требования, предъявляемые внешним иммигрантам временно пребывающим (краткосрочно пребывающим), временно проживающим (долгосрочно пребывающим) и постоянно проживающим в Российской Федерации, приглашающей стороне, определенные в настоящее время в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», Федеральном законе от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую

¹ Проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» [сайт]. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов; 2022 [процитировано 08 сентября 2022]. Доступно: <https://regulation.gov.ru/>.

² Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Административная ответственность в миграционном праве Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты: научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2019.

³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

Федерацию»¹, Федеральном законе от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»² или в будущем Федеральном законе «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»;

– обязательные требования, связанные с оказанием ИГ (ЛБГ) образовательных и иных услуг, привлечением их к трудовой деятельности на территории Российской Федерации, определенные в настоящее время в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» или в будущем Федеральном законе «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»;

– обязательные требования, связанные с выездом (эмиграцией) граждан Российской Федерации за границу (внешняя эмиграция граждан РФ), определенные в настоящее время в Федеральном законе от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»;

– обязательные требования, связанные с привлечением граждан Российской Федерации для работы за границей (внешняя трудовая эмиграция), определенные в Федеральном законе от 04 мая 2011 года № 99-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О лицензировании отдельных видов деятельности»³;

– обязательные требования, связанные с исполнением обязанностей вынужденными мигрантами, определенные в Законе РФ от 19 февраля 1993 года № 4530-1 (ред. от 08.12.2020) «О вынужденных переселенцах»⁴ и Федеральном законе от 19 февраля 1993 года № 4528-1 (ред. от 01.07.2021) «О беженцах»⁵.

Научная дискуссия

В настоящее время положения п. 11 ч. 5 ст. 2 ФЗ о государственном контроле (надзоре) позволяют признать, что такой вид контрольно-надзорной деятельности как федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции регламентируется нормами ст. 32 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁶, где в качестве предмета федерального государственного контроля (надзора) за трудовой деятельностью иностранных работников является соблюдение работодателем, заказчиком работ (услуг), принимающей (приглашающей) стороной требований, установленных в приведенном законе, других федеральных законах и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере миграции. Это означает, что федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции осуществляется лишь за соблюдением обязательных требований в сфере внешней трудовой иммиграции. Часть 1 и 2 ст. 96 проекта Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» в качестве предмета административного надзора за законностью пребывания (проживания) в Российской Федерации ИГ (ЛБГ) выступают обязательные требования связанные с пребыванием (проживанием) ИГ (ЛБГ) на территории Российской Федерации, приглашением ИГ (ЛБГ) в Российскую Федерацию, в том числе в связи с оказанием ему образовательных и иных услуг, привлечением к трудовой деятельности ИГ (ЛБГ) на территории Российской Федерации. Здесь следует отметить, что предмет указанного административного надзора немного расширен, но не значительно и охватывает не только общественные отношения в сфере внешней трудовой иммиграции и образовательной иммиграции ИГ (ЛБГ) в Российскую Федерацию, но и внешней иммиграцией пребывающих (проживающих) ИГ (ЛБГ). Из приведенных положений видно, что предмет административного надзора за законностью пребывания (проживания) в Российской Федерации ИГ (ЛБГ), определенный в проекте федерального закона, и предмет федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, сформулированного в ныне действующем Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

¹ Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

² Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

³ Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

⁴ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 427.

⁵ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 425.

⁶ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

Федерации», соотносятся как целое и часть, где в первом случае имеет место незначительное расширение предмета административного надзора в сфере миграции.

Представляется, что предложенная интерпретация предмета административного надзора является необоснованной и весьма ошибочной [2]. Совершенно не обоснованно выделять с одной стороны федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, а с другой административный надзор за законностью пребывания (проживания) в Российской Федерации ИГ (ЛБГ), в которых предмет является практически идентичен. Из положений как действующего федерального законодательства, так и представленного проекта федерального закона контрольно-надзорная деятельность федеральных органов государственной власти в сфере миграции (а она отнесена к исключительному ведению федеральных органов государственной власти) осуществляется исключительно в сфере внешней иммиграции, внешней трудовой иммиграции и внешней образовательной иммиграции, что нельзя признать системным и целостным подходом к формированию данного института миграционного права как подотрасли Особенной части административного права.

Другой, на наш взгляд, проблемой административного надзора в сфере миграции (а именно так, по нашему мнению, данный вид деятельности должен называться) является включение в качестве мер осуществления административного надзора таких действий, осуществляющих надзирающим лицом, как дактилоскопической регистрации и идентификации ИГ (ЛБГ), государственной геномной регистрации ИГ и ЛБГ, ведение реестра недобросовестных приглашающих лиц и реестра недобросовестных работодателей. Предлагаемая в ст. ст. 100 и 102 проекта Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» необходимость проведения государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования, а также государственной геномной регистрации ИГ и ЛБГ, не является мерой направленной на осуществление или обеспечение административного надзора в сфере миграции. Данные мероприятия преследуют цель предупреждения в настоящее время и в будущем совершения нарушения миграционного законодательства, выступая мерами такой профилактики. Представляется, что к числу мер профилактического воздействия на мигрантов, кроме указанных, следует так же отнести: 1) информирование ИГ (ЛБГ) о юридически значимых событиях; 2) соглашение о лояльности; 3) режим контролируемого пребывания ИГ (ЛБГ); 4) требование о регистрации мигранта в Едином портале государственных и муниципальных услуг и использование им государственного мобильного приложения для ИГ (ЛБГ); 5) сбор и фиксация в пункте пропуска через Государственную границу РФ должностными лицами пограничного органа ФСБ России сведений об ИГ (ЛБГ); 6) приглашение на въезд иностранного гражданина и ведение реестра недобросовестных приглашающих лиц; 7) ведение реестра недобросовестных работодателей.

Приведенные положения позволяют признать, что закрепленная в ст. ст. 100, 102–104 проекта Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» система мер осуществления административного надзора в сфере миграции должна быть предусмотрена в главе 20 указанного проекта федерального закона, где закрепляются меры профилактического характера, направленные на предупреждение совершения мигрантами нарушений миграционного законодательства (обязательных требований).

В завершении анализа актуальных проблем административного надзора в сфере миграции следует отметить, что предлагаемый нами предмет данной надзорной деятельности требует уточнения круга субъектов как осуществляющих административный надзор, так и поднадзорных субъектов. Представляется, что эффективная административно-правовая регламентация административного надзора может быть осуществлена в рамках целостной и системной кодификации миграционного законодательства России, а не в рамках попыток бессистемной «малой» кодификации внешней иммиграции, включая внешней трудовой иммиграции ИГ (ЛБГ), которая предпринимается в рамках приведенного проекта федерального закона.

Список использованной литературы:

1. Жеребцов А.Н. Понятие и основные элементы механизма формирования и реализации правовой миграционной политики России. *Российская юстиция*. 2007;(4):2–7.

References:

1. Zherebtsov A.N. [The concept and the main elements of the mechanism of formation and implementation of the legal migration policy of Russia]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*. 2007;(4):2–7. (In Russ.)]

2. Жеребцов А.Н. Федеральный государственный миграционный надзор: начало теоретического анализа. *Государственный контроль и надзор как способы обеспечения законности в сфере экономической деятельности. Сборник материалов международной научно-практической конференции «Лазаревские чтения», посвященной памяти доктора юридических наук, заслуженного юриста РСФСР Елены Викторовны Шориной.* М., 2019.

3. Жеребцов А.Н., Арутюнян А.Д. О сущности миграционного правоотношения и месте миграционного права в системе российского права. *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции.* Краснодар: Краснодарский университет МВД России; 2020.

4. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право в системе административного права Российской Федерации: место и значение. *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2020;(4):81–90. DOI: 10.31429/20785836-12-4-81-90.

5. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. К вопросу о предмете миграционного права России. *Актуальные проблемы науки административного и финансового права: сборник материалов международной научно-практической конференции «Лазаревские чтения – 2021» (Москва, 10 февраля 2021).* Москва: Институт государства и права РАН; 2021.

2. Zharebtsov A.N. [Federal State Migration Supervision: the beginning of a theoretical analysis]. *Gosudarstvennyi kontrol' i nadzor kak sposoby obespecheniya zakonnosti v sfere ehkonomicheskoi deyatel'nosti. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Lazarevskie chteniYA», posvyashchennoi pamyati doktora yuridicheskikh nauk, zasluzhennogo yurista RSFSR Eleny Viktorovny Shorinoi = State control and supervision as ways of ensuring legality in the sphere of economic activity. Collection of materials of the international scientific and practical conference "Lazarev Readings" dedicated to the memory of Doctor of Law, Honored Lawyer of the RSFSR Elena Viktorovna Shorina.* M., 2019. (In Russ.)]

3. Zharebtsov A.N., Arutyunyan A.D. [On the essence of the migration legal relationship and the place of migration law in the system of Russian law]. *Administrativno-pravovoe regulirovanie pravookhranitel'noi deyatel'nosti: teoriya i praktika. Materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Administrative and legal regulation of law enforcement activities: theory and practice. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference.* Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020. (In Russ.)]

4. Zharebtsov A.N., Malyshev E.A. [Migration law in the system of administrative law of the Russian Federation: place and significance]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University.* 2020;(4):81–90. DOI: 10.31429/20785836-12-4-81-90. (In Russ.)]

5. Zharebtsov A.N., Malyshev E.A. [On the subject of the migration law of Russia]. *Aktual'nye problemy nauki administrativnogo i finansovogo prava: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Lazarevskie chteniya –2021» (Moskva, 10 fevralya 2021) = Actual problems of the science of administrative and financial law: a collection of materials of the international scientific and practical conference "Lazarev Readings -2021" (Moscow, February 10, 2021).* Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2021. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жеребцов Алексей Николаевич*

доктор юридических наук, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

ORCID: 0000-0002-7392-279X

Author ID: 681537

Куреев Виктор Викторович

преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

Author ID: 1084690

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexei N. Zharebtsov*

Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

ORCID: 0000-0002-7392-279X

Author ID: 681537

Viktor V. Kureev

Lecturer of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Author ID: 1084690

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ И ГЛАСНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Потапенко С.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко С.В. Информационная открытость и гласность административного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):40–45. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-40-45>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosc@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 09.11.2022

Статья принята к печати: 09.12.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Целью исследования является анализ информационной открытости и гласности административного судопроизводства на современном этапе. Исходя из того, что открытость и гласность судопроизводства провозглашены одной из целей информационной политики судебной системы России на 2020–2030 годы, имеется необходимость в научном исследовании информационной открытости и гласности в административном судопроизводстве.

С учетом того, что согласно п. 5 ст. 6 КАС РФ¹ гласность и открытость судебного разбирательства являются принципами административного судопроизводства, по результатам проведенного исследования предложено понятие гласности и информационной открытости административного судопроизводства.

Основной вывод статьи состоит в том, что гласность административного судопроизводства – это судопроизводственный конституционный принцип административного судебного процесса, представляющий собой возможность любого лица, не участвующего в административном судебном процессе, реально или виртуально присутствовать в зале судебного заседания, где рассматривается конкретное административное дело.

В отличие от этого информационная открытость административного судопроизводства – это судопроизводственный принцип, заключающийся в обеспечении доступа к информации о деятельности судов в административном судопроизводстве, способствующей реализации конституционного права каждого на доступ к информации (п. 4 ст. 29 Конституции РФ²).

Ключевые слова: информационная открытость, гласность, административное судопроизводство, доступ к информации, электронное правосудие.

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 года № 21-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

INFORMATION OPENNESS AND TRANSPARENCY OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Sergey V. Potapenko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Potapenko S.V. Information openness and transparency of administrative proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):40–45. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-40-45>

CONTACT INFORMATION:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov faculty of Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosv@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 09.11.2022

The article has been accepted for publication: 09.12.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The purpose of the study is to analyze the information openness and transparency of administrative proceedings at the present stage. Proceeding from the fact that openness and transparency of legal proceedings are proclaimed as one of the goals of the information policy of the judicial system of Russia for 2020–2030, there is a need for scientific research of information openness and transparency in administrative proceedings.

Taking into account the fact that according to paragraph 5 of Article 6 of the CAS of the Russian Federation, transparency and openness of judicial proceedings are the principles of administrative proceedings, according to the results of the study, the concept of transparency and information openness of administrative proceedings is proposed.

The main conclusion of the article is that the transparency of administrative proceedings is a judicial constitutional principle of administrative judicial process, which represents the possibility of any person not participating in administrative judicial proceedings to actually or virtually be present in the courtroom where a specific administrative case is being considered.

In contrast, the information openness of administrative proceedings is a judicial principle, which consists in providing access to information about the activities of courts in administrative proceedings, contributing to the realization of the constitutional right of everyone to access information (paragraph 4 of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation).

Keywords: information openness, publicity, administrative proceedings, access to information, electronic justice.

Введение

До настоящего времени актуально утверждение И.Я. Фойницкого о том, что «общественное убеждение в достоинстве суда возможно с тем лишь условием, чтобы каждый шаг судебной деятельности был известен обществу» [5, с. 98]. Только такой подход может обеспечить доверие общества к суду и судебной власти, в том числе и в административном судопроизводстве. При этом, с одной стороны, деятельность суда ставится под контроль общества, а с другой стороны, обеспечивается взаимная связь суда и общества с помощью информационно-коммуникационных технологий, особенно – электронных сервисов правосудия, которые стали широко применяться в административном судебном процессе в строгом соответствии с нормами КАС РФ.

Методы исследования

Методология исследования состоит в использовании комплекса общенаучных методов познания, среди которых системный анализ, диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования

Результаты исследования состоят в следующем:

1. С учетом того, что согласно п. 5 ст. 6 КАС РФ гласность и открытость судебного разбирательства являются принципами административного судопроизводства, по результатам проведенного исследования предложено понятие гласности и информационной открытости административного судопроизводства.

2. Утверждается, что гласность судопроизводства – это судопроизводственный конституционный принцип административного судебного процесса, представляющий собой возможность любого лица, не участвующего в административном судебном процессе, реально или виртуально присутствовать в зале судебного заседания, где рассматривается конкретное административное дело.

3. В отличие от этого информационная открытость административного судопроизводства – это судоустройственный принцип, заключающийся в обеспечении доступа к информации о деятельности судов в административном судопроизводстве, способствующей реализации конституционного права каждого на доступ к информации (п. 4 ст. 29 Конституции РФ).

Научная дискуссия

Десять лет назад было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»¹, в п. 3 которого отмечено, что «открытость и гласность судопроизводства, доступ к информации о деятельности судов должны способствовать реализации задач (назначения) гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

05 декабря 2019 года Советом судей РФ одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы² (далее – Концепция). В числе провозглашенных Концепцией приоритетов заявлена открытость и гласность судопроизводства, а в качестве принципа информационной политики судебной системы указана ее информационная открытость.

Гласность и открытость судебного разбирательства отнесены к принципам административного судопроизводства (п. 5 ст. 6, ст. 11 КАС РФ), большая часть которых носит межотраслевой характер.

Гласность и открытость административного судопроизводства существенно отличаются друг от друга, поэтому они разграничены в названиях, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

С учетом того, что система принципов административного судопроизводства составляет его базовый каркас, важно определиться с соотношением связанных между собой принципов гласности и информационной открытости, особенно в части отнесения их к судопроизводственным или к судоустройственным. Разделяем высказанное в литературе мнение о том, что «приведенная классификация наиболее ценна с познавательной точки зрения, поскольку раскрывает основные аспекты функциональной роли отдельных принципов, без понимания которой, в свою очередь, невозможно понимание механизма действия системы принципов» [1].

Как известно, судопроизводственные (функциональные) принципы регулируют процессуальную деятельность, а судоустройственные (организационные) – организацию правосудия. В первом приближении к этой классификации можно сказать, что судопроизводственные принципы должны быть закреплены в соответствующем процессуальном кодексе. Если в ГПК РФ³ (ст. 10) и АПК РФ⁴ (ст. 11) закреплён только принцип гласности судебного разбирательства, то, в КАС РФ, как

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

² [сайт]. Совет судей Российской Федерации; 2022. Доступно: <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/35630>.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

уже отмечалось, получили нормативное закрепление как гласность, так и открытость судебного разбирательства административного судопроизводства (п. 5 ст. 6, ст. 11 КАС РФ). При этом как в ГПК РФ, так и в АПК РФ гласность определяется через призму открытости или закрытости судебного заседания. Именно так, например, раскрывается гласность в постановлении Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 61 (ред. от 04.04.2014) «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе»¹. Это постановление действует до сегодняшнего дня, поскольку несмотря на то, что Высший Арбитражный Суд Российской Федерации упразднен Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом ВАС РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда РФ (ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ).

Такой подход обусловлен ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, согласно которой разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом. Иными словами, даже на конституционном уровне гласность определяется через категории открытости или закрытости судебного заседания.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, «в соответствии со статьей 123 (часть 1) Конституции Российской Федерации разбирательство дел во всех судах открытое; слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом. В развитие данного конституционного положения, гарантирующего действие принципа гласности в судопроизводстве, положения статьи 11 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, предусматривая общее правило об открытом разбирательстве административных дел во всех судах (часть 1), вместе с тем устанавливают ряд исключений из такого порядка судебного разбирательства – в случаях, если материалы рассматриваемого административного дела содержат сведения, составляющие государственную тайну или иную охраняемую законом тайну, разбирательство осуществляется в закрытом судебном заседании (часть 2). Такое нормативное регулирование, осуществляемое в конституционных целях (статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации), направлено на пресечение разглашения сведений, обеспечивающих оборону страны, безопасность государства, неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну»².

Однако же КАС РФ, как нам представляется, более точен в определениях, отделяя гласность от открытости, ибо открытость административного судопроизводства – это прежде всего его информационная открытость для общества, что создает условия «для реального контроля со стороны широкого круга общественности за деятельностью судов» [2].

Такое понимание информационной открытости административного судопроизводства становится наиболее актуальным в нынешних условиях цифровой трансформации и внедрением электронного правосудия, что реально обеспечивает конституционное право каждого на информацию (п. 4 ст. 29 Конституции РФ).

Информационная открытость правосудия лежит в основе конструктивного взаимодействия судов и СМИ [3, с. 11], способствует объективному освещению деятельности судов в средствах массовой информации.

В силу п. 1 ст. 4 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»³ открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации, отнесена к основным принципам обеспечения доступа к информации о деятельности судов.

Как отмечено в разделе III Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»⁴, в рамках ее реализации, в частности, должны быть обеспечены:

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав рядом положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 года № 2483-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 (ред. от 20.10.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– открытость и доступность для граждан информации о деятельности судов Российской Федерации;

– предоставление возможности гражданам использовать информационные технологии как при получении информации о деятельности судов Российской Федерации, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная со дня обращения в суд до окончания судебного процесса.

В этой связи мы полностью разделяем правовую позицию авторов монографии «Правосудие в современном мире» (В.М. Лебедева и Т.Я. Хабриевой), где обосновано отмечается: «Такие черты судебного разбирательства, как гласность и публичность, составляют две стороны единого стандарта отправления правосудия. Гласность представляет собой «внутренний» аспект, отражающий открытость совершаемых в ходе судопроизводства процессуальных действий, принимаемых судебных актов для участвующих в деле лиц. Ее действие в процессе не подлежит изъятиям и ограничениям, так как иное противоречило бы началам состязательности и равноправия. Публичность как «внешний» аспект выражает открытость судебного разбирательства конкретного дела для общественности, публики, в том числе через средства массовой информации» [4].

Исходя из этого, наряду с гласностью административного судопроизводства, действующей исключительно в процессуальном поле административного судебного процесса, информационная открытость направлена только для информирования широкой общественности, в том числе с использованием СМИ, социальных сетей, а также современных информационных технологий, имеющихся в распоряжении судов.

В частности, доступ к информации о деятельности судов в административном судопроизводстве при онлайн-правосудии обеспечиваются функционалом системы ГАС «Правосудие»¹. В качестве подсистем в ГАС «Правосудие», в частности, входят Банк судебных решений (судебной практики), Ведомственная статистика Судебного департамента, Интернет-портал «ГАС–Правосудие», обеспечивающий доступ граждан, юридических лиц, органов государственной власти к информации о деятельности судебной системы Российской Федерации.

Кроме того, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, размещение судом на его официальном сайте в сети «Интернет» информации, судебных актов и их копий представляет собой «включение в систему автоматизации судопроизводства информации, судебных актов и их копий с обеспечением доступа к ним с официального сайта соответствующего суда в сети «Интернет»»².

Применительно к административному судопроизводству нельзя не отметить еще одну его важную особенность, способствующую информационной открытости административного судопроизводства. Речь идет о ч. 4 ст. 11 КАС РФ, которой установлено право каждого знакомиться в установленном порядке со вступившим в законную силу судебным решением по рассмотренному в открытом судебном заседании административному делу. Это право может быть ограничено лишь в соответствии с законом.

Как указано в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»³, порядок реализации данного права лицами, не являющимися участниками административного судопроизводства, регулируется нормами Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Так, согласно ч. 2 ст. 15 данного закона тексты судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, за исключением текстов судебных актов, указанных в ч. 4 названной статьи, размещаются в сети «Интернет».

В заключение отметим, что в современный период в России достигнут один из наиболее высоких уровней информационной открытости судебной власти, в том числе в административном судопроизводстве, что объективно будет способствовать доверию российского общества к судебной власти.

¹ [сайт]. Портал технической поддержки ГАС «Правосудие»; 2022. Доступно: <https://techportal.sudrf.ru/index.php?id=317>.

² О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 57 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Список использованной литературы:

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства: монография / Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л., Загайнова С.К. и др., под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут; 2021.
2. Зайченко Е.В. Информационные технологии и обеспечение прав участников гражданского судопроизводства. В.: Лаутс Е.Б. Современные информационные технологии и право: монография. М.: Статут; 2019.
3. Момотов В.В. Судейское сообщество и средства массовой информации. *Судья*. 2019;(5(101)):8–13.
4. Правосудие в современном мире: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.М. Лебедева. М., 2012.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства (монография). СПб.: Альфа; 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Сергей Викторович

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

References:

1. [Actual problems of civil and administrative proceedings] / Abushenko D.B., Branovitskii K.L., Zagainova S.K. et al., ed. V.V. Yarkova. Moscow: Statute; 2021. (In Russ.)]
2. Zaichenko E.V. Information technologies and ensuring the rights of participants in civil proceedings. In.: Lauts E.B. *Modern information technologies and law*. M.: Statute; 2019. (In Russ.)]
3. Momotov V.V. [The judicial community and the media]. *Sud'ya = Judge*. 2019;(5(101)):8–13. (In Russ.)]
4. [Justice in the modern world] / edited by T.Ya. Khabrievoi, V.M. Lebedeva M., 2012. (In Russ.)]
5. Foinitskii I.Ya. [Course of criminal proceedings]. St. Petersburg: Alfa; 1996. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Potapenko

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov faculty of Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-46-51>

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСМОТРЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Чабан Е.А.*, Кулишенко Е.А.

Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Чабан Е.А., Кулишенко Е.А. Административное усмотрение в деятельности органов исполнительной власти и его особенности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):46–51. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-46-51>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Чабан Евгений Александрович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

Адрес: Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (918) 335-89-89

E-mail: evgeniy-chaban@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 31.10.2022

Статья принята к печати: 31.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Цель представленного научного исследования заключается в анализе специфических свойств (признаков) административного усмотрения как вида правоприменительного усмотрения, его отличие от усмотрения судебного (судейского).

В результате исследования были выявлены специфические признаки административной дискреции. Отмечено, что таковыми особенностями выступают такие свойства как осуществление дискреции исключительно уполномоченным органом исполнительной власти; соответствие усмотрения законности, целесообразности и мотивированности управленческого решения; реализуется в рамках публичного правоотношения; основывается на специфике метода правового регулирования публичных правоотношений; своеобразием самой управленческой деятельности государственных служащих; характеризуется возможностями его расширения.

Вывод: сформулированные взгляды на особенности административного усмотрения как вида правоприменительного усмотрения позволят концентрировать внимание правотворческих и правоприменительных органов при формировании и осуществлении усмотрения при принятии управленческого решения по индивидуально-конкретному административному делу.

Ключевые слова: административное усмотрение, административная дискреция, целесообразность, законность, орган исполнительной власти, правоприменительное усмотрение, судебное усмотрение.

ADMINISTRATIVE DISCRETION IN THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES AND ITS FEATURES

Evgeny A. Chaban*, Ekaterina A. Kulishenko

North Caucasus branch of the Russian State University of Justice
(Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020)

Link for citation: Chaban E.A., Kulishenko E.A. Administrative discretion in the activities of executive authorities and its features. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):46–51. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-46-51>

CONTACT INFORMATION:

Evgeny A. Chaban*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the SKF FGBOU VO "RGUP"

Address: Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (918) 335-89-89

E-mail: evgeniy-chaban@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 31.10.2022

The article has been accepted for publication: 31.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The purpose of the presented scientific research is to analyze the specific properties (signs) of administrative discretion as a type of law enforcement discretion, its difference from the discretion of the judicial (judicial).

As a result of the study, specific signs of administrative discretion were revealed. It is noted that such features are such properties as the implementation of discretion exclusively by the authorized executive body; compliance of the discretion with the legality, expediency and motivation of the management decision; is implemented within the framework of a public legal relationship; is based on the specifics of the method of legal regulation of public legal relations; the peculiarity of the management activity of civil servants; is characterized by the possibility of its expansion.

Conclusion: the formulated views on the features of administrative discretion as a type of law enforcement discretion will allow to concentrate the attention of law-making and law enforcement bodies in the formation and implementation of discretion when making a management decision on an individually specific administrative case.

Keywords: administrative discretion, administrative discretion, expediency, legality, executive body, law enforcement discretion, judicial discretion.

Введение

В последние несколько лет весьма актуализировались исследования проблем правоприменительного усмотрения и в особенности усмотрения судебного и административного. При этом если ранее больше уделялось внимание проблемам судебного (судейского) усмотрения, то в настоящее время интерес к правовому усмотрению сместился в сторону усмотрения административного. Наиболее заметными за последний период стали работы Ю.Н. Мильшина [9], Ю.В. Оносова [11], О.Н. Шерстобоева [14], И.А. Дремовой [6], Ю.П. Головиной (Гапон) [5] и некоторых других. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в современных исследованиях проблем административного усмотрения акцентируется внимание на вопросах понимания данного явления, его источниках и нормативно-правового формирования пределов дискреции органов исполнительной власти при реализации ими предоставленной компетенции. Все это, на наш взгляд, позволяет признать значимым проведение исследования вопросов особенностей административной дискреции органов исполнительной власти при принятии решения по индивидуально-конкретному административному делу и осуществления контроля за правоприменительной деятельностью, основанной на дискреции. Это позволит преодолеть проблемы нормативно-правового обеспечения осуществления административного усмотрения, без осуществления которого, к сожалению, современный правоприменительный процесс деятельности органов исполнительной власти невозможен.

Методы исследования

В проведенном исследовании использовались как многообразные общенаучные методы исследования (анализа, синтеза, системности, индукции и дедукции и т.п.), так и специально-юридический метод юридического анализа правовых концепций, который позволил сформировать

систему особенностей административной дискреции органов исполнительной власти; метод нормативного моделирования, позволивший предложить пути дальнейшего развития правового регулирования компетенции органов исполнительной власти; метод различения сущего и должного в праве, предоставивших возможность сформировать сущностное восприятие административной дискреции и предложить направления должного развития данного явления в нормативно-правовом обеспечении его применения в повседневной управленческой деятельности субъектов управления.

Результаты исследования

Исследование особенностей административного усмотрения (дискреции) позволяет сформулировать следующие специфические свойства данного явления: осуществляется исключительно уполномоченным органом исполнительной власти или иным органом государственной власти, учреждением и организацией, наделенных исполнительно-распорядительными полномочиями, в лице их должностных лиц, которым предоставлена соответствующая компетенция; административное усмотрение должно отвечать требованиям законности, целесообразности и мотивированности управленческого решения по индивидуально-конкретному административному делу; административное усмотрение реализуется в рамках публичного правоотношения; административное усмотрение основывается на специфике метода правового регулирования правоотношений, присущих отрасли административного права; административное усмотрение обусловлено своеобразием самой деятельности государственных служащих в процессе осуществления усмотрения; административное усмотрение характеризуется тенденцией постоянного расширения возможности его применения в отличие от иных видов правоприменительного усмотрения.

Научная дискуссия

Следует отметить, что вполне устоявшимися подходами к определению понятия административного усмотрения (дискреции) стали, во-первых, понимание административной дискреции как мотивированного выбора законного решения в соответствии с предоставленной компетенцией для осуществлений управленческих функций и задач¹ [3, с. 32], во-вторых, понимается как определенная законом степень свободы органа исполнительной власти (его должностного лица), заключающаяся в принятии управленческого решения по административному делу, которая предоставляется в целях принятия целесообразного оптимального решения по делу в рамках, установленных нормами права [8, с. 73–74; 9, с. 43]. Солидаризируясь со вторым подходом к определению административной дискреции, однако, нам видится данное понятие в следующей интерпретации: административно-правовое (административное) усмотрение (дискреция), как вид правоприменительного усмотрения, представляет собой мотивированную возможность свободного выбора уполномоченным органом государственного управления в лице его должностного лица, являющегося государственным или муниципальным служащим, возможного в будущем правомерного поведения, фактическим основанием которого являются объективные факторы окружающей действительности, основанные на дискреционной специфике полномочий и деятельности данных органов и метода правового регулирования публично-правовых отношений, а также осуществляемые в рамках правового регулирования публично-правовых отношений [1, с. 39–40].

Представленное понимание административного усмотрения и его осуществление в процессе правоприменительной деятельности по принятию управленческих решений в рамках индивидуально-конкретных административных дел позволяет выделить комплекс особенностей присущих данному виду правоприменительного усмотрения. Нам представляется, что к числу таких особенностей следует отнести:

а) осуществляется исключительно уполномоченным органом исполнительной власти или иным органом государственной власти, учреждением и организацией, наделенных исполнительно-распорядительными полномочиями, в лице их должностных лиц, которым предоставлена соответствующая компетенция;

б) административное усмотрение должно отвечать требованиям законности, целесообразности и мотивированности управленческого решения по индивидуально-конкретному административному делу – если вопросам законности и мотивированности административной дискреции в научных исследованиях уделялось достаточно много внимания [4, с. 65–67; 12, с. 84–88], то проблемы целесообразности представляются нам малоизученными. Так, в социально-

¹ Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М.: Юринформцентр; 1998. С. 8–85.

философском смысле целесообразность понимается в широком и узком смыслах. В широком смысле все действия человека, соответствующие определенной им цели, являются целесообразными. В узком смысле целесообразной является лишь такая деятельность, которая отвечает не только условиям данного момента, но и общему направлению развития, основывающаяся на знаниях объективных законов и потребностей развития общества¹. Целесообразность интерпретируется как «соответствие явления или процесса определенному (относительно завершеному) состоянию, материальная или идеальная модель которого предоставляется в качестве цели. Целесообразность рассматривается, с одной стороны, как имманентная (внутренняя) взаимосвязь объекта самого по себе, а с другой – как некоторое отношение в сфере взаимодействия объекта и субъекта»². Из приведенных положений следует, что *целесообразность должна* соответствовать или отвечать поставленной цели; выступать свойством (качеством) процессов или явлений как зависящим от человеческой воли, так и независимым от них, обозначающим его как «разумное», «практически полезное», «желательное», «разумное», «рациональное», «уместное» т.е. выступает неким качеством процесса человеческой деятельности; соответствовать определенным явлениям или процессам, состоянию, материальная или идеальная модель которого предоставляется в качестве цели; быть внутренней взаимосвязью и взаимодействием объекта и субъекта; выступать существенным элементом человеческой деятельности, характеризующимся как мыслительный процесс, так и предметная повседневная деятельность человека. Основываясь на изложенном и анализе научной литературы, целесообразность как специфический признак административной дискреции необходимо понимать как качественную характеристику данной деятельности: законность, справедливость, эффективность, обоснованность, оптимальность, рациональность и т.п. [2, с. 78–79; 10, с. 197; 13, с. 393–394]; во-вторых, определенный выбор: правовых средств, типов, способов, приемов правового воздействия, возможного решения по юридическому делу [7, с. 383–384], путей осуществления нормы права, варианта правоприменительных действий [15, с. 170], рационального варианта осуществления правовых предписаний³; в-третьих, целесообразность неотделима от условий и обстоятельств индивидуально-конкретного административного дела [2, с. 78–79; 8, с. 67–68; 13, с. 393–394]; в-четвертых, целесообразное усмотрение имеет цель, преследуемую правотворческим органом и выраженную в нормативно-правовом предписании. Приведенные характеристики целесообразного административного усмотрения позволяют признать, что целесообразность есть неотъемлемое свойство дискреции;

в) административное усмотрение реализуется в рамках публичного правоотношения – административное усмотрение как вид правоприменительного усмотрения осуществляется в процессе реализации норм материального и процессуального права в рамках исключительно публичных правоотношений. В свою очередь судебное (судейское) усмотрение может осуществляться как в рамках публичных, так и частных правоотношений;

г) административное усмотрение основывается на специфике метода правового регулирования правоотношений, присущих отрасли административного права, а именно императивном обязывающем методе правового воздействия на общественные отношения в сфере государственного управления. Как отмечает О.Н. Шерстобоев «административное усмотрение допускается при любом раскладе, что подчеркивает важность этой правовой конструкции в системе публичного управления, подкрепленную многовековой традицией, формировавшейся вокруг идеи об «основной сфере» управленческой деятельности» [14, с. 17]. В данном контексте Г.В. Атаманчук признавал, что административная дискреция должна применяться исключительно в рамках закона, так как законодательство определяет основания и цели его осуществления. Иначе управление перерастает в административный произвол. В этой связи административное усмотрение должно предопределяться границами компетенции органов управления, чем больше объем компетенции, тем шире пределы административного усмотрения⁴. Все это в конечном счете лежит в плоскости инструментального подхода воплощения механизма правового регулирования компетенционным

¹ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политическая литература; 1987. С. 533.

² Философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1084494> (дата обращения: 03.09.2022).

³ Ястребов В.В. Основные черты и особенности правоприменительной деятельности в сфере государственного управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 108.

⁴ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. М.: Юридическая литература; 1997. С. 298.

определении границ (пределов) административного усмотрения как объективно присущего и контролируемого явления в системе государственного управления;

д) административное усмотрение обусловлено своеобразием самой деятельности государственных служащих в процессе осуществления усмотрения. Данный признак характеризует субъективную природу административного усмотрения, осуществление которой основывается на правовом сознании и правовой культуре. Причем уровень правового сознания и правовой культуры государственного служащего органа государственного управления может существенно отличаться от уровня правовой культуры и правового сознания судьи, как специально подготовленного и отобранного лица для осуществления правосудия;

е) административное усмотрение характеризуется тенденцией постоянного расширения возможности его применения в отличие от иных видов правоприменительного усмотрения. Это обусловлено тем обстоятельством, что компетенция органов исполнительной власти и иных организаций и учреждений, наделенных исполнительно-распорядительными полномочиями, формируется не только законодательством, но и подзаконными нормативно-правовыми актами органов исполнительной власти. Именно в рамках подзаконного правового регулирования компетенции происходят процессы перманентного расширения административного усмотрения, за которым должен осуществляться судебно-административный контроль.

Список использованной литературы:

1. Административное право: в 10 т. Т. 3: Теория административного усмотрения (монография) / Чабан Е.А. М.: Изд-во НП «Евразийская академия административных наук»; 2014.
2. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе (монография). М.: Госюриздат; 1955.
3. Барак А. Судейское усмотрение (монография). М.: Статут; 1999.
4. Бойко Д.В. Правоприменительное усмотрение, законность и произвол. *Общество и право*. 2009;(3(25)):16–20.
5. Головина (Гапон) Ю.П. Административное усмотрение при применении мер принуждения органами исполнительной власти. *Административное право и процесс*. 2022;(6):61–64. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-6-61-64.
6. Дремова И.А. Административное усмотрение в системе правового регулирования Российской Федерации. *Административное право и процесс*. 2019;(5):81–85.
7. Керимов Д.А. Философские проблемы права (монография). М.: Юридическая литература; 1972.
8. Коренев А.П. Нормы административного права и их применение: монография. М.: Юридическая литература; 1978.
9. Мильшин Ю.Н. Административное усмотрение как элемент государственного управления. *Административное право и процесс*. 2019;(12):43–45.
10. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм (монография). М.: Юридическая литература; 1960.
11. Оносов Ю.В. К вопросу о признаках административного усмотрения. *Российская юстиция*. 2021;(3):48–51. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-3-48-51.
12. Тихомиров Ю.А. Компетенция, усмотрение, процедуры. В: Бачило И.Л., Хаманева Н.Ю. Административно-правовое регулирование в сфере

References:

1. [Administrative Law: in 10 vols. Vol. 3: Theory of administrative discretion] / Chaban E.A. M.: Publishing House of NP "Eurasian Academy of Administrative Sciences"; 2014. (In Russ.)]
2. Aleksandrov N.G. [Legality and Legal relations in Soviet society]. Moscow: Gosyurizdat; 1955. (In Russ.)]
3. Barak A. [Judicial discretion]. Moscow: Statute; 1999. (In Russ.)]
4. Boiko D.V. [Law enforcement discretion, legality and arbitrariness]. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2009;(3(25)):16–20. (In Russ.)]
5. Golovina (Gapon) Yu.P. [Administrative discretion in the application of coercive measures by executive authorities]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2022;(6):61–64. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-6-61-64. (In Russ.)]
6. Dremova I.A. [Administrative discretion in the system of legal regulation of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2019;(5):81–85. (In Russ.)]
7. Kerimov D.A. [Philosophical Problems of Law]. Moscow: Legal Literature; 1972. (In Russ.)]
8. Korenev A.P. [Norms of administrative law and their application]. M.: Legal literature; 1978. (In Russ.)]
9. Mil'shin Yu.N. [Administrative discretion as an element of public administration]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2019;(12):43–45. (In Russ.)]
10. Nedbailo P.E. [Application of Soviet legal norms]. Moscow: Legal Literature; 1960. (In Russ.)]
11. Onosov Yu.V. [To the question of the signs of administrative discretion]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2021;(3):48–51. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-3-48-51. (In Russ.)]
12. Tikhomirov Yu.A. Competence, discretion, procedures. In: Bachilo I.L., Khamaneva N.Yu.

экономических отношений. М.: МЗ-Пресс; 2001.

13. Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность (монография). М., 1967.

14. Шерстобоев О.Н. Административное усмотрение в случае отмены административного акта. *Административное право и процесс*. 2022;(1):15–21. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-1-15-21.

15. Ярковой С.В. Законность и целесообразность административной правоприменительной деятельности. *Российский юридический журнал*. 2017;(5(116)):168–177.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чабан Евгений Александрович*

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

Кулишенко Екатерина Алексеевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного и финансового права СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

Administrative and legal regulation in the sphere of economic relations. Moscow: MZ-Press; 2001. (In Russ.)]

13. Chkhikvadze V.M. [The state, democracy, legality]. М., 1967. (In Russ.)]

14. Sherstoboev O.N. [Administrative discretion in case of cancellation of an administrative act]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2022;(1):15–21. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-1-15-21. (In Russ.)]

15. Yarkovoi S.V. [Legality and expediency of administrative law enforcement activities]. *Российский юридический журнал = Russian Law Journal*. 2017;(5(116)):168–177. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny A. Chaban*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the SKF FGBOU VO "RGUP"

Ekaterina A. Kulishenko

Cand. of Sci. (Law), teacher of the Department of Administrative and Financial Law of the SKF FGBOU VO "RGUP"

ИЗЪЯТИЕ ПРЕДМЕТОВ, ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Гладышева О.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Гладышева О.В. Изъятие предметов, документов в уголовном судопроизводстве и защита прав предпринимателей. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):52–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-52-62>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.10.2022

Статья принята к печати: 18.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Задачи экономической стабильности государства, и его экономической безопасности являются постоянно актуальными. Поиск их решения происходит во всех сферах, начиная от разработки концепций и создания программных документов по развитию макроэкономики и заканчивая реализацией частных направлений деятельности любого хозяйствующего субъекта. Особенную значимость в этой сфере имеет правовая основа предпринимательства и защита интересов бизнеса.

В уголовном судопроизводстве проблемы обеспечения прав предпринимателей обусловлены множеством факторов. В их числе находится правовая неопределенность в регулировании вовлечения и участия предпринимателей в следственных и иных процессуальных действиях, процедура следственных и иных процессуальных действий в отношении предпринимателей и др. Привлекает внимание такое процессуальное действие как изъятие предметов, документов и иных объектов, связанных с деятельностью предпринимателей. Учитывая, что процедура изъятия в уголовно-процессуальном законе предусмотрена весьма своеобразно, а результаты изъятия способны полностью парализовать работу хозяйствующих субъектов, то определению порядка его проведения в уголовном судопроизводстве следует уделить особенно пристальное внимание.

В данной статье предлагается авторский подход к решению этой проблемы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предприниматели, изъятие, процедура, права, документы, предметы.

SEIZURE OF OBJECTS, DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS

Olga V. Gladysheva

FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gladysheva O.V. Seizure of objects, documents in criminal proceedings and protection of the rights of entrepreneurs. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):52–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-52-62>

CONTACT INFORMATION:

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 18.10.2022

The article has been accepted for publication: 18.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The tasks of the economic stability of the state and its economic security are constantly relevant. The search for their solutions takes place in all areas, from the development of concepts and the creation of policy documents for the development of macroeconomics and ending with the implementation of private activities of any economic entity. Of particular importance in this area is the legal basis of entrepreneurship and the protection of business interests.

In criminal proceedings, the problems of ensuring the rights of entrepreneurs are caused by many factors. Among them is the legal uncertainty in the regulation of the involvement and participation of entrepreneurs in investigative and other procedural actions, the procedure of investigative and other procedural actions against entrepreneurs, etc. Such a procedural action as the seizure of objects, documents and other objects related to the activities of entrepreneurs attracts attention. Considering that the procedure of seizure in the criminal procedure Law is provided for in a very peculiar way, and the results of seizure can completely paralyze the work of economic entities, then the definition of the procedure for its conduct in criminal proceedings should be given particularly close attention.

This article suggests the author's approach to solving this problem.

Keywords: criminal proceedings, entrepreneurs, seizure, procedure, rights, documents, objects.

Введение

Развитие предпринимательства выступает важнейшей сферой современного экономического строительства. Привлекательность бизнеса обеспечивается в том числе его устойчивостью и стабильностью. В этом направлении важное значение имеет правовая сфера, которая создает правила ведения бизнеса, определяет взаимные (государства и бизнеса) права, обязанности и ответственность.

Уголовное судопроизводство выступает в этой сфере одним из весомых рычагов воздействия и оказывает влияние на хозяйствующих субъектов через их привлечение к уголовной ответственности, а также вовлечение в эту сферу в ином статусе. Имея существенный правоограничительный ресурс, уголовная юстиция становится, как эффективным средством принуждения предпринимателей к надлежащему выполнению своей социальной и экономической миссии, так и серьезной угрозой для их функционирования в случае злоупотреблений со стороны правоохранительных органов.

Наличие проблемы защиты прав и законных интересов предпринимателей вызывает необходимость ее решения на всех уровнях государственной власти.

На совещании по инвестиционным программам развития Дальнего Востока Президент Российской Федерации В.В. Путин предложил запретить изымать серверы и жесткие диски при проведении следственных мероприятий на предприятиях, приводящих к приостановлению

деятельности предприятий, а если такая необходимость все же возникает, то ограничиваться «снятием» копий для их использования в ходе следствия¹.

15 августа 2017 г. Президент Российской Федерации дал поручения правительству совместно с Верховным Судом и Генеральной прокуратурой проработать вопрос о недопущении продления меры пресечения в виде содержания под стражей (ареста) в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, в случае, если по уголовному делу не проводятся следственные действия, и предусмотреть внесение в законодательство соответствующих изменений².

Политическая воля руководства страны привела к существенной корректировке содержания уголовно-процессуального законодательства, в части составов преступлений в сфере экономической деятельности; дополнения основания и корректировки порядка возбуждения уголовных дел и отказа в возбуждении, порядка прекращения уголовных дел в этой части, дополнения совокупности прав подозреваемых в совершении экономического преступления, находящихся под стражей и др.

Внесение указанных изменений в уголовно-процессуальный закон привело к необходимости разъяснений его содержания и порядка применения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г., в частности, по вопросу о том, кого следует рассматривать в качестве субъекта преступления по ст. ст. 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ и в отношении кого действуют специальные правила применения мер пресечения в виде заключения под стражу³. Возникла потребность и в научных комментариях [7].

Несмотря на активность законодателя в решении проблем защиты прав предпринимателей в уголовном судопроизводстве, они еще далеки от получения оптимальных результатов и требуют продолжения научных исследований в этом направлении.

Особое место в этом ряду занимают вопросы к порядку проведения и участия предпринимателей в следственных и иных процессуальных действиях. И, если в отношении порядка применения мер пресечения (отдельных их видов) законодатель предпринял некоторые шаги по созданию усиленных процессуальных гарантий, то в отношении процедуры следственных и иных процессуальных действий имеющихся мер представляется явно недостаточно.

Цель исследования – определение оптимальной процедуры изъятия предметов и документов, имеющих отношение к предпринимательской деятельности.

Задачи: исследование действующего уголовно-процессуального закона в части регулирования изъятия предметов и документов; анализ результатов правоприменительной практики и выработка на их основании общих подходов к обеспечению законности изъятия предметов и документов, иных объектов, имеющих отношение к деятельности хозяйствующих субъектов; разработка предложений по законодательному регулированию уголовно-процессуальных отношений при изъятии предметов и документов.

Исследование проводилось на основании совокупности традиционных общенаучных, частнонаучных и специальных методов: диалектический, аналитический (теоретический, функциональный, системный, формально-юридический), статистический, обобщение, правовое моделирование.

Результатами исследования стали авторские предложения по законодательному урегулированию прав и обязанностей предпринимателей, как участников уголовного судопроизводства и конкретных процессуальных действий по изъятию предметов и документов, имеющих отношение к хозяйственной деятельности, а также полномочий должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора при осуществлении соответствующих процессуальных действий и надзору за законностью их производства.

¹ Путин: нужно запретить следствию изымать серверы и жесткие диски предприятий // Российская газета. 2017. 3 августа.

² Перечень поручений о мерах по снижению административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности (утв. Президентом РФ 15 августа 2017 г. № ПР-1611 (текст поручения официально опубликован не был)) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 (с изм. и доп. от 11.06.2020) // Российская газета. 2016. 24 ноября.

Методы исследования

Диалектический метод и его применение в ходе предпринятого исследования позволил рассмотреть механизм производства процессуальных действий в отношении предпринимателей, а также средства обеспечения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов через призму единства принципов процессуальной формы и противоречий, выявляемых в процедурах отдельных действий. Результатом стало выявление проблем в порядке производства и несоответствие между процессуальными правилами процессуальных действий и потребностями отдельных субъектов (предпринимателей) в усиленных гарантиях их прав и законных интересов.

Применение различных видов анализа (теоретического, функционального, системного, формально-юридического) стало основанием для формирования основных представлений относительно должного и необходимого порядка производства процессуальных действий в отношении предпринимателей в общем виде и в частных аспектах, применительно к такому процессуальному действию как изъятие предметов и документов.

Путем обобщения теоретических положений, статистических данных выявлены закономерности развития процессуальной формы действий, направленных на ограничение прав предпринимателей, в частности, в связи с изъятием предметов и документов, имеющих отношение к хозяйственной деятельности.

Моделирование использовалось для выражения обобщенного видения автора относительно возможного порядка производства изъятия предметов и документов. Процедура представлена в виде законченной правовой модели процессуального действия «Изъятие предметов и документов».

Результаты исследования

В результате проведенного исследования сформировано авторское представление о модели должного и необходимого уровня обеспечения прав предпринимателей при производстве изъятия предметов и документов, имеющих отношение к их хозяйственной деятельности. В числе основных предложений:

- изъятие как самостоятельное процессуальное действие имеет принудительный характер, его законность и обоснованность подлежит обеспечению отдельным постановлением следователя, дознавателя, соответствующего требованиям ст. 7 УПК РФ;

- производство изъятия как самостоятельного процессуального действия возможно исключительно в рамках проверки сообщения о преступлении;

- документы, в том числе в электронной форме, предметы (включая электронные носители информации о деятельности хозяйствующих субъектов), имеющие отношение к деятельности предпринимателя подлежат изъятию в случае проверки сообщения о преступлении об экономическом преступлении и только при условии обеспечения предпринимателя копиями документов, необходимых для продолжения нормального функционирования ИП, предприятия или самозанятого гражданина. При этом копии подлежат заверению (при необходимости – нотариальному) за счет средств государственного бюджета.

Научная дискуссия

Защита прав и законных интересов предпринимателей осуществляется в уголовном судопроизводстве путем применения комплекса специфических мер, в числе которых можно выделить общие, действующие в отношении любых участников, и специальные, применимые исключительно к данной категории участников. Так, в числе общих можно выделить наделение процессуальным статусом, позволяющим получать доступ к ресурсам уголовного судопроизводства в виде процессуальных прав, реализация которых позволяет активно участвовать в процессуальных действиях, заявлять ходатайства, подавать жалобы на результаты действий и на решения должностных лиц и государственных органов.

Специальные гарантии предпринимателей заключены в особых правилах применения в их отношении мер процессуального принуждения и производства следственных и иных процессуальных действий, имеющих основной целью собирание доказательств. Именно этот аспект представляется нам наиболее важным и требующим проведения научного исследования.

К числу проблем защиты прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве относятся те, что связаны с их участием в производстве следственных действия (например, обыск, выемка) и иных процессуальных действий (изъятие предметов и документов, производство ревизий и документальных проверок), а также ограждение предпринимателей от применения к ним необоснованных мер уголовно-процессуального принуждения, исключения

возможных злоупотреблений со стороны органов уголовного преследования и иных неблагоприятных факторов.

Безусловно, правы О.А. Зайцев, В.П. Кашепов, С.Л. Нудель, которые отмечают, что «в рамках проводимой государством уголовной политики следует ожидать изменений и дополнений законодательства, направленных на укрепление доверия между властью и бизнесом, формирование справедливой правоприменительной системы, способной эффективно защищать основные экономические права и свободы предпринимательства» [6, с. 40].

Ученые постоянно обращаются в своих исследованиях к проблемам реализации предпринимателями общих процессуальных прав в защиту своих законных интересов. Например, по-прежнему возникают вопросы к обоснованности проверок сообщений о преступлениях, порядку возбуждения уголовных дел и предварительного расследования по делам в отношении предпринимателей, когда производство следственных и иных процессуальных действий влечет за собой нарушение нормальной работы предприятий, подрыв деловой репутации, банкротство предприятий и др., при неэффективности процессуальных средств защиты прав граждан-предпринимателей. Отмечается, что несовершенство уголовно-процессуального законодательства по-прежнему не позволяет надлежащим образом обеспечивать защиту прав предпринимателей в стадии возбуждения уголовного дела [13, с. 29].

О.А. Зайцев утверждает, что по делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, возникает необходимость формирования «новых уголовно-процессуальных механизмов, касающихся порядка рассмотрения сообщений о преступлениях и возбуждения уголовного дела» [5, с. 125].

Н.Н. Апостолова отмечает, что в рамках действующего закона не предусматривается присутствие защитника при проведении ряда проверочных действий стадии возбуждения уголовного дела: получение объяснений, истребование и изъятие документов и предметов, проведение документальных проверок, ревизий, исследование предметов, документов и трупов [1, с. 50–51].

Действительно участие защитника в стадии возбуждения уголовного дела законодатель не предусматривает, но это обусловлено тем, что защитник может быть у подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 49 УПК РФ), которые реализуют свои права уже в стадии предварительного расследования. При проверке же сообщения о преступлении возможно участие адвоката, действующего в интересах лиц, участвующих в производстве процессуальных действий (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

В стадии возбуждения уголовного дела возникает также проблема изъятия предметов и документов, имеющих отношение к предпринимательской деятельности, в силу неоднозначности правового содержания положений закона, допускающих изъятия при проверке сообщения о преступлении.

По мнению В.А. Семенцова, правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве связано с широким использованием термина «изъятие», а применительно к институту следственных действий (подчеркнем это особо для последующего вывода) – с общими правилами производства и регламентацией отдельных их видов (осмотр, обыск, выемка, освидетельствование) [12, с. 309]. Такого же мнения придерживаются и другие ученые [2, с. 38].

Отметим, что изъятие документов, имеющих отношение к хозяйственной деятельности распространена не только в уголовно-процессуальной, но и в административной¹, налоговой², оперативно-розыскной деятельности³. И порядок производства изъятия в каждом случае отличается. Так, А. Чуряев выделяет признаки, отличающие выемку от иных мероприятий налогового контроля,

¹ Статья 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; ст. 3 Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 293-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6248.

² Статья 94 Налогового кодекса Российской Федерации (ч. 1) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

³ Статья 15 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

отмечая ее принудительный характер. И правильно пишет, что «именно поэтому особо важное значение приобретает изучение действующего законодательства о проведении выемки и практики его применения» [15, с. 65].

Применительно к оперативно-розыскным мероприятиям имеет смысл сослаться на приказ МВД России от 01 апреля 2014 года № 199 (ред. от 17.04.2017), утвердивший Инструкцию о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств¹. В этом документе (далее – Инструкция) достаточно подробно определяет правовой режим изъятия, процедура его осуществления и закреплён перечень должностных лиц, имеющих право на распоряжение о его проведение.

Интересен тот факт, что и в налоговом, и в оперативно-розыскном законодательстве речь идет об изъятии в различном формате: в налоговом, как самостоятельном действии, в оперативно-розыскном – как входящем в содержание гласных оперативно-розыскных мероприятий.

В уголовно-процессуальном законе об изъятии фрагментарно упоминается, что позволяет отнести его к числу процессуальных действий. Его процессуальная особенность в том, что изъятие может происходить и как самостоятельное процессуальное действие и также выступать составной, причем существенной частью (элементом) иных процессуальных, в том числе следственных действий.

Изъятие как самостоятельное процессуальное действие допускается на основании ст. 144 УПК РФ, где законодатель указал на его осуществление в порядке, установленном «настоящим Кодексом». Однако проблема заключена в том, что такого рода процедура в УПК РФ как раз и не предусматривается.

При этом изъятие как составная часть иных процессуальных действий имеет достаточно подробное законодательное регулирование. Например, в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ прямо сказано, что при производстве следственных действий допускается изъятие электронных носителей в определенном законом порядке. Здесь же указаны объекты, не подлежащие изъятию при производстве следственных действий, например, специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) документов и сведений, прилагаемых к указанной декларации. При этом ученые отмечают случаи прямого нарушения этого положения УПК РФ в связи с применением ст. 193 УК РФ (совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов) [4].

В ч. 4 ст. 164 УПК РФ определена возможность применения при изъятии в рамках производства следственных действий технических средств. Статья 164.1 УПК РФ целиком посвящена изъятию при производстве следственных действий электронных носителей и копирования с них информации. Приведем одну выдержку из ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ «Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста». Категоричность формулы и ее содержание не оставляют сомнений в том, что речь идет об изъятии как составной части следственных действий. При этом порядок осуществления изъятия определен весьма детально.

В отдельной части замысел законодателя объясняется тем, что любое следственное действие имеет подробную форму. Изъятие существенным образом воздействует на права и законные интересы участников следственных действий, следовательно, нуждается в подробном описании порядка осуществления. Однако, изъятие как самостоятельное процессуальное действие причиняет не меньший ущерб охраняемым законом интересам лиц (физических и юридических), чем оно же – как составная часть производства следственных действий. Только если изъятие осуществляется в рамках следственных действий их участники имеют солидный потенциал защиты своих законных интересов, в отличие от участников изъятия, как самостоятельного процессуального действия. В силу этого возникают многочисленные правоприменительные проблемы, связанные с нарушением либо

¹ Российская газета. 2014. 28 мая.

неправомерным ограничением прав предпринимателей в части как определения объема изымаемых предметов и документов, их копированием, сохранением, последующим возвратом.

Выделим еще одну особенность изъятия как самостоятельного процессуального действия – его осуществление возможно исключительно в стадии возбуждения уголовного дела и используется для проверки сообщения о преступлении, и, если данное обстоятельство не учитывать, то это приводит к грубым нарушениям закона. Проиллюстрируем это примером из судебной практики.

22 марта 2018 года в ходе проверки заявления о совершении мошеннических действий с денежными средствами по постановлению следователя произведена выемка бухгалтерских документов. Адвокат обжаловал в суд указанное постановление, полагая, что оно незаконно, поскольку выемка документов возможна только в рамках возбужденного уголовного дела. Решением районного, а затем и апелляционного суда, жалоба оставлена без удовлетворения. Одновременно признана несостоятельной ссылка адвоката на информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации от 30 декабря 2014 года¹, отражающего ведомственное толкование уголовно-процессуального закона, в котором указывается, что ссылка ч. 1 ст. 144 УПК РФ – «в порядке, установленном настоящим Кодексом» – не дает правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках следственных действий, производство которых до возбуждения уголовного дела не предусмотрено УПК РФ, в том числе путем выемки (ст. 183 УПК РФ). Судом указано, что «исходя из Постановления Верховного Суда РФ от 25.08.2017 № 16-УД17-16, производство выемки до возбуждения уголовного дела не противоречит требованиям части 1 статьи 144, а также положениям статей 182, 183 УПК РФ»².

Получается, что суд своим процессуальным решением проигнорировал не только ведомственный акт, но и положения УПК РФ, которые не предусматривают возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела. Отмена судебного решения состоялась только в кассационной инстанции и, как представляется, несмотря на длительность судебной тяжбы – это наилучший выход для предпринимателя в указанной ситуации.

Изъятие может быть составной частью производства следственных действий в стадии предварительного расследования: осмотр, обыск, выемка, наложение ареста на имущество. Это обстоятельство не исключает необходимости изучения изъятия. Как указывает О.А. Зайцев, «по результатам опроса 189 предпринимателей Службой специальной связи и информации ФСО России в 2020 г. в 36 субъектах РФ, 3/4 опрошенных указали на факты изъятия у них оригиналов документов и почти 60% – на изъятие электронных носителей информации. И только 1/3 предпринимателей отметили, что в ходе досудебного расследования на них не налагались ограничения на распоряжение задействованным в предпринимательской деятельности имуществом» [5, с. 111]. Следовательно изъятие как составная часть следственных действий имеет значительный масштаб и затрагивает большое количество заинтересованных лиц.

27 декабря 2018 года в ст. 164 УПК РФ были внесены дополнения в виде новой части 4.1, устанавливающей, что при производстве следственных действий по делам об отдельных преступлениях против собственности и в сфере экономической деятельности (согласно перечню статей УК РФ, перечисленных в данной норме) не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе – не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ³.

При этом проблемы изъятия новым правовым регулированием не исчерпаны, на что обращают внимание исследователи [10]. Мы также отметим немаловажную деталь: в тексте приведенной нормы указано лишь оценочное понятие «необоснованное» и не закреплена обязанность

¹ О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении: Информационное письмо Следственного комитета РФ от 30 декабря 2014 года № 211-51098-14 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О жалобе адвоката на постановление старшего следователя: Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области от 12 июля 2018 года по делу № 22-301/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ // Российская газета. 2018. 29 декабря.

следователя обосновать соответствующее изъятие. Продолжая эту мысль, можно отметить, что применительно к процессуальным решениям требование обоснованности является обязательным, а когда это требование не выполняется, то процессуальное решение можно обжаловать (ст. ст. 7, 123–125 УПК РФ). Однако решение изъять при обыске какие-либо предметы следователь не оформляет отдельным процессуальным решением, равно как и не включает обоснование изъятия в постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве обыска. Соответственно и само требование об обоснованности изъятия и установленный запрет становится правовой декларацией, не содержащей реальных гарантий для защиты процессуальных и иных прав предпринимателей.

В то же время можно приветствовать изменение порядка производства следственных действий по делам об отдельных преступлениях против собственности и в сфере экономической деятельности в части допуска специалиста к изъятию компьютерной техники. В качестве основания для привлечения следователем специалиста при осмотре информации на электронных носителях может выступать необходимость применения специальных знаний и навыков для поиска закрытых для общего доступа файлов¹, либо обнаружение признаков удаления файлов, их изменения, реквизитов операций, произведенных с ними² и др.

Как считает У.А. Мусаева, участие специалистов в области компьютерной техники и технологий обязательно при производстве обыска, выемки, следственного эксперимента, проверки и уточнения показаний на месте [11, с. 302]. Кроме того, в литературе обосновывается целесообразность привлечения таких специалистов к участию в допросах, на которых выясняются технические аспекты совершенного преступления [14].

Следует отметить нарастающий нарратив законодателя в отношении ужесточения требований к порядку изъятия электронной информации, используемой в предпринимательской деятельности. 28 июля 2012 года в ст. 183 УПК РФ было внесено дополнение в виде части 9.1 о специальной процедуре изъятия электронной информации³, а 27 декабря 2018 года эту часть исключили и ввели в УПК РФ новую статью 164.1⁴, устанавливающую «ограничения при изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности» [3, с. 32].

Здесь замена, своего рода – рокировка, произошла в пользу повышения статуса правил изъятия указанной информации. И теперь эти правила распространяются не только на порядок обыска или выемки, но и другие следственные действия, которые могут включать в свое содержание изъятие электронной информации. Эти изменения мы оцениваем, в целом, положительно, но за их рамками остается изъятие как отдельное процессуальное действие, порядок регулирования которого по-прежнему отсутствует.

Еще одна проблема обусловлена тем, что судебное решение не требуется для проведения обыска в производственном либо офисном помещении, используемых для осуществления предпринимательской деятельности. На примере конкретных уголовных дел в научной литературе были сформулированы разъяснения о том, что процессуальный порядок обыска в жилище может применяться к помещениям предприятия при отсутствии четкого различия между собственным офисом и частным местом проживания, либо между частной и предпринимательской деятельностью [9]. Поэтому, несмотря на установление дополнительных преимуществ предпринимателям в решении отдельных процессуальных вопросов, в части обыска законодатель не вводит каких-либо специальных правил его производства в отношении предпринимателей или с их участием.

¹ Апелляционное определение от 03 ноября 2016 года по делу № 22-4229/2016 Судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда по жалобам Р.Ю. Яхницкого на приговор от 05 августа 2016 года Советского районного суда г. Орска Оренбургской области // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение от 08 августа 2016 года по делу № 22-6494/2016 Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по жалобе А.Г. Гатиятуллиной // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.

⁴ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8459.

Укажем также на проблемы, связанные с неудовлетворительным уровнем обеспечения прав предпринимателей в части компенсации невозврата или несвоевременного возврата имущества, используемого в производственной, иной хозяйственной деятельности. Например, 25 ноября 2017 года сотрудники полиции в ходе проведения проверки сообщения о преступлении произвели осмотр места происшествия – помещений, занимаемых ООО «Р-т», и изъяли компьютерное оборудование. 02 марта 2018 года по данному факту отказано в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления. Однако 12 марта 2018 года прокурор отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и возвратил материалы в полицию для проведения дополнительной проверки. Тем не менее, 02 апреля 2018 года на основании постановления суда, обязавшего полицию устранить допущенное нарушение закона, изъятое имущество возвращено ООО «Р-т», что подтверждено распиской, а 24 апреля 2018 года повторно отказано в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления.

В рассматриваемом случае дело осложнялось не только допущенной волокитой, но и тем, что ООО «Р-т» после изъятия компьютерного оборудования было лишено возможности осуществлять свою деятельность. С целью продолжения своей законной предпринимательской деятельности ООО «Р-т» приобрело новые компьютеры, подтвердив этот факт соответствующими документами. Однако, сумму, затраченную на приобретение нового оборудования, Арбитражный суд посчитал не находящейся в причинно-следственной связи с проведением осмотра места происшествия и изъятием компьютеров и отказал в удовлетворении требований истца в части компенсации причиненного ущерба¹.

Данный пример показателен своеобразной логикой: действительно, ООО «Р-т» получило в свое пользование два комплекта компьютерного оборудования. Но судом не учтено, что второй комплект оборудования был приобретен самим ООО «Р-т» в связи с изъятием первого, которое не было возвращено своевременно, а его отсутствие привело бы к прекращению деятельности и увольнению сотрудников, а также повлекло другие негативные последствия. При таких условиях, как представляется, должна была состояться констатация причинения ущерба в двойном размере: в части утраты (изъятия и невозвращения вовремя имущества предпринимателя) и приобретение нового комплекта оборудования для продолжения хозяйственной деятельности.

Из этого примера можно сделать вывод: принимаемое в ходе следственных действий решение об изъятии имущества, имеющего значение для ведения предпринимательской деятельности, не сопровождается гарантиями компенсации в случаях его невозврата или несвоевременного возврата и, тем самым, не обеспечивает надлежащую защиту имущественных прав предпринимателей, воспрепятствует их деятельности.

В отечественном уголовном законодательстве существует отдельная норма (ст. 169 УК РФ), запрещающая должностному лицу препятствовать деятельности индивидуальных предпринимателей, но «как следует из официальной статистики, эта норма практически не применяется» [8, с. 919].

Учитывая приведенные факты, считаем, что необходимо установление дополнительного случая возбуждения перед судом ходатайства о производстве уже не только следственного, но и иного процессуального действия (ч. 1 ст. 165 УПК РФ), позволяющего оградить предпринимателей от необоснованного или несвоевременного возврата принадлежащего им имущества, когда его изъятие приводит к прекращению или существенному затруднению предпринимательской деятельности. Если же изъятие не терпит отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), то оно производится по постановлению следователя или дознавателя без получения судебного решения, но с последующим уведомлением суда и рассмотрением этого уведомления с обязательным участием лиц, чьи законные интересы были поставлены под угрозу нарушения либо этим законным интересам был причинен существенный вред.

Для этой цели предлагаем внести в уголовно-процессуальный закон ряд дополнений и изменений.

В часть 2 статьи 29 УПК РФ внести новый пункт 4.1:

«4.1) об изъятии предметов, документов, электронных носителей информации о предпринимательской деятельности, а также оборудования, необходимого для ведения уставной деятельности предприятия, индивидуального предпринимателя или зарегистрированной деятельности самозанятого гражданина в ходе проверки сообщения о преступлении».

¹ Решение от 24 июля 2019 года по делу № А42-3571/2019 Арбитражного суда Мурманской области // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В название и текст статьи 165 УПК РФ внести изменение, указав, что судебное решение требуется «для производства следственных и иных процессуальных действий».

В часть 5 статьи 165 УПК РФ внести следующее изменение:

«5. В исключительных случаях, когда изъятие предметов, документов, электронных носителей информации о предпринимательской деятельности, а также оборудования, необходимого для ведения уставной деятельности предприятия, индивидуального предпринимателя или зарегистрированной деятельности самозанятого гражданина в ходе проверки сообщения о преступлении, производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество...» и далее по тексту.

Список использованной литературы:

1. Апостолова Н.Н. Защита интересов бизнеса в уголовном судопроизводстве на стадии возбуждения уголовного дела. *Российская юстиция*. 2016;(2):49–52.
2. Бондаренко А.А. Изъятие электронных носителей информации при расследовании уголовных дел экономической и общеуголовной направленности, а также по соединенным делам. *Законодательство и практика*. 2019;(1(42)):36–40.
3. Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2020;(37):32–39. DOI: 10.17223/22253513/37/3.
4. Данилов С. Не участие, а победа: судимся без поражений. *Практическая бухгалтерия*. 2020;(6): 32–38.
5. Зайцев О.А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве. *Журнал российского права*. 2021;25(10):108–126. DOI: 10.12737/jrl.2021.127.
6. Зайцев О.А., Кашепов В.П., Нудель С.Л. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2020;(37):40–56. DOI: 10.17223/22253513/37/4.
7. Зяблина М.В. Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на защиту прав и законных интересов предпринимателей. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018;(1):90–94.
8. Казакова В.А., Кораблева С.Ю. Статья 169 Уголовного Кодекса Российской Федерации – имитация защиты предпринимательской деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020;11(4):919–935. DOI: 10.21638/spbu14.2020.406.
9. Кононов И.С. Защита неприкосновенности жилища при производстве обыска: рекомендации ЕСПЧ. *Уголовный процесс*. 2012;5(89):53–55.
10. Костенко Р.В., Петрова О.А. Проблемы изъятия электронных носителей информации в отечественном уголовном процессе. *Юридический вестник*

References:

1. Apostolova N.N. [Protection of business interests in criminal court proceedings at the stage of initiation of a criminal case]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2016;(2):49–52. (In Russ.)]
2. Bondarenko A.A. [Seizure of electronic media in the investigation of criminal cases of economic and ordinary criminal orientation, as well as in connected cases]. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and practice*. 2019;(1(42)):36–40. (In Russ.)]
3. Vasyukov V.F. [Seizure of electronic media during investigative actions: novelties of legislation and problems of law enforcement]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of the Tomsk State University. Right*. 2020;(37):32–39. DOI: 10.17223/22253513/37/3. (In Russ.)]
4. Danilov S. [Not participation, but victory: we are suing without defeats]. *Prakticheskaya bukhgalteriya = Practical accounting*. 2020;(6): 32–38. (In Russ.)]
5. Zaitsev O.A. [Procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of entrepreneurs in criminal proceedings]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;25(10):108–126. DOI: 10.12737/jrl.2021.127. (In Russ.)]
6. Zaitsev O.A., Kashepov V.P., Nudel' S.L. [Criminal policy in relation to crimes committed in the sphere of entrepreneurial activity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*. 2020;(37):40–56. DOI: 10.17223/22253513/37/4. (In Russ.)]
7. Zyablina M.V. [Novelties of criminal and criminal procedure legislation aimed at protecting the rights and legitimate interests of entrepreneurs]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2018;(1):90–94. (In Russ.)]
8. Kazakova V.A., Korableva S.Yu. [Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation – imitation of the protection of entrepreneurial activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2020;11(4):919–935. DOI: 10.21638/spbu14.2020.406. (In Russ.)]
9. Kononov I.C. [Protection of the inviolability of the home during the search: recommendations of the ECHR]. *Ugolovnyi protsess = Criminal proceedings*. 2012;5(89):53–55. (In Russ.)]
10. Kostenko R.V., Petrova O.A. [Problems of seizure of electronic media in the domestic criminal process]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo*

Кубанского государственного университета. 2021;(1):62–71. DOI: 10.31429/20785836-13-1-62-71.

11. Мусаева У.А. Специфика проведения следственного осмотра по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013;(4–2):295–302.

12. Семенцов В.А. Правовая неопределенность предписаний об изъятии документов и предметов УПК РФ (ч. 1 ст. 144). *Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя; 2019.*

13. Цепелев К.В., Чернявский Д.О. Проблемы противодействия воспрепятствованию законной предпринимательской или иной деятельности уголовно-правовыми средствами. *Безопасность бизнеса*. 2020;(6):27–31.

14. Цоколова О.И., Улейчик В.В., Кузнецов А.В. Квалификация и доказывание преступных деяний, совершаемых в сфере компьютерной информации. *Информационный бюллетень Следственного комитета МВД России*. 1999;(2).

15. Чуряев А. Выемка документов: некоторые особенности правоприменительной практики. *Налоговый учет для бухгалтера*. 2011;(9):63–76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладышева Ольга Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0001-5413-5208

Author ID: 57194874777

universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021;(1):62–71. DOI: 10.31429/20785836-13-1-62-71. (In Russ.)]

11. Musaeva U.A. [Specifics of conducting an investigative examination in cases of crimes in the field of computer information]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki* = Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2013;(4–2):295–302. (In Russ.)]

12. Sementsov V.A. [Legal uncertainty of the regulations on the seizure of documents and items of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Part 1 of Article 144)]. *Aktual'nye voprosy proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya: teoriya i praktika: sb. nauch. tr. vseros. nauch.-prakt. konf* = Actual issues of the preliminary investigation: theory and practice: collection of scientific tr. all-Russian scientific-practical conf. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; 2019. (In Russ.)]

13. Tsepelev K.V., Chernyavskii D.O. [Problems of countering obstruction of legitimate entrepreneurial or other activity by criminal legal means]. *Bezopasnost' biznesa* = Business security. 2020;(6):27–31. (In Russ.)]

14. Tsokolova O.I., Uleichik V.V., Kuznetsov A.V. [Qualification and proof of criminal acts committed in the field of computer information]. *Informatsionnyi byulleten' Sledstvennogo komiteta MVD Rossii* = Newsletter of the Investigative Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999;(2). (In Russ.)]

15. Churyaev A. [Seizure of documents: some features of law enforcement practice]. *Nalogovyi uchet dlya bukhgaltera* = Tax accounting for an accountant. 2011;(9):63–76. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Gladysheva

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0001-5413-5208

Author ID: 57194874777

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Дзабиев У.К.

Следственный отдел по г. Ессентуки
СУ СК России по Ставропольскому краю

(Пикетная ул., д. 3, Предгорный район, ст. Ессентукская, Ставропольский край, Россия, 357351)

Ссылка для цитирования: Дзабиев У.К. Обеспечение прав участников досудебного производства при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):63–73. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-63-73>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Дзабиев Урузмаг Казбекович, старший следователь следственного отдела по г. Ессентуки
СУ СК России по Ставропольскому краю

Адрес: Пикетная ул., д. 3, Предгорный район, ст. Ессентукская, Ставропольский край, Россия, 357351

Тел.: +7 (928) 928-88-08

E-mail: suskipatovo@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.10.2022

Статья принята к печати: 21.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: В статье обосновывается авторский подход согласно которому под использованием результатов оперативно-розыскных мероприятий следует понимать применение следователем указанных результатов как: 1) повода и (или) основания к возбуждению уголовного дела; 2) фактического основания производства следственных действий и применения мер принуждения; 3) основание для розыска и обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства и иных лиц; 4) основание для формирования доказательств. Утверждается, что обязательным условием использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве после их представления следователю в установленном порядке служит требование обеспечения прав личности за счет применения процедур заявления ходатайств, жалоб, участия в процессуальных действиях и ознакомления с материалами уголовного дела.

Цель настоящего исследования состоит в получении новых знаний по обеспечению прав участников досудебного производства при использовании следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий.

Результатами исследования стала совокупность новых положений, расширяющих научные представления по обеспечению прав участников досудебного производства при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий. Обосновывается позиция автора о том, что процессуальными средствами обеспечения прав личности при использовании следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий служат процедуры заявления ходатайств, жалоб, право участия в процессуальных действиях и ознакомления с материалами уголовного дела, сформированными на основании указанных результатов.

Ключевые слова: права участников, обеспечение прав, оперативно-розыскные мероприятия, использование, результаты, следователь, досудебное производство.

ENSURING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS WHEN USING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES

Uruzmag K. Dzabiev

Investigation Department for the city of Essentuki

SU IC of Russia in the Stavropol Territory

(Piketnaya str., 3, Predgorny District, Yessentukskaya Station, Stavropol Territory, Russia, 357351)

Link for citation: Dzabiev U.K. Ensuring the rights of participants in pre-trial proceedings when using the results of operational investigative measures. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):63–73. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-63-73>

CONTACT INFORMATION:

Uruzmag K. Dzabiev, Senior Investigator, Yessentuki Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for the Stavropol Territory

Address: Picketnaya str., 3, Predgorny District, Yessentukskaya Station, Stavropol Territory, Russia, 357351

Tel.: +7 (928) 928-88-08

E-mail: suskipatovo@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.10.2022

The article has been accepted for publication: 21.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The article substantiates the author's approach according to which the use of the results of operational investigative measures should be understood as the use of these results by the investigator as: 1) the reason and (or) the grounds for initiating a criminal case; 2) the actual basis for the production of investigative actions and the use of coercive measures; 3) the basis for the search and ensuring the personal safety of participants in criminal proceedings and other persons; 4) the basis for the formation of evidence. It is stated that a prerequisite for the use of the results of operational investigative measures in pre-trial proceedings after their submission to the investigator in accordance with the established procedure is the requirement to ensure the rights of the individual through the application of procedures for the statement of proceedings, complaints, participation in procedural actions and familiarization with the materials of the criminal case.

The purpose of this study is to gain new knowledge on ensuring the rights of participants in pre-trial proceedings when using the results of operational investigative measures by the investigator.

The results of the study were a set of new provisions that expand scientific ideas on ensuring the rights of participants in pre-trial proceedings when using the results of operational investigative measures. The author's position is substantiated that the procedural means of ensuring the rights of the individual when using the results of operational investigative measures by the investigator are the procedures for filing petitions, complaints, the right to participate in procedural actions and familiarization with the materials of the criminal case formed on the basis of the specified results.

Keywords: rights of participants, enforcement of rights, operational investigative measures, use, results, investigator, pre-trial proceedings.

Введение

Одним из обязательных условий потенциального использования результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства после того, как они надлежащим образом будут представлены, процессуально исследованы и закреплены, служит требование обеспечения прав личности. Наличие этого требования обусловлено предписаниями ст. 2 Конституции Российской Федерации об обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. В ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной

деятельности» (далее – Закон об ОРД) указывается на необходимость уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, хотя и при наличии возможности их ограничения, но в рамках и пределах, установленных законом.

Именно право занимает ведущее место в механизме государственного регулирования, обеспечивая как стабильность, так и необходимую преобразовательную деятельность индивидуумов и публичных институтов [11, с. 4]. И в этой сфере признание субъективных прав и свобод человека высшей ценностью общества и государства «провозглашение человека центральной фигурой правоохранительной деятельности, а защиты его прав и свобод – целью уголовно-процессуальной деятельности стало требованием времени и правовой действительности»¹.

Проведенное исследование убеждает в необходимости более четкой законодательной позиции в вопросе обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют всеобщие (философские), общенаучные, частнонаучные и специальные методы.

На основе диалектического познания, как всеобщего метода, получены новые знания о результатах оперативно-розыскных мероприятий, сформированы процессуальные направления использования результатов оперативно-розыскных мероприятий следователем.

В данной работе применялись различные виды общенаучного метода анализа: логический, системный, структурный, функциональный и др. Абстрагирование позволило создать гипотетическую модель процессуального поведения участников досудебного производства в случаях появления возможности и необходимости использования результатов оперативно-розыскных мероприятий.

Восхождение от абстрактного к конкретному, как метод теоретического исследования, позволило выявить и обосновать объективную и масштабную потребность следователя использовать результаты оперативно-розыскных мероприятий для разрешения большого круга процессуальных вопросов. Метод обобщения позволил представить механизмы правообеспечения в случае использования следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий. Использовались также специальные научные методы формально-юридического анализа нормативного материала и сравнительного исследования законов, позволившие получить новые и полезные результаты.

Результаты исследования

В сфере использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве обеспечение прав его участников следует понимать как совокупность законодательных правил, позволяющих участникам обладать необходимыми им правами, осуществлять их, а при возникновении угрозы или фактов реального ограничения – надлежащим образом их охранять и защищать.

Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве возможно по нескольким направлениям, по каждому из которых возникают определенные проблемы правообеспечения, обусловленные недостаточной разработанностью законодательного механизма в этой части и практики его применения.

О допускаемой возможности использовать результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий с опорой на правообеспечительный механизм свидетельствуют конструкции повода и (или) основания к возбуждению уголовного дела, основания производства следственных действий и применения мер принуждения, осуществления розыска и обеспечения личной безопасности, процедурные правила формирования доказательств.

Обязательное условие использования результатов оперативно-розыскных мероприятий, представленных следователю – требование обеспечения прав личности за счет применения процедур заявления ходатайств, жалоб, участия в процессуальных действиях и ознакомления с имеющимися в материалах уголовного дела предметами и документами, полученными при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

¹ Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013. С. 12.

Научная дискуссия

Традиционно в науке и практике оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства анализируются проблемы обеспечения прав и свободы человека и гражданина непосредственно при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. По мнению В.А. Семенцова требование обеспечения соблюдения прав человека и гражданина выражается в наделении должностных лиц обязанностью проведения оперативно-розыскных мероприятий исключительно «при наличии оснований и выполнении условий, предусмотренных в законе, с использованием средств, исключающих необоснованное ограничение этих прав»¹.

Вместе с тем для нас очевидно, что права и свободы человека и гражданина могут существенно затрагиваться не только при проведении оперативно-розыскных мероприятий, но и в ходе использования уже полученных результатов в досудебном производстве, когда они предоставлены в установленном порядке в распоряжение следователя. Именно поэтому возникает необходимость надлежащего обеспечения прав участников досудебного производства в части использования результатов оперативно-розыскных мероприятий.

Как считает С.Б. Россинский, «несмотря на установленные ст. 89 УПК РФ правовые ограничения, практика использования в доказывании сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, имеет повсеместное применение» [9, с. 78], и подтверждение этому находим в разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам о коррупционных преступлениях, «если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона»².

В литературе справедливо указывается, что чаще всего возникает проблема обеспечения права на судебную защиту, когда суды отказывают в удовлетворении ходатайств о признании недопустимыми доказательств, полученных на основе использования результатов ОРД³. Более того, даже утверждается, что «система гарантий защиты прав и свобод человека при использовании результатов ОРД... в должной мере не сформирована» [7, с. 185], либо констатируется несовершенство законодательства в этой части [12, с. 97].

В рамках нашего исследования сделаем акцент на обеспечении прав при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве, т.е. уже тогда, когда появляется возможность применения указанных результатов следователем непосредственно при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Применяемый в науке уголовного процесса и тексте УПК РФ термин «использование» в словарном значении раскрывается как употребление в каком-то деле, применение кем-либо с целью извлечения пользы для чего-нибудь⁴.

Принципиальная возможность использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве как конечного этапа их реализации заложена в самом законе при конструировании, например, оснований производства отдельных следственных действий, для достижения целей которых могут служить не только доказательства, но и фактические данные, полученные за рамками уголовного судопроизводства (в нашем случае – данные, полученные оперативным путем), поскольку для принятия решения о проведении определенных следственных действия допускается обоснованное предположение, т.е. использование данных, имеющих вероятный характер.

И здесь следует учитывать, что использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве возможно по нескольким направлениям, по каждому из которых возникают определенные проблемы правообеспечения, обусловленные недостаточной

¹ Семенцов В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: учебное пособие. Москва: Юрлитинформ; 2021. С. 122.

² О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 59 // Российская газета. 2019. 31 декабря.

³ Чечетин А.Е., Шатохин И.Д., Шмидт А.А. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: научно-практическое пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России; 2022.

⁴ Большой толковый словарь русского языка: 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Апрель; 2009. С. 319.

разработанностью законодательного механизма в этой части и практики его применения. Тем не менее, когда речь заходит о применении мер принуждения, производстве следственных и иных процессуальных действий, напрямую затрагивающих конституционные права человека и гражданина, законодатель предусматривает более сложную процедуру их производства, содержащую в себе усиленные процессуальные гарантии.

В числе возможных процессуальных направлений использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве укажем следующие:

- 1) как повод и (или) основание к возбуждению уголовного дела;
- 2) как достаточные данные, служащие фактическим основанием для принятия процессуальных решений и производства следственных действий и применения мер принуждения;
- 3) в виде иных достаточных данных, которые потенциально полезны для достижения назначения уголовного судопроизводства (например, при установлении необходимости и в ходе применения мер безопасности, либо мер розыска);
- 4) в качестве фактического основания для формирования доказательств.

Но в любом случае для того, чтобы использовать результаты оперативно-розыскных мероприятий по каждому из указанных направлений, необходимо убедиться, а не приводит ли это к нарушению прав участников досудебного производства в рамках реализации функции уголовного преследования, т.е. уголовно-процессуальной деятельности, направленной на раскрытие преступления и изобличение виновных в форме возбуждения и предварительного расследования уголовных дел.

Авторский подход к регулированию уголовно-процессуальной деятельности по использованию результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве состоит в том, что здесь принимаются правообеспечительные меры, необходимые для гарантированности прав участников уголовного судопроизводства при обосновании процессуальных решений и производстве процессуальных действий.

Так, важное направление использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве – служить поводом и основанием для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, что обусловлено, как верно отмечает А.Н. Гушин, наличием «у оперативных подразделений возможностей по получению информации средствами и методами, которыми следователь не наделен» [5, с. 159]. Б.Т. Безлепкин по этому поводу пишет: оперативно-розыскные средства и методы проверки сообщений о преступлениях «являются более гибкими по сравнению с процессуальными проверочными действиями... и способны внести ясность в вопрос, было ли преступление и каков его характер»¹.

О допускаемой возможности опираться на результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий свидетельствует конструкция оснований не только производства отдельных следственных действий (о чем упоминалось ранее), но и процессуального задержания подозреваемого в совершении преступления, когда в ч. 2 ст. 91 УПК РФ указывается на наличие иных данных о причастности к преступлению, которые со всей своей очевидностью менее весомы, нежели, например, явные следы преступления, а это значит, что вероятность ошибки велика и как следствие этого возможно нарушение конституционных прав.

Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ, при избрании наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу, состоящей в лишении свободы подозреваемого или обвиняемого, дополнительной гарантией соблюдения прав граждан служит требование о том, что в постановлении должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. При этом такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ.

Тем самым подчеркивается, что данные, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, используются при обосновании решения о заключении под стражу (как, впрочем, и любой иной меры принуждения), если они правильно процессуально оформлены и указывают на высокую вероятность совершения действий подозреваемого, обвиняемого, к предотвращению которых служит эта мера пресечения. Более того, в ситуации, когда указанные данные отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным

¹ Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя: учебное пособие. 3-е изд. Москва: Проспект; 2013. С. 39.

законом, то они как сами по себе, так и в совокупности с другими доказательствами могут быть положены в основу судебного решения о заключении под стражу.

В силу закона предоставленные в суд органом досудебного производства документы, доказательства по уголовному делу должны указывать на то, что обвиняемый (подозреваемый) может препятствовать ходу расследования, скрыться от него либо продолжить заниматься преступной деятельностью. Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание нижестоящих судов на то, что указанные обстоятельства «свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения»¹ (вместо заключения под стражу).

И если суд в обосновании своего решения не привел в постановлении вышеуказанные данные, не проверил их и не дал надлежащей оценки оперативной информации, то подобное бездействие является достаточным основанием к апелляционному и кассационному оспариванию постановления о даче разрешения на применение меры принуждения, связанной с ограничением конституционных прав граждан.

В тексте уголовно-процессуального закона находим и другие предписания о действии правообеспечительного механизма при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве, включая применение процедуры заявления ходатайств и жалоб, ознакомление заинтересованных лиц с предметами и документами, полученными при проведении оперативно-розыскных мероприятий и представленными следователю, участие этих лиц в соответствующих процессуальных действиях (например, в экспертизе), обеспечение их безопасности и др.

Обеспечение прав и законных интересов участвующих в досудебном производстве лиц достигается путем заявления ходатайств, в том числе связанных с использованием результатов оперативно-розыскных мероприятий, которые следователь обязан в установленном порядке незамедлительно рассмотреть (ч. 1 ст. 159 УПК РФ) и принять законное и обоснованное решение. Правила рассмотрения ходатайств, как процессуального правообеспечительного механизма для достижения назначения уголовного судопроизводства, изложены в гл. 15 УПК РФ, но само понятие в законе отсутствует.

Поэтому верным является утверждение О.А. Максимова о том, что формулировка ходатайства должна получить свое закрепление в ст. 5 УПК РФ².

Отказ в удовлетворении ходатайства не лишает права заинтересованного лица заявить его повторно, либо обжаловать это решение.

Относительно обжалования необходимо помнить, что по смыслу ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации одной из форм гарантированной судебной защиты конституционных прав и свобод участников досудебного производства является предоставление им возможности обжалования действий и решений следователя, включая использование результатов оперативно-розыскных мероприятий по тем направлениям, которые были указаны нами ранее, и в той части, в которой они затрагивают их интересы.

На важную социальную и правовую миссию обжалования указывают В.А. Семенцов и С.В. Рудакова, по мнению которых это обеспечивает соблюдение и поддержание надлежащего уровня законности во всех аспектах уголовно-процессуальной деятельности, а также защиту прав, свобод и законных интересов ее участников, позволяя своевременное исправлять допущенных ошибок и обеспечивая оперативное выявление нарушений закона [10, с. 35].

Жалобы на законность действий и решений следователя об использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий заявляются по правилам уголовного судопроизводства, а адресатом их рассмотрения будет руководитель следственного органа, прокурор или в суд. Отличительными особенностями рассмотрения судом жалоб на действия и решения следователя об использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий состоят в том, что обжалование осуществляется лицами, полагающими, что были нарушены или ограничены их конституционные

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. 2013. 27 декабря.

² Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2022. С. 20–21.

права и свободы, а также тем, что процедура этой деятельности протекает в условиях состязательности, регламентированной законом, обеспечивая гласность судебного разбирательства и участие заинтересованных лиц.

Однако следует иметь в виду, что могут возникать ситуации, связанные со злоупотреблением правом на обжалования, обычно со стороны обвиняемого (подозреваемого) и защитника.

Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий имеет важное значение не только для решения задач досудебного производства по раскрытию преступлений и изобличению лиц, виновных в их совершении, но и обеспечению прав при применении процедурных правил ознакомления заинтересованных участников с предметами и документами, в том числе электронными, полученных в ходе ОРД и представленных следователю.

Так, если материалы проверки сообщения о преступлении, в числе которых имеются результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий, непосредственно затрагивают права и свободы заявителя, иных заинтересованных лиц, то они вправе ходатайствовать об ознакомлении с ними. В ходатайстве об ознакомлении должны найти отражение сведения о том, какие права и свободы этого лица непосредственно затрагиваются такой проверкой. В подобной ситуации заинтересованное лицо вправе прибегнуть к услугам адвоката (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Но следует учитывать, что право ознакомления с материалами проведенной проверки сообщения о преступлении в УПК РФ не предусмотрено и на практике это обычно приводит к принятию решения об отказе заявителю в ознакомлении с такими материалами, хотя ст. 24 Конституции Российской Федерации обязывает органы государственной власти и их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2011 года № 1251-О-О¹ разъяснено указанное конституционное положение и отмечено, что любая информация, за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы затрагивают его права и свободы, а законодатель не предусматривает специальный правовой статус такой информации.

Считаем, что когда речь идет о таком итоговом решении этой стадии как отказ в возбуждении уголовного дела, то здесь уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо указаний на такие ограничения в отношении лиц, чьи права и свободы затрагиваются, и поэтому их применение должно осуществляться в соответствии с изложенной правовой позицией. Неправомерный отказ в ознакомлении либо необоснованное ограничение прав заявителя в процессе ознакомления с материалами проверки могут быть обжалованы руководителю следственного органа, прокурору или в суд в порядке, установленном законом.

В ситуации же, когда уголовное дело возбуждено, разрешение ходатайства об ознакомлении с материалами ранее проведенной проверки сообщения о преступлении, включающей результаты оперативно-розыскных мероприятий, реализуется на этапе окончания предварительного расследования (ст. 219, ч. 2, 3 ст. 225, ч. 4–9 ст. 226.5 УПК РФ).

Что касается ознакомления с материалами уголовного дела заинтересованных лиц в ходе предварительного расследования, то это возможно в двух случаях: 1) если при проведении следственного действия предъявлялись вещественные доказательства и документы (например, при допросе – ч. 3 ст. 190 УПК РФ, при производстве судебной экспертизы – п. 1 и 6 ч. 1 ст. 198 УПК РФ); 2) когда документы обязательны для вручения (копия протокола при обыске – ч. 15 ст. 182 УПК РФ).

С учетом массовой компьютеризации населения и организаций сегодня значительный объем информации криминального характера циркулирует в сети Интернет, что поставило в повестку дня острый вопрос об использовании этой информации для раскрытия и расследования преступлений, например, путем активного противодействия распространению в сети Интернет опасного для молодежи контента, способствующего вовлечению несовершеннолетних в деструктивную

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 145, частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью 5 статьи 30 Федерального закона «О полиции» и статьей 7 Федерального закона «О персональных данных»: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1251-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

деятельность [1, с. 844]. Одновременно необходимо решать задачу, отмечают И.Ю. Остапович и А.В. Нечкин, «обеспечения эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина в процессе взаимодействия через интернет при одновременном сохранении высокого уровня гарантий реализации указанных прав и свобод» [8, с. 565].

Циркулирование в сети Интернет информации криминального характера вызвало необходимость предусмотреть в законе новое оперативно-розыскное мероприятие – получение компьютерной информации¹, предназначенное для решения оперативно-розыскных задач и состоящее в сборе сведений, содержащихся в компьютере или сети компьютеров, а также на различных носителях машинной информации, с последующей их фиксацией (или без нее) [6, с. 25].

В примечании 1 к ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации) закреплено, что «под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»².

Результаты оперативно-розыскного мероприятия – получения компьютерной информации, проведение которого связано с ограничением конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также права на неприкосновенность жилища, предоставляются для ознакомления заинтересованным участникам производства по уголовному делу в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно и в случае непосредственного участия того или иного заинтересованного лица в соответствующем следственном или ином процессуальном действии. В частности, о привлекаемых к участию в следственных действиях лицах указывается в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, а согласно п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ у подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, представителя имеется право присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы (в том числе по материалам ОРД), давать объяснения эксперту.

В ч. 7 ст. 164 УПК РФ закреплено правило о привлечении следователем к участию в следственном действии оперативного сотрудника. Подобное привлечение обусловлено необходимостью повышения эффективности следственного действия, с использованием при подготовке и в ходе его производства результатов оперативно-розыскных мероприятий, а одним из элементов обеспечения эффективности служит соблюдение прав его участников.

В ст. 89 УПК РФ и ст. 11 Закона об ОРД не упоминается такое важное, с позиции правообеспечения, направление использования результатов оперативно-розыскных мероприятий как применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства и иных лиц, при наличии достаточных данных полагать, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными деяниями (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Можно полностью согласиться с утверждением Л.В. Брусницына, что «страх жертв и очевидцев преступлений перед преступным миром, негативные последствия страха (уклонение от уголовно-процессуальных обязанностей), достигли масштабов, которые заставили говорить о себе не только специалистов в сферах уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии и криминалистики на национальном уровне» [3, с. 3].

На возможность использования результатов оперативно-розыскных мероприятий, как основания применения мер безопасности, после должного их процессуального закрепления, указывает в своем исследовании Ф.Ф. Зарипов, что, по его мнению, логично и положительно влияет на работу правоохранительных органов в этом направлении³.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Зарипов Ф.Ф. Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2021. С. 97.

В государственной программе от 25 октября 2018 года «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» указывается: «ежегодно в ходе расследования уголовных дел согласно статистическим данным более 10 млн. человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве»¹.

В подобных ситуациях именно из оперативных источников чаще всего становится известно о таких угрозах, с требованием изменить показания, отказаться от них, дать заведомо ложные показания в пользу подозреваемых (обвиняемых) и др. В этой связи закономерно, что в основу принимаемого решения о применении мер безопасности могут быть положены полученные и представленные в распоряжение следователя материалы проведения оперативно-розыскных мероприятий, свидетельствующие о реальности угрозы безопасности. Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в том числе уже при приеме сообщения о преступлении.

Учитывая, что применение мер безопасности потенциально осуществляется в отношении достаточно широкого круга лица, то тем самым обеспечиваются требование закона о соблюдения их прав (на жизнь, личную неприкосновенность и др.), в том числе за счет использования результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Наряду с этим использование результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий обеспечивает большую эффективность применения розыскных мер дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 38 ст. 5 УПК РФ), которые одновременно могут ограничивать его права. Розыскные меры предпринимаются также в отношении подозреваемого, обвиняемого, скрывшегося от органов предварительного расследования и когда место нахождения его неизвестно (п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ).

В литературе указывается на более широкий круг объектов, подлежащих розыску, что свидетельствует о большем количестве целей розыскной деятельности следователя. В частности, А.В. Белоусов к объектам розыскной деятельности следователя в ходе расследования преступлений относит потерпевших, свидетелей, похищенное имущество, орудия преступления, документы или иные предметы с характерными признаками преступления [2, с. 341].

Неоценимое значение для обеспечения прав лиц, в отношении которых предпринимаются розыскные меры, имеет их законность и обоснованность. Как разъяснено в абзаце четвертом п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года, «судья не должен ограничиваться установлением лишь того, соблюдены ли должностными лицами формальные требования закона, а обязан удостовериться в фактической обоснованности обжалуемого решения». Одновременно в п. 2 того же постановления указывается, что в числе иных решений и действий (бездействия), способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, следует относить постановление дознавателя, следователя об объявлении подозреваемого, обвиняемого в розыск².

И здесь необходимо помнить, что «фактическими основаниями производства розыскных действий, – пишут О.В. Гладышева и В.А. Семенцов, – могут выступать не только уголовно-процессуальные доказательства, но и материалы оперативно-розыскной деятельности, иные данные, представленные следователю в установленном законом порядке» [4, с. 204].

Основным источником сведений о применении розыскных мер выступают документы, послужившие фактическим основанием их производства, либо составленные в ходе и по итогам проведения, и имеющиеся в материалах уголовного дела. Ознакомление с этими документами заинтересованных участников уголовного судопроизводства в установленном законом порядке

¹ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы»: Постановление Правительства РФ от 25 октября 2018 года № 1272 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 44. Ст. 6764.

² О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 года № 22 // Российская газета. 2022. 7 июля.

позволяет устанавливать факты нарушения закона при применении розыскных мер, которые могут осуществляться не только в ходе уголовно-процессуальной, но и оперативно-розыскной деятельности.

Чаще всего эти нарушения допускаются при объявлении в розыск подозреваемого или обвиняемого, когда негативным последствием такого решения являются препятствия в свободе передвижении разыскиваемого лица. Следовательно, незаконное или необоснованное объявление гражданина в розыск ставит под реальную угрозу его конституционные права и свободы.

Наглядным примером такого нарушения служат материалы уголовного дела, возбужденного 20 июля 2018 года в отношении Третьякова в связи с совершением им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. 25 июля Третьякову заочно предъявлено обвинение, избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, и в тот же день он объявлен в федеральный розыск. 29 июля Третьяков задержан и 31 июля ему избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В ходатайстве следователя наряду с другими обстоятельствами сообщалось, что Третьяков находился в федеральном розыске. Адвокат ходатайствовал об изменении решения суда первой инстанции, признании действий следователя незаконными и отмене постановления об объявлении Третьякова в розыск. 27 января 2020 года Московский городской суд отменил постановление Бабушкинского районного суда г. Москвы и направил материалы на новое рассмотрение¹.

Список использованной литературы:

1. Бастрыкин А.И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2021;12(4):836–846. DOI: 10.21638/spbu14.2021.402.
2. Белоусов А.В. Средства розыскной деятельности следователя при расследовании карманных краж, совершаемых на железнодорожном транспорте. *Научно-методический электронный журнал Концепт.* 2014;(26):341–345.
3. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография. Москва: Юрлитинформ; 2010.
4. Гладышева О.В., Семенцов В.А. Розыскные меры следователя. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. *Материалы Международ. науч.-практ. конф.* Тюмень: Тюменская гос. академия мировой экономики, управления и права; 2010.
5. Гушин А.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам. *Вестник Воронежского института МВД России.* 2020;(4):157–162.
6. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2017;(2–2):24–30.

References:

1. Bastrykin A.I. [Counteraction of the Investigative Committee of the Russian Federation to terrorism and extremism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of the St. Petersburg University. Right.* 2021;12(4):836–846. DOI: 10.21638/spbu14.2021.402. (In Russ.)]
2. Belousov A.V. [Means of investigative activity of the investigator in the investigation of pickpocketing committed on railway transport]. *Nauchno-metodicheskii ehlektronnyi zhurnal Kontsept = Scientific and methodological electronic journal Concept.* 2014;(26):341–345. (In Russ.)]
3. Brusnitsyn L.V. [Ensuring the safety of persons assisting criminal justice: world experience and the development of Russian legislation (procedural research)]. Moscow: Yurlitinform; 2010. (In Russ.)]
4. Gladysheva O.V., Sementsov V.A. [Improving the activities of law enforcement agencies to combat crime in modern conditions]. *Materials of the International Scientific-Practical Conference.* Tyumen: Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law; 2010. (In Russ.)]
5. Gushchin A.N. [The use of the results of operational investigative activity at the stage of initiation of a criminal case and in proving criminal cases]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020;(4):157–162. (In Russ.)]
6. Dubonosov E.S. [Operational search event "Obtaining computer information": content and problems of conducting]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki = Proceedings of the Tula State University. Economic and legal sciences.* 2017;(2–2):24–30. (In Russ.)]

¹ Мосгорсуд вернул на новое рассмотрение вопрос о законности объявления адвоката Игоря Третьякова в розыск // Адвокатская газета. 2020. 30 января.

7. Магомедов Н.М. Обеспечение прав и свобод при использовании оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании. *Закон и право*. 2022;(1):185–187. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-1-185-187.

8. Остапович И.Ю., Нечкин А.В. Реализация и защита прав человека в сети Интернет: проблемы соотношения и баланса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2022;13(2):565–580. DOI: 10.21638/spbu14.2022.217.

9. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения. *Lex russica*. 2018;(10):70–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.070-084.

10. Семенцов В.А., Рудакова С.В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(2):33–42. DOI: 10.31426/20785836-13-2-33-42.

11. Тихомирова Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;(2):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23.

12. Шхагапсоев З.Л., Хамгоков М.М. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Теория и практика. *Закон и право*. 2018;(7):94–96. DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10062.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дзабиев Урузмаг Казбекович

старший следователь следственного отдела по г. Ессентуки СУ СК России по Ставропольскому краю

7. Magomedov N.M. [Ensuring rights and freedoms when using operational-investigative information in criminal procedural evidence]. *Zakon i pravo = Law and law*. 2022;(1):185–187. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-1-185-187. (In Russ.)]

8. Ostapovich I.Yu., Nechkin A.V. [Implementation and protection of human rights on the Internet: problems of correlation and balance]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of the Saint Petersburg University. Right*. 2022;13(2):565–580. DOI: 10.21638/spbu14.2022.217. (In Russ.)]

9. Rossinskii S.B. [The problem of using the results of operational investigative activities in the criminal process requires final resolution]. *Lex russica*. 2018;(10):70–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.070-084. (In Russ.)]

10. Sementsov V.A., Rudakova S.V. [Modern problems of appeal in domestic criminal proceedings]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;(2):33–42. DOI: 10.31426/20785836-13-2-33-42. (In Russ.)]

11. Tikhomirova Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Bal'khaeva S.B. [Law and digital information]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(2):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23. (In Russ.)]

12. Shkhagapsoev Z.L., Khamgokov M.M. [The use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings. Theory and practice]. *Zakon i pravo = Law and law*. 2018;(7):94–96. DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10062. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Uruzmag K. Dzabiev

Senior Investigator, Yessentuki Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for the Stavropol Territory

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

Колесник В.В.

Ростовский филиал ФБГОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
(Ленина проспект, д. 66, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344038)

Ссылка для цитирования: Колесник В.В. К вопросу о возможных направлениях модернизации примирительных уголовно-процессуальных процедур. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):74–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-74-81>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Колесник Вероника Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: Ленина проспект, д. 66, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344038

Тел.: +7 (918) 591-20-85

E-mail: nikkipohta@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.10.2022

Статья принята к печати: 18.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Бурное развитие законодательства, связанного с урегулированием уголовно-правовых споров мирным путем, порождает необходимость создания научной основы правового строительства в данном направлении. К настоящему времени определились несколько базовых моделей примирительных уголовно-процессуальных процедур. Во-первых, это медиационная модель, которая предполагает участие официального или неофициального посредника в достижении примирения потерпевшего с обвиняемым, а также выработку условий прекращения уголовного преследования. Медиатор должен содействовать неофициальному примирению потерпевшего с обвиняемым, особенно по делам о несовершеннолетних, где ставится вопрос о замене наказания мерой принудительного воспитательного воздействия. В медиации важны антропологический, психологический фактор, примирение должно быть реальным и сопровождаться раскаянием виновника, содержать воспитательный эффект. При этом компенсаторный фактор имеет субсидиарное значение и является предметом соглашения сторон. В примирительной процедуре «транзакции», воплощением которой является статья 28.1 УПК РФ, главная цель состоит в возмещении причиненного преступлением материального вреда в полном объеме. Юридический состав материального основания «транзакции» ограничен материальной компенсацией. Поэтому сфера применения этой примирительной процедуры должна быть ограничена преступлениями против чужой собственности небольшой и средней тяжести, а также налоговыми преступлениями и некоторыми преступлениями экономической направленности.

Целью данной работы является классификация видов и выявление основных закономерностей развития примирительных процедур как оснований для определения возможных направлений их модернизации.

В задачи исследования входит выявление отличительных признаков примирительных процедур и формирование их видов, выделение классификационных критериев, установление

отсутствия необходимых компонент каждой из них, которые требуют восполнения в последующем правовом строительстве.

Основными *методами* достижения поставленных целей и решения задач наряду с диалектикой, логическими и формально-юридическими способами познания и оценки полученных данных, стали метод сравнительного правоведения и системный метод, позволившие осуществить комплексный, межатраслевой подход.

Результатами исследования стали авторские предложения относительно перспективных направлений развития примирительных уголовно-процессуальных процедур, связанных с сосредоточением полномочий по их применению у прокурора и следственного судьи.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, примирительная процедура, медиация, транзакция, прокурор, следственный судья, компенсация вреда.

TO THE QUESTION OF POSSIBLE DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF CONCILIATORY CRIMINAL PROCEDURAL PROCEDURES

Veronika V. Kolesnik

Rostov Branch of the Russian State University of Justice
(Lenin Avenue, 66, Rostov-on-Don, Russia, 344038)

Link for citation: Kolesnik V.V. To the question of possible directions of modernization of conciliatory criminal procedural procedures. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):74–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-74-81>

CONTACT INFORMATION:

Veronika V. Kolesnik, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice

Address: Lenin Avenue, 66, Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel.: +7 (918) 591-20-85

E-mail: nikkipohta@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 18.10.2022

The article has been accepted for publication: 18.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The rapid development of legislation related to the peaceful settlement of criminal law disputes creates the need to create a scientific basis for legal construction in this direction. To date, several basic models of conciliatory criminal procedure procedures have been identified. Firstly, this is a mediation model, which involves the participation of an official or unofficial mediator in achieving reconciliation between the victim and the accused, as well as the development of other conditions for the termination of criminal prosecution. The mediator should contribute to the unofficial reconciliation of the victim with the accused, especially in cases of minors, where the question is raised of replacing punishment with a measure of compulsory educational influence. Anthropological and psychological factors are important in mediation, reconciliation must be real and accompanied by repentance of the perpetrator and have an educational effect. At the same time, the compensatory factor has a subsidiary value and is the subject of agreement between the parties. In the conciliatory procedure of «transaction», which is embodied in Article 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the main goal is to compensate for the material damage caused by the crime in full. The legal composition of the material basis of a «transaction» is limited to material compensation. Therefore, the scope of this conciliation procedure should be limited to crimes against other people's property of small and medium gravity, as well as tax crimes and some crimes of an economic nature.

The purpose of this work is to classify the types and identify the main patterns of development of conciliation procedures as grounds for determining possible directions of their modernization.

The objectives of the study include identifying differences in the types of conciliation procedures, allocation of classification criteria, establishing the absence of the necessary components of each of them, which require replenishment in the subsequent legal construction.

The main methods of achieving the set goals and solving problems, along with dialectics, logical and formal legal methods of cognition and evaluation of the data obtained, were the method of comparative jurisprudence and the systematic method, which made it possible to implement a comprehensive, intersectoral approach.

The results of the study were the author's proposals regarding promising directions for the development of conciliatory criminal procedural procedures related to the concentration of powers for their application by the prosecutor and the investigating judge.

Keywords: criminal proceedings, mediation, transaction, conciliation procedure, prosecutor, investigating judge, criminal prosecution, compensation for harm.

Введение

Одной из самых актуальных и сложных проблем отечественного правоведения, уголовно-правовых наук, включая уголовную процессуалистику, является проблема модернизация средств правового реагирования на преступления. Она отчасти порождена советским прошлым российского права, но в значительной мере обострена явлениями глобализации и цифровизации.

К настоящему времени в общей теории права [11; 17; 19, с. 283–284] и в теории уголовного процесса [6; 10] сложилась довольно устойчивая система представлений относительно использования в сфере судопроизводства идей и уже готовых правовых инструментов, имеющих частноправовое происхождение. Их можно квалифицировать как учение о конвергенции частного права и уголовного, уголовно-процессуального права.

Одним из наиболее развитых направлений в составе этого учения можно считать теоретические разработки о так называемом экономическом уголовном [9, с. 317–329], уголовно-процессуальном праве [4, с. 236–245; 20]. Научные разработки по данной теме можно назвать примером нового синтетического мультидисциплинарного знания о перспективах развития правовой организации противодействия преступности в современных условиях.

Сторонники развития данной подотрасли уголовно-процессуального права утверждают о необходимости применения особых методов правового урегулирования уголовно-правовых конфликтов, возникающих в сфере экономики. Имеются в виду, прежде всего, диспозитивный, договорной методы [12], которые имеют наибольшее распространение в гражданско-правовой сфере, но также и подходов, основанных на цифровых технологиях, которые опять-таки предполагают формирование среды взаимодействия, кооперации, совместной выработки правовых решений [2; 26, с. 1195–1203].

Ключевым элементом этого нового правового механизма воздействия на преступность и восстановления деформированных преступлениями, общественных отношений, является межотраслевой, комплексный институт примирительных процедур.

Методы исследования

Диалектический метод позволил изучить уголовное судопроизводство в части включенных в него элементов примирительных процедур с позиции единства и борьбы противоположностей, который в результате привел к выявлению основных сущностных признаков указанных процедур, а также определению их генезиса и возможного вектора последующего развития.

Логические методы (индукция, дедукция) стали основными для получения знаний относительно общих и индивидуальных признаков примирительных процедур, способами научной проекции общих процедурных правил на возможную процессуальную форму некоторых примирительных процедур.

Формально-юридический метод стал основанием для изучения уголовно-процессуального законодательства в части регулирования примирительных процедур, его истолкования и уяснения смысла правовых положений и замысла законодателя.

Наиболее важными результатами применения системного метода стало выявление корреляционных связей между общими способами уголовного преследования и элементами примирительных процедур, что позволило установить как уголовно-процессуальную природу указанных процедур, так и возможность их применения в рамках начатого уголовного преследования в общей форме. Этот же метод сделал возможным определить основные направления последующего

прогрессивного развития уголовного судопроизводства в целом и такого его элемента как примирительные процедуры.

Метод сравнительного правоведения, как специальный метод исследования по сопоставлению отдельных положений уголовно-процессуального права, регулирующих примирительные процессы, позволил выявить их сходство и отличия, выделить совокупность существенных признаков позволяющие индивидуализировать отдельные примирительные процедуры, составить на их основе целостную картину возможного мирного разрешения правового конфликта.

Результаты исследования

Несмотря на то, что уголовно-процессуальные примирительные процедуры имеют во многом совпадающие модели, между ними есть различие, которое позволяет выделить две основные формы: медиационные процедуры и транзакцию. К медиационным процедурам правоприменительно следует прибегать в случаях, где важен примирительный, воспитательный аспект, не исключающий компенсаторный момент. Транзакция же должна более практиковаться для разрешения уголовно-правовых конфликтов, имеющих экономическую основу, где главное – это восстановление права частной собственности. На наш взгляд, в понятии медиационная примирительная процедура силен антропологический момент, должно быть примирение людей и раскаяние лица (несовершеннолетнего), совершившего преступление, хотя и не всегда деятельное. В случае же транзакции преследуется чисто прагматическая цель – восстановление частной собственности, все остальные последствия являются сопутствующими.

Научная дискуссия

К настоящему времени в уголовно-процессуальном праве под воздействием проникновения диспозитивного метода правового регулирования сложился довольно значительный корпус правовых норм о примирительных процедурах. Это порождает теоретико-методологическую проблему их классификации, несмотря на их общую природу и генезис. В этой связи полагаем, что понятие «примирительная процедура» допустимо трактовать широко и в более узком смысле.

В широком смысле примирительными процедурами можно считать не только процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, где предполагается формальное или фактическое примирение стороны обвинения и стороны защиты, но и любые процедуры, в рамках которых стороны и суд вырабатывают компромиссные решения, удовлетворяющие участников процесса [7; 22].

Следуя этой логике, можно заключить, что примирительные уголовно-процессуальные производства имеются там и тогда, где и когда закон ставит разрешение уголовно-правового вопроса, принятие решения по отдельному вопросу или делу, в зависимости от диспозитивного волеизъявления сторон, а не от безличной воли закона. Иными словами, можно связывать примирительные процедуры с действием принципа диспозитивности, который если не вытесняет принцип публичности, то служит ему дополнением.

При таком подходе к примирительным процедурам можно отнести в первую очередь процедуры, ведущие к бесспорному разрешению уголовно-процессуального спора, то есть нормы глав 32.1, 40, 40.1, 51.1, а также ст. ст. 427, 432 УПК РФ.

Далее, к примирительным процедурам традиционно относят процедуры прекращения уголовных дел (преследований) по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, ст. 25, ст. 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 28, ст. ст. 28.1, 427 УПК РФ.

Кроме того, к примирительным процедурам можно отнести процедуры, предметом которых составляют такие вопросы, связанные с назначением экспертизы (ст. 198 УПК РФ), определением возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие кого-либо из участников уголовного судопроизводства (ст. 272 УПК РФ), с исследованием доказательств в суде (ст. 274 УПК РФ), в суде апелляционной инстанции (части 6, 7 статьи 389.13 УПК РФ) и др.

Таким образом, под понятие «примирительные процедуры» подпадает достаточно широкий, качественно различающих производств и отдельных уголовно-процессуальных норм.

Широко понимаемые «примирительные процедуры» в содержательном плане пересекаются или даже совпадают по смыслу с иными явлениями и обозначаемыми их категориями, а именно: «согласительные процедуры», «договорные процедуры», «компромиссные процедуры» и пр. [1; 16].

Подобная путаница в терминологии, на наш взгляд, не способствует ясности в научных воззрениях на исследуемые правовые реалии и мешает правильному выстраиванию научных правовых конструкций. Поэтому, с нашей точки зрения, предпочтительнее ограничительный подход к трактовке понятия «примирительные процедуры». В основу этого понятия должно быть положено

слово «мир», то есть мирное разрешение уголовно-правового конфликта его участниками (потерпевшим и обвиняемым), при посредничестве или даже под руководством органа, ведущего уголовного дело, но также и неофициального медиатора – посредника в лице общественности¹ [15].

Предварительно к «примирительным процедурам» можно отнести нескольких процедур прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, которые предусмотрены ч. 2 ст. 20, 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ.

Несмотря на все различия у них главное общее, во-первых, примирение в широком смысле и, во-вторых, альтернативный обычному, то есть обычному способу применения уголовно-правовой нормы, исход дела [5; 8; 18].

Далее, если следовать новейшим разработкам по затронутой нами тематике, вытекает необходимость классифицирования этих примирительных процедур на «медиационные» и «транзакционные» [14, с. 6–9; 24]. К медиационным примирительным процедурам в тесном смысле этого слова надо отнести процедуры, обладающими нижеследующими качествами.

1. В своей основе они имеют примирение потерпевшего с обвиняемым. Таким образом, частное, диспозитивное уголовно-процессуальное отношение частных лиц составляет правовое ядро этой процедуры.

2. Со стороны обвинения субъектом примирения выступает частное лицо: потерпевший или частный обвинитель. Но не государство и не государственный правоохранительный орган.

3. Примирение потерпевшего и обвиняемого не порождает обязанности у органа, в чьем производстве находится уголовное дело прекратить производство. Уголовно-процессуальное решение о прекращении уголовно-правового конфликта на основе примирения потерпевшего с обвиняемым принимается правоприменителем по своему дискреционному усмотрению. Правоприменитель на находится в зависимости от воли примирившихся частных сторон.

4. Набор условий прекращения дела в рамках примирительной медиационной процедуры определяется законом, а не сторонами.

5. Полное возмещение вреда и вообще возмещение вреда потерпевшему не является главным, а тем более решающим условием прекращения уголовного дела.

6. В рамках примирительной процедуры предполагается участие независимого прежде всего от государства медиатора – представителя гражданского общества.

7. Настоящая примирительная процедура с участием медиатора предполагает не формальное, а реальное примирение потерпевшего и обвиняемого, от которого требуется проявление деятельного раскаяния и искреннего желания возместить причиненный моральный вред потерпевшему.

На наш взгляд, примирительные процедуры наиболее перспективны по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Несмотря, на спад интереса к теме ювенальной юстиции, мы считаем, что именно в контексте ювенальной юстиции следует развивать медиационные – примирительные процедуры прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в связи с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия [3]. При этом важной составляющей этой процедуры является именно воспитание несовершеннолетнего деликвента, профилактика новых правонарушений. Без создания специализированных медиаторов, органов пробации, вовлечения волонтеров в лице представителей гражданского общества, церкви, такие процедуры не могут быть вполне эффективными.

От медиационных примирительных процедур надо отличать процедуры компенсаторно-штрафные, к которым, в первую очередь, надо отнести «транзакцию». К понятию «транзакция» «La transaction pénale», имеющей французское происхождение, примыкает германское понятие «диверсия» (Diversion) [21; 25, с. 38–39], итальянская («l'oblazione») [14]. Суть процедуры, которая обозначается указанными понятиями, заключается в выплате обвиняемым определенной суммы денег в возмещение ущерба, причиненного преступными действиями.

В отличие от медиационной процедуры примирение как таковое здесь не имеет принципиального значения, тем более речи не идет о деятельном раскаянии и прочих морально-воспитательных моментах. Здесь главное заключается в полной компенсации причиненного материального вреда. При этом, на наш взгляд, вопрос о возмещении морального или физического вреда не должен решаться в рамках классической «транзакции», поскольку она распространяется только не на насильственные преступления. Отличие транзакции от медиации состоит также и в том,

¹ См.: Шестакова Л.А. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета; 2021.

что выплата может быть сделана не только потерпевшему, но и государству. Субъектом выплаты может быть не только обвиняемый, но и любое иное лицо, согласившееся это сделать в его интересах [23].

Наиболее полная отечественная модель «транзакции» воплощена в статье 28.1 УПК РФ. По мнению большинства комментаторов, законодатель оправданно ввел этот механизм именно для той категории преступлений, приведенные в частях 1 и 2 указанной статьи. Так, А.В. Смирнов пишет о якобы «экскузивной» (от лат. *excuso* – извинять, освобождать) природе «экономических», но также и «налоговых» преступлений, которые в отличие от общеуголовных преступлений представляют меньшую общественную опасность [19, с. 283–284].

Между тем, мы разделяем подход, основанный на конституционном принципе равенства всех перед законом и судом. Мы признаем обоснованными доводы тех ученых, которые предлагают распространить транзакцию на ненасильственные преступления против собственности: кражи, мошенничество и пр. Мы предлагаем расширить применение модели «транзакции», распространив ее на общеуголовные преступления против чужой собственности.

В этой связи предлагается ввести в кодекс статью 28.2 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением вреда в полном объеме» следующего содержания: «1. Суд или прокурор прекращает уголовное преследование обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 158 ч. 1, 158.1, 159 ч. 1, 159.1 ч. 1, 159.2 ч. 1, 159.3 ч. 1, 159.5 ч. 1, 156.6 ч. 1, 160 ч. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае, если ущерб, причиненный в результате преступления, возмещен. 2. Прокурор в досудебном производстве или суд обязаны прекратить уголовное преследование обвиняемого при установлении факта возмещения ущерба в полном объеме».

Итак, примирительные процедуры, на наш взгляд, следует делить на медиационные и транзакционные. Кроме того, имея в виду процедуру, предусмотренную статьей 25.1, главой 51.1 УПК РФ, мы можем выделить еще и примирительно-штрафную модель разрешения уголовно-правового спора. Отличительной ее чертой является судебный порядок замены наказания штрафом и наиболее широкий круг преступлений (по сравнению с предметом других примирительных процедур), на которые она распространяется.

Соглашение – более широкое понятие, чем примирение. Хотя в рамках примирения стороны могут достигать соглашения, заключать договоры. Однако, наличие только договорных отношений без подключения примирения недостаточно, чтобы трактовать примирительную процедуру как медиационную. В то время как в транзакционной модели соглашение и договор являются основообразующими: заключение договора с обвиняемым о возмещении ущерба в полном объеме и последующее выполнение обвиняемым взятой на себя обязанности порождает обязанность обвинителя отказаться от уголовного преследования, а суд – прекратить уголовное дело.

Целесообразно поддержать мнение о том, что дальнейшее совершенствование примирительных процедур должно привести к созданию прокурорской и судебной моделей их реализации [23, с. 109].

Как следует из самих названий, в прокурорской модели – решение о прекращении досудебного уголовного преследования принимает прокурор. При этом, если освобождение от уголовной ответственности помимо возмещения вреда (транзакция) или примирения (медиация) предполагает еще и выплату штрафа, то прокурор выносит соответствующий приказ. В судебном формате транзакция или медиация может реализовываться следственным судьей – в ходе досудебного производства или судом, в производстве которого находится уголовное дело.

Список использованной литературы:

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Москва: Юрлитинформ; 2012.
2. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации. *Вестник Томского государственного университета*. 2019;(448):199–207. DOI: 10.17223/15617793/448/25.
3. Александров А.С., Бопхоев Х.В., Кухта А.А. Применение мер принуждения в отношении

References:

1. Abshilava G.V. [*Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation*]. Moscow: Yurлитinform; 2012. (In Russ.)]
2. Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zaitsev O.A. [On the prospects for the development of Russian criminal justice in the context of digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2019;(448):199–207. DOI: 10.17223/15617793/448/25. (In Russ.)]
3. Aleksandrov A.S., Bopkhoev Kh.V., Kukhta A.A. [*The use of coercive measures against minors suspected*

несовершеннолетних лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия; 2008.

4. Александров А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве». *Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся*. Москва: ИД «Юриспруденция»; 2021.

5. Андреева О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: монография. Томск: Издательство ТГУ; 2000.

6. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. Москва: Юридический центр Пресс; 2002.

7. Головки Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации. *Закон*. 2009;(4):127–135.

8. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: монография. Волгоград: Издательство ВолГУ; 2005.

9. Жалинский А.Э. Избранные труды: В 4-х томах. Том 2. Уголовное право. (Монография). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015.

10. Жестовская Д.А., Тузов А.Г. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего. *Уголовная юстиция*. 2018;(11):46–51. DOI: 10.17223/23088451/11/9.

11. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. (Монография). Москва: Норма: ИНФРА-М; 2011.

12. Коршунов Н.М. Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции. *Журнал российского права*. 2010;(5):66–72.

13. Левченко О.В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности. *Международное уголовное право и уголовная юстиция*. 2021;(6):6–9. DOI: 10.18572/2071-1190-2021-6-6-9.

14. Левченко О.В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография. Москва: Юрлитинформ; 2022.

15. Марковичева Е.В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства. *Российский судья*. 2010;(3):26–28.

16. Муратова Н.Г. О проблемах уголовно-процессуальных договоров. *Правосудие в Татарстане*. 2011;(4(48)):36–38.

17. Свиридов М.К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства. *Вестник Томского государственного университета*. 2012;(358):52–56.

18. Сидоренко Э.Л., Карабут М.А. Частные начала в уголовном праве: монография. СПб.: Юридический

or accused of committing crimes]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy; 2008. (In Russ.)]

4. Aleksandrov A.S., Zaitsev O.A. [Prospects for the development of contractual mechanisms in “economic criminal proceedings”]. *Ustoichivyi ehkonomicheskii rost I 80 arvo: sbornik materialov k XVI Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S.N. Bratusya = Sustainable economic growth and law: a collection of materials for the XVI Annual Scientific Readings in memory of Professor S.N. Bratus*. Moscow: Publishing house “Jurisprudence”; 2021. (In Russ.)]

5. Andreeva O.I. [Limits of the manifestation of dispositivity in criminal proceedings]. Tomsk: TSU Publishing House; 2000. (In Russ.)]

6. Golovko L.V. [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. Moscow: Law Center Press; 2002. (In Russ.)]

7. Golovko L.V. [Institute of Criminal Law Mediation and its prospects in the Russian Federation]. *Zakon = Law*. 2009;(4):127–135. (In Russ.)]

8. Dikarev I.S. [Dispositivity in the criminal process of Russia]. Volgograd: Volga Publishing House; 2005. (In Russ.)]

9. Zhalinskii A.Eh. [Selected works: In 4 volumes. Volume 2. Criminal Law]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2015. (In Russ.)]

10. Zhestovskaya D.A., Tuzov A.G. [From protecting the public interest to protecting the victim's interest]. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal justice*. 2018;(11):46–51. DOI: 10.17223/23088451/11/9. (In Russ.)]

11. Korshunov N.M. [Convergence of private and public law: problems of theory and practice]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2011. (In Russ.)]

12. Korshunov N.M. [Private and public law: problems of formation of the foundations of the modern theory of convergence]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;(5):66–72. (In Russ.)]

13. Levchenko O.V. [A conciliatory and compensatory method of resolving criminal cases of crimes committed in the sphere of economic activity]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i ugovlnaya yustitsiya = International criminal law and criminal justice*. 2021;(6):6–9. DOI: 10.18572/2071-1190-2021-6-6-9. (In Russ.)]

14. Levchenko O.V. [Participation of the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case (experience of comparative legal research)]. Moscow: YurLitinform; 2022. (In Russ.)]

15. Markovicheva E.V. [The role of the mediation institute in speeding up criminal proceedings]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2010;(3):26–28. (In Russ.)]

16. Muratova N.G. [On the problems of criminal procedure contracts]. *Pravosudie v Tatarstane = Justice in Tatarstan*. 2011;(4(48)):36–38. (In Russ.)]

17. Sviridov M.K. [Trends in the development of Russian criminal procedure legislation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2012;(358):52–56. (In Russ.)]

18. Sidorenko Eh.L., Karabut M.A. [Private beginnings in criminal law]. St. Petersburg: Law Center-

центр-Пресс; 2007.

19. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. В: Колоколов Н.А., редактор. *Аппарат власти следственной*. (Монография). Москва: Юрлитинформ; 2016.

20. Сычев П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: монография. Москва: Юрлитинформ; 2020.

21. Терехов Е.В. Полномочия прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике. *Законность*. 2011;(3):65–69.

22. Чурилов Ю.Ю. Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон. *Уголовное судопроизводство*. 2009;(2):9–10.

23. Шерстнев В.Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2020;(1(51)):103–110.

24. Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный механизм досудебного урегулирования простых уголовно-правовых споров: современное состояние и направление совершенствования. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019;(3(47)):207–210. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-3-207-210.

25. Шмоллер К. Реформа уголовного судопроизводства Австрии (предварительные выводы). Статья 2. Новое в дознании. *Уголовное судопроизводство*. 2017;(1):37–42.

26. Aleksandrov A.S., Zaytsev O.A., Muraev P.P., Ruchkin V.A. The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021;(155):1195–1203. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесник Вероника Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

ORCID: 0000-0002-9918-5687

Author ID: 758355

Press; 2007. (In Russ.)]

19. Smirnov A.V. [Russian criminal procedure: a new model is needed]. In: Kolokolov N.A., editor. [*The apparatus of the investigative power*]. Moscow: Yurlitinform; 2016. (In Russ.)]

20. Sychev P.G. [*Criminal proceedings on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity*]. Moscow: Yurlitinform; 2020. (In Russ.)]

21. Terekhov E.V. [The powers of the prosecutor to resolve a criminal case in the Republic of Austria]. *Zakonnost' = Legality*. 2011;(3):65–69. (In Russ.)]

22. Churilov Yu.Yu. [The use of conciliation procedures in criminal proceedings contrary to the interests of the parties]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2009;(2):9–10. (In Russ.)]

23. Sherstnev V.B. [Optimization of the procedure for termination of a criminal case (prosecution) in connection with compensation for damages in full]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. 2020;(1(51)):103–110. (In Russ.)]

24. Sherstnev V.B. [The criminal procedure mechanism of pre-trial settlement of simple criminal law disputes: the current state and direction of improvement]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3(47)):207–210. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-3-207-210. (In Russ.)]

25. Shmoller K. [Reform of the Austrian criminal justice system (preliminary conclusions). Article 2. New in the inquiry]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2017;(1):37–42. (In Russ.)]

26. Aleksandrov A.S., Zaytsev O.A., Muraev P.P., Ruchkin V.A. The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021;(155):1195–1203. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veronika V. Kolesnik

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice

ORCID: 0000-0002-9918-5687

Author ID: 758355

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-82-88>

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Левченко О.В.

Прокуратура Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы
(Маршала Савицкого ул., д. 16, Москва, Россия, 117148)

Ссылка для цитирования: Левченко О.В. Оптимизация уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):82–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-82-88>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Левченко Олег Викторович, кандидат юридических наук, прокурор прокуратуры Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы

Адрес: Маршала Савицкого ул., д. 16, Москва, Россия, 117148

Тел.: +7 (499) 234-09-70

E-mail: 2923757@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 10.11.2022

Статья принята к печати: 10.12.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Противоречивое развитие законодательства, регулирующего правовое положение прокурора в досудебном производстве, привело к кризису научной доктрины. Действующая модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве не соответствует современной эпохе. Централизация власти государства должна найти отражение и в централизации процессуальной власти в досудебном производстве. Прокурору нужно опять стать, как во времена российской империи и как во многих развитых уголовно-процессуальных системах мира, главой обвинительной власти государства. От имени государства он призван выступать в ходе досудебного производства субъектом обвинения и доказывания. Прокурор должен быть процессуальным руководителем и организатором досудебного производства и отвечать за результаты предварительного расследования. Только единовластие в системе органов публичного уголовного преследования может гарантировать надлежащее качество предварительного расследования, эффективность уголовного преследования.

Целью статьи является преодоление имеющихся противоречий в доктрине уголовно-процессуального права на основе русской правовой традиции с опорой на постулаты современного правоведения об устройстве государственной власти и правовой организации противодействия преступности. **Задачами**, решаемыми в ходе исследования, были, во-первых, предложение авторской концепции руководящей процессуальной роли прокурора в досудебном производстве; во-вторых, разработка проектов конкретных нормативно-правовых предписаний, в которых воплощена данная концепция.

Результатами исследования стали авторские положения, направленные на разработку концепции процессуального прокурора, которая должна обеспечивать преемственность процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве и в суде. Трехзвенная модель досудебного производства «полиция-прокурор-суд» может быть взята за основу модернизации досудебного производства и участия в нем прокурора.

Ключевые слова: прокурор, досудебное производство, обвинение, доказывание, уголовное судопроизводство.

OPTIMIZATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE MODEL OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

Oleg V. Levchenko

Prosecutor's Office of Troitsky and Novomoskovsky administrative districts of Moscow
(Marshal Savitsky str., 16, Moscow, Russia, 117148)

Link for citation: Levchenko O.V. Optimization of the criminal procedural model of the prosecutor's activity in pre-trial proceedings in a criminal case. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):82–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-82-88>

CONTACT INFORMATION:

Oleg V. Levchenko, Cand. of Sci. (Law), prosecutor of the Prosecutor's Office of the Troitsky and Novomoskovsky administrative districts of Moscow

Address: Marshal Savitsky str., 16, Moscow, Russia, 117148

Tel.: +7 (499) 234-09-70

E-mail: 2923757@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 10.11.2022

The article has been accepted for publication: 10.12.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The contradictory development of legislation regulating the legal position of the prosecutor in pre-trial proceedings has led to a crisis of scientific doctrine. The current model of criminal procedural activity of the prosecutor in pre-trial proceedings does not correspond to the modern era. The centralization of State power should also be reflected in the centralization of procedural power in pre-trial proceedings. The prosecutor needs to become again, as in the times of the Russian Empire and as in many developed criminal procedural systems of the world, the head of the prosecutorial power of the state. On behalf of the State, he is called upon to act as a subject of prosecution and evidence during pre-trial proceedings. The prosecutor must be the procedural head and organizer of the pre-trial proceedings and be responsible for the results of the preliminary investigation. Only autocracy in the system of public criminal prosecution bodies can guarantee the proper quality of the preliminary investigation and the effectiveness of criminal prosecution.

The purpose of the article is to overcome the existing contradictions in the doctrine of criminal procedure law on the basis of the Russian legal tradition based on the postulates of modern jurisprudence on the structure of state power and the legal organization of crime prevention.

The tasks solved in the course of the study were, firstly, the proposal of the author's concept of the leading procedural role of the prosecutor in pre-trial proceedings; secondly, the development of drafts of specific regulatory legal prescriptions that embody this concept.

Along with the main methods, methods of theoretical modeling, historical method and comparative jurisprudence have been used.

The results of the study were the author's provisions aimed at developing the concept of a procedural prosecutor, which should ensure the continuity of the prosecutor's procedural activities in pre-trial proceedings and in court. The three-tier model of pre-trial proceedings "police-prosecutor-court" can be taken as a basis for the modernization of pre-trial proceedings and the participation of the prosecutor in it.

Keywords: prosecutor, pre-trial proceedings, prosecution, proof, criminal proceedings.

Введение

В настоящее время в России существует уникальная уголовно-процессуальная модель деятельности прокурора в досудебном производстве. Она сложилась в результате реформы досудебного производства и прокурорского надзора 2007 года¹ и последующих изменений законодательства.

В результате на настоящий момент прокурор в досудебном производстве, во-первых, не является субъектом доказывания, не вправе проводить и участвовать в проведении следственных действий, имеет весьма ограниченные возможности по формированию доказательств по делу; во-вторых, прокурор не является и субъектом обвинения в том смысле, что не участвует в формулировании и предъявлении обвинения, а его участие в выдвижении обвинения перед судом носит отложенный характер: в рамках процедуры, регулируемой главой 31 УПК РФ.

Подобного положения прокурора в досудебном производстве не было ни в период действия Устава уголовного судопроизводства, ни в советское время.

Научное сообщество разделилось на тех, кто критически оценивает позитивно-правовую модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве и предлагает в той или иной мере изменить ее [1; 4; 9] и тех, кто выступает сторонниками концепции о господстве следственной власти в досудебном производстве [2; 3; 6; 8; 10; 15].

Методы исследования

Наряду с диалектическим методом нашли применение методы анализа и синтеза, теоретического моделирования, историко-правового сравнительного метода, метод юридико-технического анализа.

Диалектический метод позволил рассмотреть полномочия прокурора в контексте оптимизации его участия в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Методы анализа и синтеза использовались при исследовании сущности деятельности прокурора в досудебном производстве. Метод теоретического моделирования позволил сформировать целостную авторскую модель процессуального поведения прокурора по обеспечению оптимизации его участия в досудебном производстве. Историко-правовой сравнительный метод проявляется в соответствующих подходах, требующих от исследователя гармоничного сочетания знаний исторической направленности со знаниями теории права. Метод юридико-технического анализа применялся при формулировании и внесении предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства.

Результаты исследования

Основываясь на том, что «особая роль в борьбе с преступностью принадлежит прокурору как должностному лицу, на которое государством возложена координация деятельности всех правоохранительных органов, ответственность за законность и обоснованность уголовного преследования лиц, совершивших преступление» [13, с. 613], суть наших предложений по оптимизации уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу состоит в следующем.

Мы исходим из необходимости сохранения следственной формы досудебного производства и его сложившейся на настоящий момент структуры. Однако, в таком досудебном производстве прокурор должен выступать субъектом обвинения и доказывания, осуществлять процессуальное руководство всеми органами публичного уголовного преследования, включая органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

В этой связи предлагается изложить в новой редакции ряд положений статьи 37 УПК РФ:

«1. Прокурор уполномочен осуществлять от имени государства публичное уголовное преследование в ходе всего уголовного судопроизводства, а также процессуальное руководство деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

2. Процессуальный прокурор обязан организовать взаимодействие органов предварительного следствия и органа дознания, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, координировать их действия по раскрытию преступления, выявлению лица, совершившего преступление, и несет ответственность за результаты досудебного производства и установление объективной истины.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 года № 87-ФЗ (ред. от 21.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

3. В ходе судебного производства прокурор поддерживает государственное обвинение по уголовному делу, по которому осуществлял процессуальное руководство досудебным производством, обеспечивая его законность и обоснованность.

4. Прокурор вправе поручить поддержание государственного обвинения в суде представителю органа предварительного следствия или органа дознания при рассмотрении дела в особом порядке».

Научная дискуссия

Проведенный сравнительно-правовой анализ [10; 11; 12] позволяет нам констатировать, что практически во всех государствах с родственной российской уголовно-процессуальной системой прокурор является главой органов предварительного расследования в досудебном производстве. Досудебное уголовное расследование проводится уголовной (судебной) полицией под руководством прокурора. Ни о каком противостоянии или конкуренции между прокурором и следственной властью не может быть и речи. Бывший глава предварительного следствия в лице следственного судьи, как и сам институт предварительного следствия, уходят в прошлое даже во Франции, Испании и других государствах с романской правовой системой. Россия является единственной в мире страной, где в настоящее время прокурор надзирает, но не властвует над органом предварительного следствия.

Мы исходим из того, что досудебное производство и деятельность прокуратуры в этой части уголовного судопроизводства должны пониматься в свете российской исторической правовой традиции стремления к истине и справедливости, суверенного правового государства.

В этой связи уместно вспомнить слова генерал-прокурора российской империи Н.В. Муравьева: «Обязанность надзора вовсе не представляет необходимой принадлежности прокуратуры в теории, последнее слово которой даже и заключается в освобождении ее от этой функции и в сосредоточении всех сил ее на одном публичном преследовании» [14. с. 16]. Его концепция обвинительной власти во главе с прокуратурой в современный период времени приобретает особую актуальность.

В опоре на русскую классическую правовую традицию видится возможность преодоления идеологического раскола и отраслевого изоляционизма, модернизации уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу.

Уникальность российского типа уголовного процесса, в нашем представлении, заключается в исторически сложившемся разделении различных властей в досудебном производстве и дифференции правовых режимов деятельности его ведущих участников: проверка сообщения о преступлении, оперативно-розыскная деятельность, следственная уголовно-процессуальная деятельность, судебный контроль, прокурорский надзор. Происходит усложнение следственной процедуры выдвижения и доказывания обвинения, системы сдержек и противовесов внутри нее. Однако усложнение внутренней организации досудебного производства является вторичным по отношению к первичному отделению обвинения от суда, присущего следственно-обвинительному процессу. Своеобразие современного прокурорского надзора в досудебном производстве состоит в сочетании обвинительной, правозащитной и надзорной составляющих.

В искусственно усложненную смешанную модель управления уголовно-процессуальной системой досудебного производства заложена угроза нарастания правовой неопределенности и беспорядка. Для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве ее следовало бы сконцентрировать на обвинительной – прокурорской составляющей. Надо вернуться к базовой трехзвенной уголовно-процессуальной системе: *следователь–прокурор–суд*.

Пора отказаться от мифа о самодостаточности следственной власти при реализации уголовно-правового воздействия. Порочность концепции разделения следственной и прокурорской властей и их функций мы усматриваем в превратно истолкованной либеральной идеологии с ее тезисом о разделении властей правового государства. В то время как прокурор и следователь – это субъекты обвинения, уголовного преследования, по отношению к которым сдерживающим началом выступает судебная власть. Не разделение, а единство следственно-прокурорской власти должно быть положено в основу досудебного производства. Процессуальная самостоятельность следователя значима по отношению к любым органам власти, в том числе и исполнительной, коммерческим и некоммерческим организациям, частным лицам, но не по отношению к прокурору.

Отстаиваемая нами концепция национальной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности во главе с прокуратурой [10] созвучна концепции «государство и его процесс» [7], а именно: (1) правовое государства и его процесс, а значит имеет место разделение

властей – судебной и следственно-обвинительной властей в выполнении функций обвинять и наказывать; (2) акцент в тезисе о централизации власти смещен со следственно-судебной на прокурорско-следственную власть.

Современный уголовно-процессуальный строй – это атрибут централизованного государства, президентской республики, то есть доминирования в уголовно-процессуальной сфере исполнительной (следственно-обвинительной) власти в вопросах обвинения и доказывания.

Власть прокурора на противодействие преступности, которую он реализует в досудебном производстве, производна от верховной власти Президента. Централизации государственной власти в правовой организации досудебного производства в институте прокуратуры и ее уголовно-процессуальной деятельности.

Оптимизация модели уголовно-процессуальной деятельности прокурора видится через усиление власти прокурорской внутри следственной формы досудебного производства. Баланс между следственной, обвинительной и судебной властями должен быть найден при соблюдении следующих аксиолого-догматических положений:

- 1) разделение следственно-обвинительной и судебной властей;
- 2) следственный порядок досудебного производства, включающий следственную модель выдвижения обвинения и доказывания;
- 3) процессуальное руководство прокурором досудебным производством.

Мы выступаем сторонниками концепции «следственно-обвинительной власти» [16, с. 54–59], как органичной для российской уголовно-процессуальной традиции и культуры следственной организации полноты власти прокурора обвинять и доказывать в ходе досудебного производства и в суде. Вертикаль следственно-обвинительной власти выступает стержнем досудебного производства и уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. «Главой досудебного производства», руководителем уголовного преследования, организатором подготовки обвинения и получения обвинительных доказательств, наряду с другими доказательствами, должен быть один представитель государств – прокурор.

Также следует развивать концепцию «процессуального прокурора», которая реализована в позитивном уголовно-процессуальном праве многих государств, в том числе Казахстана¹. В соответствии с этой концепцией только прокурор, осуществлявший надзор за досудебным производством по уголовному делу и выдвинувший обвинение против обвиняемого перед судом, уполномочен поддерживать по этому уголовному делу государственное обвинение. Исключения из этого правила могут представлять случаи, когда прокурор по уважительной причине не может выступить в качестве гособвинителя на суде. Принцип «одно дело – один процессуальный прокурор» должен проводиться всегда, кроме тех случаев, когда преступление имеет очевидный характер и производство по делу проводится в упрощенном порядке, что позволяет прокурору делегировать функцию поддержания гособвинения органу предварительного расследования при рассмотрении дела в особом порядке.

В этой связи предлагаем дополнить статью 5 УПК РФ пунктом следующего содержания: «Процессуальный прокурор» – это прокурор, на которого руководителем прокуратуры возложена обязанность исполнения по данному уголовному делу законов и который уполномочен осуществлять процессуальное руководство органами публичного уголовного преследования, надзор за исполнением ими законов и своих указаний, а затем поддерживает государственное обвинение».

Предлагаемый нами проект усиления меры прокурорского участия в досудебном производстве состоит в следующем:

- 1) превращение прокурора в полноценного субъекта уголовно-процессуальной деятельности в обеих ее главных составляющих, что подразумевает закрепление в кодексе правового предписания о направлении прокурору копии;
- 2) введение санкционирования постановления о привлечении в качестве обвиняемого в отношении отдельных категорий лиц (спецсубъектов, перечисленных в статье 447 УПК РФ, субъектов предпринимательской деятельности). Под санкционирование прокурора предлагается поставить механизм окончания уголовных дел в досудебном производстве по нереабилитирующим основаниям в связи с отказом прокурора от обвинения.

¹ Инструкция по организации надзора за законностью уголовного преследования: утв. приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 30 декабря 2020 года № 165 [текст: электронный]. Доступно: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37654658#pos=4;-108.

Особо отметим то, что в российском типе уголовного процесса досудебное производство выступает инстанцией установления объективной истины. Объективизировать процедурное значение по стандарту объективной истины в рамках досудебного производства может только один субъект – тот, который уполномочен принимать решение о переводе дела в судебную стадию.

Современная технология доказывания в следственном досудебном производстве, основана на том, что государство как единой субъект доказывания (орган предварительного расследования + надзирающий прокурор) проводит «всестороннее, объективное и полное расследование» и устанавливает «объективную истину» с допущением конкуренции, оппонирования и диалога с вовлеченными в уголовное дело лиц) и применяет уголовный закон к правонарушителю.

Именно прокурор является основным гарантом всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования. Обусловлено это тем, что «для правовых средств прокурорского надзора характерна высокая степень нормативной регламентации и более комплексное содержание основных элементов» [5, с. 5–14)].

Будучи субъектом оценки доказательств, прокурор удостоверяет готовность результатов досудебного производства выступить средством доказывания фактов, когда последние оспариваются стороной и (или) сомнительны для судьи. На прокуратуре лежит особая нравственно-правовая ответственность за всестороннее, полное и объективное досудебное производство и установление «объективной истины»¹ как гарантии оснований применения законов в этой стадии. Это и есть «следственная парадигма» во всей полноте ее позитивно-правового и нравственного содержания.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С., Кухта А.А. Власть обвинительная и власть следственная: квадратура круга. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2009;(4(285)):22–28.
2. Багмет А.М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании. *Российская юстиция*. 2013;(12):57–60.
3. Боруленков Ю.П. Место прокуратуры в системе органов уголовного преследования. *Уголовное судопроизводство*. 2013;(2):20–23.
4. Быков В.М. Правовое положение прокурора на предварительном следствии. *Следователь*. 2008;(6):31–36.
5. Воронин О.В. О современном понимании понятий «правовые средства прокурорского надзора» и «формы реализации правовых средств прокурорского надзора». *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2021;(39):5–14. DOI: 10.17223/22253513/39/1.
6. Гаврилов Б.Я., Божьев В.П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017;(2(38)):74–81.
7. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: Городец; 2022.
8. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Калинин В.Н. Процессуальная регламентация предварительного

References:

1. Aleksandrov A.S., Kukhta A.A. [Accusatory power and investigative power: squaring the circle]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 2009;(4(285)):22–28. (In Russ.)]
2. Bagmet A.M. [On the elimination of dual power in criminal prosecution]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2013;(12):57–60. (In Russ.)]
3. Borulenkoy Yu.P. [The place of the Prosecutor's office in the system of criminal prosecution bodies]. *Ugolovnoye sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2013;(2):20–23. (In Russ.)]
4. Bykov V.M. [The legal status of the prosecutor at the preliminary investigation]. *Sledovatel' = Investigator*. 2008;(6):31–36. (In Russ.)]
5. Voronin O.V. [On the modern understanding of the concepts of "legal means of prosecutorial supervision" and "forms of implementation of legal means of prosecutorial supervision"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*. 2021;(39):5–14. DOI: 10.17223/22253513/39/1. (In Russ.)]
6. Gavrilov B.Ya., Bozh'ev V.P. [The concept of improving pre-trial proceedings in the XXI century: the opinion of science and practice]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(2(38)):74–81. (In Russ.)]
7. Golovko L.V. [The State and its criminal proceedings]. Moscow: Gorodets; 2022. (In Russ.)]
8. Grigor'ev V.N., Pobedkin A.V., Kalinin V.N. [Procedural regulation of the preliminary investigation as

¹ Объективность этой истины не в содержании знания, а в технологии ее верификации – «следственным путем». Объективная истина – это знание, на получение которого уполномочены компетентные государственные органы: следственно-прокурорской и судебной властей.

расследования в результате реформы 2007 г. *Государство и право*. 2008;(6):48–58.

9. Капинус О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве. *Прокурор*. 2013;(2):50–58.

10. Колоколов Н.А. Великое противостояние: следователь vs прокурор. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2014;(5(16)):9–29.

11. Левченко О.В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности: монография. Москва: Юрлитинформ; 2021.

12. Левченко О.В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография. Москва: Юрлитинформ; 2022.

13. Манова Н.С., Чурикова А.Ю., Смолькова И.В. Может ли быть борьба с преступностью парадигмой правовой модели деятельности прокурора? *Всероссийский криминологический журнал*. 2021;15(5):613–623. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).613-623.

14. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Прокуратура на Западе и в России. Том 1. (Монография). Москва: Университетская тип.; 1889.

15. Цветков Ю.А. Российский следователь: от инквизитора к сверхчеловеку. Этюды по философии уголовного процесса. *Уголовное судопроизводство*. 2019;(1):16–23.

16. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. (Монография). Москва: Инфра-М; 2013.

a result of the 2007 reform]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2008;(6):48–58. (In Russ.)]

9. Kapinus O.S. [To the question of the procedural position of the prosecutor in criminal proceedings]. *Prokuror = Prosecutor*. 2013;(2):50–58. (In Russ.)]

10. Kolokolov N.A. [The great confrontation: investigator vs prosecutor]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Criminologist's library. Scientific journal*. 2014;(5(16)):9–29. 2014;(5(16)):9–29. (In Russ.)]

11. Levchenko O.V. [The prosecutorial power of the State in its legal organization and criminal procedural activities]. Moscow: Yurлитinform; 2021. (In Russ.)]

12. Levchenko O.V. [Participation of the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case (experience of comparative legal research)]. Moscow: Yurлитinform; 2022. (In Russ.)]

13. Manova N.S., Churikova A.Yu., Smol'kova I.V. [Can the fight against crime be a paradigm of the legal model of the prosecutor's activity?] *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All - Russian Journal of Criminology*. 2021;15(5):613–623. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).613-623. (In Russ.)]

14. Murav'ev N.V. [Prosecutor's supervision in its structure and activity: a manual for the prosecutor's service. *The Prosecutor's office in the West and in Russia. Volume 1*]. Moscow: Universitetskaya tip.; 1889. (In Russ.)]

15. Tsvetkov Yu.A. [Russian investigator: from Inquisitor to superman. Studies on the philosophy of criminal procedure]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2019;(1):16–23. (In Russ.)]

16. Sheifer S.A. [Pretrial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power]. Moscow: Infra-M; 2013. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левченко Олег Викторович

кандидат юридических наук, прокурор прокуратуры Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы
ORCID: 0000-0002-2166-7053

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Levchenko

Cand. of Sci. (Law), prosecutor of the Prosecutor's Office of the Troitsky and Novomoskovsky administrative districts of Moscow
ORCID: 0000-0002-2166-7053

ПОТЕСТАРНЫЕ МЕРЫ (ФОРМЫ) ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ФЕНОМЕНА

Петровский А.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Петровский А.В. Потестарные меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних: криминологическое познание феномена. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):89–96. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-89-96>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Петровский Антон Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 409-65-80

E-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.11.2022

Статья принята к печати: 03.12.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Использование в профилактике правонарушений юридических и иных социальных норм либо практик является дискуссионным вопросом. Актуальность темы обусловлена неоднозначной позицией теоретиков и практиков о допустимости применения потестарных форм (мер) воспитательно-профилактического характера, в отношении несовершеннолетних родителями и / или законными представителями. Таким образом, *цель* статьи заключается в научном анализе возможности включения принудительных потестарных методов превенции правонарушений, существующих в семье, общине, этнической группе, трудовом (профессиональном) коллективе в инструментарий предупреждения антиобщественного и/или преступного поведения.

Достижение цели, предполагает решение следующих *задач*: обоснование эффективности сочетания мер государственного принуждения и потестарного понуждения (родительского, этнического, конфессионального) для устранения и нейтрализации криминогенных детерминантов; аргументирование необходимости применения в антикриминальной превенции потестарного понуждения – неформального социального института навязывания культурных установок, ценностных значений, оценочных стандартов, правил поведения через призму коллективного мнения и старшинства.

Цели и задачи исследования способствовали выбору *методологии*, представленной системным подходом, рассматривающим феномен потестарных мер во взаимосвязи с профилактическим законодательством, а использование контент-анализа позволило систематизировать информацию о потестарных мерах (формах) воспитательно-профилактического воздействия на основе последовательного анализа публикаций по изучаемой тематике.

В *результате* были сформулированы предложения по модернизации законодательства, расширяющие перечень форм (мер) принудительно-воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, а также обосновывающие включение в Уголовный кодекс РФ нормы «Обстоятельства допустимости поведения не представляющего общественную опасность».

Ключевые слова: профилактика правонарушений, превентивные практики, криминологическое законодательство, потестарное понуждение, воспитательное воздействие, криминорезистентные нормы, несовершеннолетних.

POTESTARY PROCEDURES (FORMS) OF PARENTING AND PREVENTIVE IMPACT ON JUVENILE: CRIMINOLOGICAL INDUCTIVE LEARNING OF THE PHENOMENON

Anton V. Petrovskiy
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Petrovskiy A.V. Potestary procedures (forms) of parenting and preventive impact on juvenile: criminological inductive learning of the phenomenon. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):89–96. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-89-96>

CONTACT INFORMATION:

Anton V. Petrovskiy, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 409-65-80

E-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.11.2022

The article has been accepted for publication: 03.12.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The use of legal and other social norms or practices in crime prevention is a debatable issue. The relevance of the topic is due to the ambiguous position of theorists and practitioners on the admissibility of using potestary forms (measures) of an educational and preventive nature in relation to minors by parents and / or legal representatives. Thus, the purpose of the article is to scientifically analyze the possibility of including coercive potestary methods of crime prevention that exist in the family, community, ethnic group, labor (professional) team in the toolkit for preventing antisocial and / or criminal behavior.

Achieving the goal involves solving the following tasks: substantiation of the effectiveness of a combination of measures of state coercion and potestary coercion (parental, ethnic, confessional) to eliminate and neutralize criminogenic determinants; argumentation of the need to use potestary coercion in anti-criminal prevention – an informal social institution for imposing cultural attitudes, value values, evaluative standards, rules of conduct through the prism of collective opinion and seniority.

The goals and objectives of the study contributed to the choice of a methodology presented by a systematic approach that considers the phenomenon of potestary measures in conjunction with preventive legislation, and the use of content analysis made it possible to systematize information about potestary measures (forms) of educational and preventive impact based on a consistent analysis of publications on the subject under study.

As a result, proposals were made to modernize the legislation, expanding the list of forms (measures) of compulsory educational influence in relation to minors, as well as justifying the inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation of the norm Circumstances for the admissibility of behavior that does not pose a public danger.

Keywords: crime prevention, preventive practices, criminological legislation, potestary compulsion, parenting impact, crime-resistant rules, juvenile.

Введение

Криминологическое познание подразумевает изучение криминальных, девиантных, криминорезистентных явлений, с акцентированием внимания на объяснении причин их существования, с целью разработки концепций и методик предупреждения преступлений в целом¹ [4, с. 18–22]. Данная точка зрения близка европейской криминологии, которая определяет основную цель криминологии как изучение криминального и антиобщественного поведения для получения возможностей его предупреждения², конструирования мер общественного воздействия³, определения способов реагирования на преступное поведение⁴. Таким образом, предупреждение преступлений – главная цель любого криминологического изыскания, поэтому рассматриваемые или описываемые антикриминальные и криминальные явления рассматриваются в аспекте их причинности и профилактического потенциала⁵. Соответственно, криминологическое познание ориентировано на поиск регуляторов, императивов, социальных практик (форм и методов), направленных на устранение или нейтрализацию криминогенных детерминантов, воздействующих на общественное, микрогрупповое, индивидуальное правосознание, предупреждающих антисоциальное общественно опасное поведение.

Доминирующие на современном этапе формально-юридический подход, утверждает, что нормы права должны преимущественно быть выражены государством, иметь объективную форму (легитимированы), а субъекты правоотношений могут действовать только в рамках указанных нормативных предписаний, реализовывая обязанности, права и свободы [11, с. 14–16]. По этой причине институты антикриминального характера, не регулируемые законодательством, но содержащие элементы принуждения с указанным подходом не соотносятся. Их изучение якобы не отвечает критериям научности, поэтому практиками и теоретиками, криминорезистентным нормам и практикам неюридического характера должного внимания не уделяется⁶. Поэтому различные меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия присутствующие в семье, общине, этнической группе, трудовом (профессиональном) коллективе исключаются из инструментов предупреждения антиобщественного и/или преступного поведения.

Сложившаяся ситуация ограничивает российскую систему профилактики правонарушений. Данное утверждение основывается на том, что воздействие социальными неюридическими формами (методами) предполагает потестарное понуждение или социально-индивидуальное давление, оно связано с возможными репутационными потерями, лишением финансовой и/или моральной поддержки, отказе в поддержке родственных отношений, групповом бойкоте, введением имущественных ограничений, психологическим принуждением и др. Потестарное понуждение присутствует в этнических группах (трудовых коллективах), и реализуется в запретах совершать антиобщественные действия, замечаниях, игнорировании, насмешках, осуждении и др. И контролируемое использование таких форм (методов) позволит успешно устранять и нейтрализовывать криминогенные детерминанты, формировать общественную правопослушность.

Методы исследования

Методологический аспект определяется системным подходом, позволивший рассматривать феномен потестарных мер профилактического антикриминального характера во взаимосвязи и взаимодействии с общественным правосознанием, культурой, моралью, ценностями, формальными и неформальными нормами. Использование метода контент-анализ позволило систематизировать информацию о потестарных мер (форм) воспитательно-профилактического воздействия на основе последовательного анализа публикаций по изучаемой тематике: (1) научной электронной библиотеки

¹ Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М; 1998. С. 5–6.

² Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х.-Ю. Кернер / отв. ред. А.И. Долгова. Москва: Норма; 1998. С. 122.

³ Шнайдер Г.Й. Криминология / пер. с нем. общ. ред. Л.О. Иванова. Москва: Прогресс; 1994. С. 9, 15.

⁴ Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб.: Питер; 2003. С. 44; Meško G. Kriminologija. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, Univerza v Mariboru; 2016. Pp. 21; Theoretical Criminology / by Vold G.B., Thomas J.B. and Snipes J.B. 4–nd ed. New York: Oxford University Press; 1998.

⁵ Старков О.В. Криминология: Общая, особенная и специальная части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс; 2012. С. 8–11.

⁶ Касаев И.Х. Предупреждение преступлений, совершаемых участниками этнических преступных группировок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013; Трубицын Д.А. Криминологическая характеристика и профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера (по материалам Ямало-Ненецкого автономного округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016.

elibrary.ru и (2) системы ScienceDirect. Всего было отобрано 329 работ, из которых были исключены дублированные, содержательно-нерелевантные, а также статьи заголовки, которых указывали на то, что тема публикации выходит за рамки исследования. Для поиска использовались заголовки и ключевые слова, соответствующие любому из трех критериев, изложенных ниже:

1) сведения, содержащиеся в статье посвящены распространенности потестарных мер (форм) принудительного воздействия на территории России;

2) предупреждение преступного поведения рассматривается с позиции потестарных практики и неюридических социальных норм;

3) работы, предлагают теоретические подходы сочетающие юридические и социальные неюридические методы (формы) профилактики правонарушений.

Результаты исследования

Потестарное понуждение (семейное, коллективное) – это совокупность неформальных социальных способов навязывания культурных установок, ценностных значений, правил поведения, которые служат для управления в микрогруппах. Оно предусматривает обучение и понуждение за счет механизма оценки поведения людей через призму коллективного мнения и старшинства, которое на представителей ряда народностей и профессиональных имеет большое значение. Потестарные санкции не обязательно влекут страдания нарушителя, они заключаются в восстановлении прежнего порядка, в приведении нарушенных связей к их нормальной форме. Таким образом, традиционная превенция деликвентных поступков базируется на восстановлении общественного равновесия, нарушенного каким-либо действием, добиваясь устранения причин и условий, детерминирующих такое отклоняющееся поведение.

Неформальные санкции изучались учеными, их подразделяют на: 1) покаяния, которые должны вызывать чувство вины у нарушителя; 2) порождающие стыдливость, потому что указанное чувство является важным сдерживающим психологическим фактором; 3) информационно-позорящие, связанные с распространением сведений, которые вызывают раскаяние и чувство вины; 4) создающие репутационные проблемы; 5) приносящие морально-материальные издержки, например отказ от оказания финансовой помощи со стороны родственников, коллектива, этническое группы; 6) остракизм, игнорирование, избегание, пренебрежение [18, с. 790–800].

В ряде регионов Северного Кавказа, Приволжского и Южного федерального округов разрыв между традиционным обществом и современным не так велик, как представляется. Традиционным обществам Северного Кавказа, Поволжского и Южного федерального округа, свойственно «потестарное понуждение» как механизм противодействия деликвентному поведению, тесно связанное с воспитанием, исправительным воздействием. Оно реализуется лицами, обладающими правом на потестарное принуждение и понуждение – социальные конфликты разрешаются родителями, советом старейших мужчин, либо лицами, обладающими качествами лидера или авторитетом, они же, поддерживают сложившийся в семье (коллективе, народности) порядок [7, с. 108–109]. Результат действия потестарных мер (форм) воспитательно-профилактического воздействия как профилактических институтов, можно отследить в официальной статистике МВД РФ, которая из года в год показывает низкий уровень преступности несовершеннолетних в республике Чечня. Так в структуре лиц, совершивших преступления на территории Чеченской Республики в 2016 году, несовершеннолетние, составляли 0,8%, в 2017 – 0,3%, в 2018 – 0,2%, в 2019 – 0,1%, в 2020 – 0,2%, в 2021 – 0,1%. Когда средний удельный вес несовершеннолетних преступников по Российской Федерации составил в 2017 – 4,4%, в 2018 – 4,3%, в 2019 – 4,2%, в 2020 – 3,9%, в 2021 – 3,4%. Исследования сдерживающего влияния стыда на индивида проводились за рубежом и позволяют сделать вывод о том, что страх причинения ущерба социальным связям или отношениям, человеку отождествляющего себя с определенной общностью и получающего от принадлежности к этой социальной формации пользу является сдерживающим фактором [13, с. 889–893; 17, с. 584–605].

Несовершеннолетние в целом склонны к деликвентности в форме игнорирования, психической агрессии, оскорблений, однако частота таких проявлений уменьшается при применении родителями эффективных нефизических наказаний, совмещаемых с обучением правопослушному поведению путем введения четких правил и соблюдения семейных традиций [14, с. 130–144; 15, с. 760–765]. Низкий уровень криминальной активности отмечается в сообществах, где феномен порицания деликвентного поведения, сформирован родителями либо авторитетными лицами коллектива [2]. Криминалрезистентными внутрисемейными факторами признаны: материнская любовь, отцовская любовь, материнский надзор, потестарное (символическое) насилие со стороны

родителей, семейная сплоченность, родительское руководство поведением ребенка, наличие внутрисемейных нормативных ценностей, совпадающих с общесоциальными [16, с. 82–88].

Научная дискуссия

Институты семейной власти неоднократно изучались с позиции их превентивного потенциала [10; 12]. Однако, без должного научного внимания остались внутрисемейные неюридические нормы стимулирования добропорядочного поведения, которые, в дальнейшем, смогут войти в систему мер криминологической профилактики. Институт семьи продолжает играть значительную роль, как в провоцировании, так и в сдерживании противоправного поведения. В современном российском обществе родственные связи, окружающие определенную династию, имеют большое значение, особенно на региональном и муниципальном уровнях. Статус такой семьи может выполнять профилактическую функцию в разрешении межличностных конфликтов, либо членов таких семей можно использовать в качестве негосударственных судебных инстанций.

Не исследуемым феноменом остается допустимость (пределы) потестарного внутрисемейного понуждения взрослыми детей, которые склонны к антиобщественным поступкам. Государство определило в ст. 69 Семейного кодекса РФ, что основанием лишения родительских прав является жестокое обращение, физическое или психическое насилие над детьми. Любое жестокое обращение и физическое насилие в отношении детей должно быстро пресекаться правоохранительными органами.

Тем не менее целый перечень воспитательно-профилактических мер (форм) воздействия требуют анализа и оценки с позиции административно-деликтного и уголовного законодательства. Например, не будет ли являться основанием для применения мер правоохранительного воздействия действия родителей и выражающиеся в форме экономического принуждения «насилия»: 1) ограничение имущественных прав ребенка (запрет пользоваться игровыми приставками, сотовыми телефонами, смотреть телевизор); 2) лишение карманных денег, либо наоборот изъятие накопленных денег с целью компенсировать причиненный ребенком кому-то вред; 3) игнорирование родителями (иными законными представителями) отдельных требований подростков по поводу приобретения отдельных товаров и вещей за какие-то проступки; 4) как квалифицировать лишение несовершеннолетнего родителями (иными законными представителями) свободы передвижения, выражающегося в запрете выходить из комнаты, жилища, если он допускает антиобщественное поведение. К сожалению, образовательными учреждениями и социального обслуживания, приведенные примеры трактуются как трудные жизненные ситуации, жестокое обращение, психическое насилие порождая применение мер в отношении родителей или законных представителей. А подростки используют сложившуюся ситуацию, запугивая преподавателей и родителей, нивелирования их воспитательный потенциал.

Еще более не однозначна позиция правоприменителя по отношению к психическому понуждению, которое сопряжено со словесными угрозами и / или оскорблениями, высказанными родителями (педагогами). Простое наблюдение за общением детей и их родителей на детских площадках, показывает, что первые наговаривают на объективную сторону ст. 119 УК РФ каждый день, а иногда по несколько раз в день. Решение видится в открытом обсуждении данной проблемы учеными криминологами, педагогами, психологами, в проведение психолого-социологических и криминологических исследований культурно-агрессивных особенностей воспитания. Обобщение всех материалов, рекомендаций, результатов исследований должны formalizоваться в поправках к Семейному кодексу РФ, Федеральному закону № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», которые должны formalizовать и детализировать допустимые меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних. В итоге должны быть подготовлены соответствующие поправки в Семейный кодекс РФ, которые должны отразить, что не является общественно опасным родительское воспитательное понуждение, если оно предполагает экономические, имущественные ограничения ребенка, а также ограничения связанные с передвижением и использованием личным имуществом.

Обязательными мерами (формами) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних, должны стать антикриминальная пропаганда и просвещение в виде: 1) постулирования традиционных образцов и практики поведения: ответственность старших в семье за поведение младших, субординация в отношениях учителя и обучаемого, послушание со стороны обучающихся и детей; 2) навязывания этнокультурных особенностей поведения: женские обязанности–мужские обязанности, моральный авторитет во внутрисемейных отношениях; 3) установления государственной и региональной идеологии, выраженной в декларировании и

следовании ценностным, религиозным, моральным установкам. Проблему родительского авторитета можно решать за счет возрождения «идеи патриархальности» в семье, когда уважение родителей является обязательной для младших, а общество осуждает неподчинение детей разумной родительской воле. Неформальные нормы, регулирующие отношения между родителями и детьми могут быть адаптированы к современности с учетом социального и экономического развития общества, а создаваемая модель «ювенальной юстиции» должна учитывать отдельные элементы и положительный потенциал обычного права. Для укрепления института семьи, поддержки государством внутрисемейных воспитательных мер требуется создание института оказания как добровольной социально-психологической, так и принудительной помощи.

Реализовать такой подход возможно путем легитимации на региональном уровне отдельных криминалрезистентных норм некарательного характера направленных на предупреждение преступлений (правонарушений). Основой такого законодательства могут стать этические кодексы поведения составляющие основу регулирования на микрогрупповом уровне отношений связанных с устранением причин и условий социального вредного для микрогруппы поведения либо формирования правопослушной индивидуальной ментальности. Существующие неюридические формы (методы) профилактической направленности нашли свое отражение в:

- различных этнических правилах одобряемого и неодобряемого поведения: Нохчалла – спектр норм жизни чеченца и ингуша, своеобразный кодекс чести, Адыге Хабзе – адыгский свод неписанных правил поведения и общественных коммуникаций, Уклад Войсковых Казачьих Обществ, устанавливающий отношения внутри сообщества, с православной церковью, воспитания детей и др.¹ [5; 8, с. 47–50];

- религиозных нормах, направленных на нейтрализацию криминогенных детерминантов: покаяние в грехах, смирение, негативное отношение к эгоизму, стяжательству, чревоугодию, лени, хамству² [9, с. 21–29];

- криминалрезистентных нормах профессионального поведения (морской этикет и традиции, воинские традиции и культура общения) [1, с. 203–210; 6, с. 98].

Существование таких нормативных установок привело к появлению мер (форм) профилактического воздействия, не указанных в Федеральном законе № 182-ФЗ. Так, в Республике Чечня распространена практика публичных извинений нарушителя моральных и нравственных норм перед своим народом за антиобщественное поведение, которая неформально получила распространение в отдельных регионах России, когда лицо, допустившее клеветнические высказывания либо действия в отношении ветеранов, военных захоронений или действий на Украине просил прощения, что потом транслировалось по телевидению.

В идеале, различные антикриминальные формы (методы) (законодательные и социальные) должны быть взаимозависимы между собой, трансформируясь в плоскость последовательной практической деятельности. Если адаптировать идеи Дж. Бьюнкена для такого профилактического подхода, то можно сказать, что современное государство должно реализовывать две функции: «государства защищающего» и «государства позволяющего», где вторая, представляет собой возможность реализации не противоречащего федеральному и региональному законодательству традиционного (этнокультурного) антикриминального поведения населения в социальной действительности [3; с. 2–10]. Государство может трансформировать неюридические криминологические нормы, закрепляя их в законодательстве. Неформальные профилактические нормы выступают цементирующим средством, заполняя пробелы реализации и применения превентивных практик в различной среде. Адаптивность таких норм заключается в том, что они исторически инвариантны, сохраняют поведенческие установления неизменным, независимо, а нередко и вопреки воли правителей и законодателей, позволяет выстроить двухуровневую систему, где основная цель будет не тяжесть репрессии, а неотвратимость ответственности и неприятие противоправного поведения.

Подводя итог, и завершая научную дискуссию, предвидя необходимость легитимации принудительных потестарных мер (форм) воспитательно-профилактического воздействия предлагаю:

¹ Баязитова Р.Р. Традиционный этикет в башкирской семье: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006.

² Бажан Т.А., Старков О.В. Религиоведение для юристов: учебник / общ. ред. О.В. Старкова. СПб.: Юридический центр Пресс; 2007. С. 264–361; Касторский Г.Л. Уголовно-правовой и криминологический анализ использования концепций мировых религий в противодействии преступному поведению: дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2002.

– включить в Уголовный кодекс РФ норму «Обстоятельства допустимости поведения не представляющего общественную опасность», в которой должны быть отображены положения определяющие общественно безопасными действия по психологическому, имущественному, моральному понуждению несовершеннолетних их родителями, педагогами, воспитателями в процессе воспитания правопослушности, а также действия, связанные с психологическим понуждением членами трудового коллектива работника, представителями этнической общности своего представителя связанные с профилактикой совершения им правонарушений и преступлений;

– расширить перечень форм (мер) принудительно-воспитательного воздействия: 1) несовершеннолетнего преступника надо помещать не только под надзор, но и под поручительство, которое должно предусматривать публичное озвучивание и принятие конкретных обязательств по воспитанию и контролю, за неисполнение которых поручитель должен привлекаться к ответственности (изменения п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ); 2) ст. 90 УК РФ и ст. ст. 427 и 431 УПК РФ следует дополнить частью, которая должна содержать указание на закрепление конкретных лиц, ответственных за его исправление и отвечающих за индивидуальную профилактику подростка;

– внести в Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» изменения, которые должны формализовать и детализировать допустимые меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних.

Список использованной литературы:

1. Альмухаметов Р.Ш. «Неуставные взаимоотношения» среди военнослужащих срочной службы в современной России: факторы и контексты. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2013;13(4):202–213.
2. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд, воссоединение: монография. Москва: Центр судебной реформы; 2002.
3. Бьюкенен Дж. У. Граница Свободы. Между анархией и левиафаном. *Муниципальная экономика*. 2015;(2(62)):2–10.
4. Гишинский Я.И. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: взгляд криминолога. *Криминалист*. 2021;(2(35)):8–22.
5. Гозгешева С.М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2011;(3):293–300.
6. Гринько Н.К., Грунь В.Д., Лунев В.Г. Культурные традиции и обычаи горняков. *Горная промышленность*. 2015;(1(119)):98–101.
7. Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононоратика и начальное право. Статья первая. *Государство и право*. 2000;(1):108–109.
8. Ерохин И.Ю. Унификация казачьего законодательства как тенденция деятельности правительства и централизованного государственного аппарата XIX – первой четверти XX вв. *Пробелы в российском законодательстве*. 2015;(2):47–50.

References:

1. Al'mukhametov R.Sh. ["Hazing" among conscripts in modern Russia: factors and contexts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki = Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences*. 2013;13(4):202–213. (In Russ.)]
2. Breituheit Dzh. [Crime, shame, reunion]. Moscow: Center for Judicial Reform; 2002. (In Russ.)]
3. B'yukenen Dzh.U. [The Frontier of Freedom. Between anarchy and leviathan]. *Munitsipal'naya ehkonomika = Municipal economy*. 2015;(2(62)):2–10. (In Russ.)]
4. Gilinskii Ya.I. [Crimes against public health and public morality: the view of a criminologist]. *Kriminalist' = Criminalist*. 2021;(2(35)):8–22. (In Russ.)]
5. Gozgesheva S.M. [The phenomenon of traditional institutions of customary law (adat) and Muslim (sharia) in the North Caucasus]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = Bulletin of the Adyghe State University. Serya 1. Regional studies, philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2011;(3):293–300. (In Russ.)]
6. Grin'ko N.K., Grun' V.D., Lunev V.G. [Cultural traditions and customs of miners]. *Gornaya promyshlennost' = Mining industry*. 2015;(1(119)):98–101. (In Russ.)]
7. Dumanov Kh.M., Pershits A.I. [Mononoratics and initial law. Article one]. *Gosudarstvo i parvo = State and law*. 2000;(1):108–109. (In Russ.)]
8. Erokhin I.Yu. [Unification of the Cossack legislation as a trend in the activities of the government and the centralized state apparatus of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2015;(2):47–50. (In Russ.)]

9. Карпенков И.В. Религиозные нормы и ценностные ориентации в современных правовых и политических отношениях. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2021;(2(34)):21–29. DOI: 10.37468/2307-1400-2021-2-21-29.
10. Харламов В.С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье: монография. СПб.: Питер; 2014.
11. Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2017;(3):9–16.
12. Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика): монография. СПб.: Юридический центр Пресс; 2003.
13. Allen S., Murphy K., Bates L. What drives compliance? The effect of deterrence and shame emotions on young drivers' compliance with road laws. *Policing and society*. 2017;(27(8)):884–898. DOI: 10.1080/10439463.2015.1115502.
14. Farrington D.P., Welsh B.C. Family-based prevention of offending: A meta-analysis. *The Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2003;2(36):127–151. DOI: 10.1375/acri.36.2.127.
15. Hoeve M., Dubas J.S., Eichelsheim V.I., van der Laan, Smeenk P.H., Gerris J.R. The relationship between parenting and delinquency: a meta-analysis. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009;37(6):749–775. DOI: 10.1007/s10802-009-9310-8.
16. Kolvin I., Miller F.J., Fleeting M., Kolvin P.A. Social and parenting factors affecting criminal-offence rates. Findings from the Newcastle Thousand Family Study (1947–1980). *The British Journal of Psychiatry*. 1988;(152):80–90. DOI: 10.1192 / bjp.152.1.80.
17. Nagin D.S., Paternoster R. Personal capital and social control: The deterrence implications of a theory of individual differences in criminal offending. *Criminology*. 1994;32(4):581–606. DOI: 10.1111 / j.1745-9125.1994.tb01166.x.
18. Peng Y. When Formal Laws and Informal Norms Collide: Lineage Networks versus Birth Control Policy in China. *American Journal of Sociology*. 2010;116(3):770–805. DOI: 10.1086/657102.
9. Karpenkov I.V. [Religious Norms and Value Orientations in Modern Legal and Political Relations]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2021;(2(34)):21–29. DOI: 10.37468/2307-1400-2021-2-21-29. (In Russ.)]
10. Kharlamov V.S. [Domestic and foreign experience in combating criminal violence in the family]. St. Petersburg: Piter; 2014. (In Russ.)]
11. Shatkovskaya T.V., Napalkova I.G. [Development of the methodology of cognition of the sources of law]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2017;(3):9–16. (In Russ.)]
12. Shestakov D.A. [Family criminology (criminology)]. St. Petersburg: Legal Center Press; 2003. (In Russ.)]
13. Allen S., Murphy K., Bates L. What drives compliance? The effect of deterrence and shame emotions on young drivers' compliance with road laws. *Policing and society*. 2017;(27(8)):884–898. DOI: 10.1080/10439463.2015.1115502.
14. Farrington D.P., Welsh B.C. Family-based prevention of offending: A meta-analysis. *The Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2003;2(36):127–151. DOI: 10.1375/acri.36.2.127.
15. Hoeve M., Dubas J.S., Eichelsheim V.I., van der Laan, Smeenk P.H., Gerris J.R. The relationship between parenting and delinquency: a meta-analysis. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009;37(6):749–775. DOI: 10.1007/s10802-009-9310-8.
16. Kolvin I., Miller F.J., Fleeting M., Kolvin P.A. Social and parenting factors affecting criminal-offence rates. Findings from the Newcastle Thousand Family Study (1947–1980). *The British Journal of Psychiatry*. 1988;(152):80–90. DOI: 10.1192 / bjp.152.1.80.
17. Nagin D.S., Paternoster R. Personal capital and social control: The deterrence implications of a theory of individual differences in criminal offending. *Criminology*. 1994;32(4):581–606. DOI: 10.1111 / j.1745-9125.1994.tb01166.x.
18. Peng Y. When Formal Laws and Informal Norms Collide: Lineage Networks versus Birth Control Policy in China. *American Journal of Sociology*. 2010;116(3):770–805. DOI: 10.1086/657102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-0326-0807

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Petrovskiy

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-0326-0807

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):97–105. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.11.2022

Статья принята к печати: 29.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: В статье анализируются современные подходы к использованию цифровых технологий и сопряженных с ними технических устройств в отечественном уголовном судопроизводстве, позволяющих не только ускорять и упрощать работу, но и служить важным фактором доступа граждан к правосудию. По мнению автора, отдельные результаты цифровизации уже получили свое отражение в тексте УПК РФ, создавая благоприятные предпосылки для электронной формы уголовного дела, совмещающая на первоначальном этапе реформирования в этой сфере традиционную уголовно-процессуальную форму с ее электронным вариантом. Подчеркивается, что потенциал цифровизации в уголовном судопроизводстве реализуется и по другим направлениям: от видео-конференц-связи и до технологии биллинга, с перспективой внедрения новых технологий: «блокчейн», искусственный интеллект, электронная идентификация личности, цифровой профиль лица.

Цель настоящего исследования – обоснование необходимости закрепления понятия «цифровые технологии» в базовой ст. 5 УПК РФ, что позволит существенно изменить облик уголовного судопроизводства. **Задачи** исследования: провести анализ используемых разновидностей цифровых технологий в действующей редакции УПК РФ, определить перспективы совершенствования и появления новых технологий (с учетом отечественного и зарубежного опыта), сформулировать понятие цифровых технологий в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровизация, технологии, уголовное судопроизводство, эффективность, гарантии прав, правосудие.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Digital technologies in domestic criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):97–105. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.11.2022

The article has been accepted for publication: 29.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The article analyzes modern approaches to the use of digital technologies and associated technical devices in domestic criminal proceedings, allowing not only to speed up and simplify work, but also to serve as an important factor in citizens' access to justice. According to the author, some results of digitalization have already been reflected in the text of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, creating favorable prerequisites for the electronic form of criminal cases, combining at the initial stage of reform in this area the traditional criminal procedure form with its electronic version. It is emphasized that the potential of digitalization in criminal proceedings is being realized in other areas: from video conferencing to billing technology, with the prospect of introducing new technologies: blockchain, artificial intelligence, electronic identification of a person, a digital profile of a person.

The purpose of this study is to substantiate the need to consolidate the concept of "digital technologies" in the basic Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which will significantly change the appearance of criminal proceedings. Research objectives: to analyze the types of digital technologies used in the current version of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to determine the prospects for improvement and the emergence of new technologies (taking into account domestic and foreign experience), to formulate the concept of digital technologies in criminal proceedings.

Keywords: digitalization, technologies, criminal proceedings, efficiency, guarantees of rights, justice.

Введение

Тенденции глобального перехода многих сфер жизни общества в электронный формат за счет использования цифровых технологий не обошли стороной уголовное судопроизводство, которое является важным регулятором общественных отношений, возникающих в связи с совершенным или готовящимся преступлением. Современные результаты научно-технического прогресса позволяют существенно изменять облик уголовного судопроизводства, повышать его эффективность за счет реализации концепции такого его построения, которое обеспечивает доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий [8].

Как справедливо отмечает О.В. Гладышева: «Цифровизация – это одно из приоритетных направлений развития и совершенствования отечественного уголовного судопроизводства. Совершенно очевидно, что под воздействием стремительно развивающейся цифровизации будет изменяться процессуальный порядок деятельности как в досудебном, так и судебном производстве, за счет системного и последовательного внедрения электронного документооборота, электронного уголовного дела, дистанционного участия в проведении следственных и судебных действий» [2, с. 31].

Очевидно, что цифровизация позволяет не только ускорять и упрощать работу, но и служит «важным фактором укрепления доверия населения к правоохранительным органам, призванным охранять закон, порядок, права и свободы человека, за счет более открытой, прозрачной и удобной для всех деятельности» [12, с. 52].

Методы исследования

Для выявления сущности цифровых технологий и понимания особенностей их использования в сфере уголовного судопроизводства применялся универсальный диалектический метод познания, а также комплекс общенаучных и специальных методов, обеспечивающих объективность, всесторонность и полноту изучения предмета исследования.

Историко-правовой метод позволил проследить возникновение и развитие уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вопросы использования цифровых технологий в отечественном уголовном судопроизводстве. Применение формально-логического метода состояло в анализе правовой природы цифровых технологий, а при формулировании и внесении предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства применялся метод юридуко-технического анализа.

Результаты исследования

Результатами исследования стала совокупность новых теоретических положений, расширяющих научные представления о понятии и направлениях использовании цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, позволяющих повышать его эффективность, создавать дополнительные гарантии для реализации прав участников, способствовать обеспечению доступности и открытости правосудия по уголовным делам.

Научная дискуссия

Сегодня весьма заметным является влияние технических средств и цифровых технологий на процедуру уголовно-процессуального доказывания, порядка досудебного производства и судебного разбирательства, применения мер процессуального принуждения и др., что не исчерпывает всего возможного потенциала цифровизации.

В то же время Л.А. Воскобитова справедливо отмечает, что «произвольная и безграничная цифровизация уголовно-процессуальной деятельности без учета ее природы, объективно присущих ей особенностей представляется недопустимой. Нельзя недооценивать весьма великий риск судебных и следственных ошибок, несправедливости разрешения дела и нарушения прав человека, если принятие решений и /или совершение процессуальных действий будет осуществлять машина, запрограммированная и действующая на принципах предельного упрощения и формализации информации и однозначности вариантов решений» [1, с. 93].

Следует учитывать наличие проблемы «цифровой грамотности» следователей, прокуроров, судей и других властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности при использовании IT-технологий и информационных сервисов, что актуально не только для отечественного, но и уголовного судопроизводства зарубежных государств [14, с. 192]. «Введение в уголовно-процессуальную деятельность новых технологий, – пишет Е.В. Марковичева, – потребует существенного расширения имеющихся у правоприменителя знаний и умений» [9, с. 95–96].

Есть основание полагать, что термин «цифровизация» не в полной мере передает его смысл, поскольку в уголовное судопроизводство внедряются не исключительно цифровые технологии, а в совокупности с ними и соответствующие им технические устройства (так называемое «железо»), использование которых оказывает воздействие на процессуальную форму деятельности. Соответственно цифровые технологии и сопряженные с ними технические устройства, как носители этих технологий, создавая новые условия для реализации уголовно-процессуальных отношений, обуславливают изменение уголовно-процессуальной формы.

В числе результатов цифровизации, которые получили свое отражение в тексте УПК РФ, укажем в хронологическом порядке основные.

Федеральным законом от 23 июня 2016 г.¹ определен порядок использования в уголовном судопроизводстве цифровых технологий в виде электронных документов, когда, согласно ст. 474.1 УПК РФ, участники вправе направлять в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления в электронном виде. Также в электронном виде возможно изготовление судебных решений, которые скрепляется усиленной квалифицированной электронной подписью судьи (судей), и по просьбе или с согласия участника уголовного судопроизводства экземпляр решения в электронной форме может быть направлен ему через Интернет заинтересованному лицу.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3889.

26 декабря 2017 г. в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹ разъяснены правила подачи и рассмотрения судом документов в электронном виде.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г.² УПК РФ дополнен статьей 164.1, направленной на регламентацию процессуального порядка изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации. Одновременно с введением ст. 164.1 УПК РФ утратили силу ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ, в связи с чем, появилась возможность изымать электронные носители при производстве не только обыска или выемки, но и других следственных действий, включая, например, осмотр.

С 10 января 2022 г. следователь и дознаватель получили право проводить допрос, очную ставку и опознание посредством видео-конференц-связи при помощи систем и средств, находящихся в их распоряжении (ст. 189.1 УПК РФ)³, а Е.В. Смахтин и И.Г. Смирнова обосновывают в своем исследовании возможность более широкого применения в досудебном производстве такой разновидности цифровой технологии как видео-конференц-связь [15].

Отметим также, что процесс использования цифровых технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства определяется не только предписаниями ст. ст. 164.1 и 189.1 УПК РФ, но и базовыми нормами, изложенными в ст. ст. 164 и 166 УПК РФ, содержание которых обоснованно подвергается критике [5, с. 193–197; 16, с. 71–77].

В результате в Российской Федерации были созданы благоприятные предпосылки для электронной формы уголовных дел, основанной на применении цифровых технологий, вместо традиционной письменной, с учетом международного опыта, когда в ряде государств уголовное судопроизводство осуществляется в электронном формате (Саудовская Аравия, Сингапур, Эстония и др.), что позволило существенно его упростить и сократить процессуальные сроки. В литературе справедливо отмечается, что введение «электронного уголовного дела ... необходимо для эффективного использования материалов в процессе расследования и разрешения уголовных дел, оптимизации процесса ознакомления с материалами уголовного дела участников процесса» [7, с. 88–99].

Имеются и другие положительные результаты внедрения в практику электронной формы уголовного дела: освобождение от бумажного документооборота, использование принципиально новых каналов взаимосвязи участников, изменение приемов и правил уголовно-процессуальной деятельности.

Председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов отмечает, что электронное правосудие сегодня динамично развивается, и новые системы позволяют совершать процессуальные действия с помощью интернета в буквальном смысле «не выходя из дома». Цифровизация правосудия позволит выйти на принципиально новый уровень доступности и оперативности⁴. Подчеркивается, что введение обязательного автоматического распределения дел между судьями защитит и судей, и участников процесса, позволит устранить «вечный аврал неугоднему судье, завалив того делами сверх меры, а потом поставить ему в вину затяжки сроков и прочие вынужденные нарушения»⁵.

По мнению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой, использование инновационных цифровых технологий значительно упрощает доступ граждан к осуществлению правосудия. Поэтому органам законодательной власти необходимо разработать проекты федеральных законов «Об электронном уголовном деле» и «О внесении

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 57 // Российская газета. 2017. 29 декабря.

² О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть 1). Ст. 8459.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (часть I). Ст. 70.

⁴ Судитесь в личном кабинете: интервью Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова // Российская газета. 2018. 27 ноября.

⁵ В судах вводится электронная система распределения дел между судьями: интервью Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова // Российская газета. 2019. 07 апреля.

изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ»¹. Как считает Т.Н. Москалькова, применения цифровых технологий в уголовном процессе позволит расширить объем операций, реализуемых с помощью новых технологий в рамках возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел².

С.В. Зуев и Е.В. Никитин предлагают три основных направления реализации идеи электронного сопровождения уголовного судопроизводства: 1) утверждение приоритетности электронной информационно-сигнальной модели уголовно-процессуального доказывания; 2) разработка законодательных правил по работе с электронным уголовным делом; 3) внедрение в судебную практику программного обеспечения вынесения приговора с использованием математического моделирования и алгоритмизации принятия решений в виде «электронного помощника» [4, с. 88–89].

А вот О.В. Качалова и Ю.А. Цветков считают, что «модернизация уголовного судопроизводства ... должна вестись одновременно в двух направлениях: во-первых, в направлении внедрения новых информационных технологий, способствующих повышению открытости, доступности и оперативности правосудия, а во-вторых, в направлении усовершенствования самого процесса посредством снижения его избыточного формализма. Одним из универсальных инструментов модернизации уголовного судопроизводства, способствующих одновременному достижению обеих целей, может стать переход от бумажного к электронному уголовному делу» [6, с. 95–96].

Относительно трех направлений реализации идеи электронного сопровождения уголовного судопроизводства, предлагаемых С.В. Зуевым и Е.В. Никитиным, отметим, что они не исчерпывают всего возможного потенциала цифровизации в уголовном судопроизводстве. Тем более, что в ближайшее время отсутствует объективная возможность для полного перехода к электронному уголовному делу. А поэтому следует указать одно из, как представляется, наиболее приоритетных направлений для цифровизации – это необходимость совмещения традиционной уголовно-процессуальной формы с ее электронным вариантом. Что касается предложения О.В. Качаловой и Ю.А. Цветкова, то здесь мы скорее выразим поддержку тезису о целесообразности устранения избыточного формализма, но выступаем за сохранение общих начал уголовно-процессуальной формы, предписывающих не только обязательное документирование (в условиях цифровизации оно может быть электронным), но и выполнение обязательных формальных правил и требований в отношении процессуальных решений и действий, затрагивающих конституционные и иные права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Отметим, что в современном уголовном судопроизводстве реализуются не только идеи электронной формы уголовных дел и электронного документооборота, а также видео-конференц-связи, но и использования иных цифровых технологий и технические средства, в числе которых можно указать следующие:

- технические средства, обеспечивающие контроль за подозреваемым или обвиняемым при исполнении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий или залога³;
- видеонаблюдение, при отсутствии специального закона, который бы регулировал эту деятельность, и регламента по использованию полученных материалов;
- технология биллинга в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий с использованием систем технических средств обеспечения (контроль почтовых отправок, телефонных и иных сообщений, снятия информации с технических каналов связи), либо в рамках следственного действия – получения информации о соединениях между абонентами и (или)

¹ Фалалеев М. Уголовный процесс будут оформлять и вести в электронном виде // Российская газета. 2022. 16 февраля.

² Москалькова выступает за расширение применения цифровых технологий в уголовном процессе // РАПСИ. 2022. 6 июня.

³ О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 года № 134 (с изм. и доп. от 15.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 838.

абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), позволяя определять как текущее местоположение абонента мобильной сотовой связи, так и проследить его предыдущие перемещения в пространстве, установить номер SIM-карты абонента, время и продолжительность вызова, номер базовой станции, номер сектора базовой станции;

– вызов для участия в следственных действиях и судебном разбирательстве посредством интернет-коммуникаций.

Так, согласно правовой позиции, высказанной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 года¹, при решении вопроса об извещении лица о явке на допрос следует исходить из того, что извещение лица посредством мессенджеров допускается в случае согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки извещения адресату. Факт согласия на получение извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике уголовного судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, к которому привязано программное обеспечение мессенджеров.

С учетом вышеназванных условий вызов на допрос посредством мессенджеров и СМС-сообщений вполне допустим и является надлежащим способом извещения участников уголовного судопроизводства. Если же условия не соблюдаются, то вызов посредством интернет-коммуникаций недопустим, чему примером может служить решение Адвокатской палаты г. Москвы о прекращении дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, основанному на представлении старшего следователя К. от 11 сентября 2020 г. Совет, соглашаясь с квалификационной комиссией, признал, что извещение адвоката А. следователем с использованием мессенджера WhatsApp требовало согласия адвоката на получение извещений таким способом, и наличие этого согласия должно быть подтверждено распиской адвоката, в которой также указан номер мобильного телефона, на который должны направляться извещения. В материалах дисциплинарного производства такая расписка адвоката А. отсутствовала².

Некоторые цифровые технологии находятся на этапе разработки: «блокчейн», искусственный интеллект, электронная идентификация личности. 25 апреля 2022 г. утверждено Положение о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесены изменения в нормативные правовые акты, предусматривающие использование информационно-коммуникационных технологий для ввода и анализа сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также для проведения проверочных и иных мероприятий в области противодействия коррупции³. О.А. Зайцев и П.С. Пастухов указывают на такую перспективу раскрытия и расследования преступлений с использованием технологий как применение «цифрового профиля физического лица» [3, с. 281].

В отношении технологий, пока еще не внедренных в отечественную уголовную юстицию, есть повод обратиться к зарубежному опыту. Например, в Китае в гражданское и административное судопроизводство активно внедряется искусственный интеллект, и существуют интернет-суды, рассматривающие споры по 11 категориям дел⁴. В Дубае искусственный интеллект помогает бороться с ошибками, которые допускаются при выписывании штрафов, а в Великобритании появился первый в мире цифровой адвокат, который за 21 месяц работы инициировал 250 000 дел, из которых выиграл 160 000, т.е. количество выигранных дел составил 64 % от общего числа⁵.

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2012 года № 3 (с изм. от 19.12.2013) // Российская газета. 2012. 16 февраля.

² Решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы о прекращении дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 года № 232 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

⁴ О некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами: Регламент Верховного народного суда КНР от 03 сентября 2018 года № 16 [сайт]. Официальный сайт Верховного народного суда КНР; 2022 [процитировано 12 июля 2022]. Доступно: <https://www.court.gov.cn/fabu-gengduo-16.html>.

⁵ LegalTech: искусственный интеллект vs дорожные штрафы [сайт]. Право.ru; 2022 [процитировано 12 июля 2022]. Доступно: <https://pravo.ru/story/205187/>.

В то же время имеются технологии, которые встречают существенные препятствия в части использования полученных результатов в сфере уголовного судопроизводства, чему примером служит полиграф. Несмотря на накопленный опыт массового применения полиграфа в различных видах деятельности (включая опыт других стран), 13 февраля 2012 г. принято решение о недопустимости его использования для получения доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве «на данном этапе развития научных исследований», о чем уже писал ранее автор настоящего исследования [11, с. 162–172; 13, с. 54–58]. В итоге такой оценки результаты психофизиологических исследований с применением полиграфа рассматриваются в практике уголовного судопроизводства лишь как ориентирующая информация.

Несмотря на активное использование разновидностей цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности в тексте УПК РФ этот термин ни разу не упоминается, а используются другие понятия: «электронные носители информации» (ч. 4 ст. 81, ч. 1, 4 ст. 81.1, ч. 2.1 ст. 82, ч. 2, 3 ст. 164.1, ч. 8 ст. 166 УПК РФ); «электронное сообщение» (ч. 7 ст. 185 УПК РФ), «электронная почта» (ч. 5.1 ст. 42, ч. 5 ст. 313, ч. 2 ст. 473.2 УПК РФ), «электронный документ» (ч. 2 ст. 393, ч. 1–3 ст. 474.1 УПК РФ), «электронная подпись» (ч. 2 ст. 393, ч. 1–3 ст. 474.1 УПК РФ), «компьютер» (ч. 2 ст. 259 УПК РФ), «технические средства» (ч. 11 ст. 105.1, ч. 6 ст. 164, ч. 3 ст. 170, ч. 3 ст. 180, ч. 2 ст. 259 УПК РФ). Более того, если опираться на Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, то там применяется термин «информационные технологии», хотя понятие «цифровые технологии» считаем более точным, отражающим существо процессов передачи уголовно-процессуальной информации в виде цифровых значений, т.е. информационные технологии являются частью цифровых технологий.

Понятие цифровых технологий встречается в литературе лишь в обобщенном виде как технологий сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде. В Словаре-справочнике терминов нормативно-технической документации цифровые технологии определяются в виде таких технологий, которые используют электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой².

Согласно п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных находится в ведении государства». Как считает К.А. Мефодьева, «цифровые данные – это информация, представленная в цифровой форме в виде числового кода, который обеспечивает возможность ее обработки компьютером. Правовое значение выделения данного понятия состоит в том, чтобы различные данные могли быть объединены с целью поиска закономерностей и потребностей в выработке общих подходов к правовому регулированию»³.

Вместе с тем в УПК РФ до настоящего времени термины «цифровые технологии» и «цифровые данные» не используются. Отсутствие упоминания в УПК РФ о цифровых технологиях и тем более, их законодательной формулировки, вызывает необходимость обращения к мнению ученых по этому вопросу.

М.О. Медведева считает, что под цифровыми технологиями в уголовном судопроизводстве «следует понимать определенную совокупность средств, приемов и способов собирания (поиска, обнаружения, фиксации, изъятия), обработки и передачи должностными лицами органов дознания и предварительного следствия первичной информации о расследуемом событии для получения уголовно-процессуальных доказательств»⁴.

Х.Х. Рамалданов рассматривает цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве как такие «технологии, которые являются продуктами, созданными с помощью

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

² Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации [текст: электронный]. Доступно: URL:<http://www.find-info.ru/doc/dictionary/normative-technical-documentation/fc/slovar-214-13.htm#zag-93834>.

³ Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 10.

⁴ Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 9.

вычислительной техники и соответствующего программного обеспечения и неотделимы от них» [10, с. 123].

Действительно, традиционно сущность цифровых технологий определяется как технологий со своим программным обеспечением, которые созданы с помощью вычислительной техники и предназначены для простой и быстрой передачи информации. Любую разновидность информации можно представить в виде цифр с помощью соответствующего оборудования. Областями применения цифровых технологий стали практически все сферы жизни современного общества, включая деятельность уголовно-процессуальную, связанную с решением социальной задачи защиты от преступлений процессуальными средствами.

Считаем, что не только термин, но и понятие «цифровые технологии» должно получить свою «прописку» в базовой ст. 5 УПК РФ, поскольку использование цифровых технологий уже реальность, позволяющая существенно изменить облик уголовного судопроизводства, обеспечить повышение его эффективности, создать дополнительные гарантии для реализации прав участников, способствовать обеспечению доступности и открытости правосудия по уголовным делам. С этой целью предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ новым пунктом следующего содержания: «Цифровые технологии – технологии со своим программным обеспечением, предназначенные для создания, хранения и распространения информации с помощью вычислительной техники».

Список использованной литературы:

1. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости. *Lex russica (Русский закон)*. 2019;(5(150)):91–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104.
2. Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2019;(1):31–34.
3. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022;(56):281–308. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-281-308.
4. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем. *Всероссийский криминологический журнал*. 2017;11(3):587–595. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595.
5. Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164¹ УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы. *Сибирское юридическое обозрение*. 2019;16(2):193–197. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-2-193-197.
6. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства. *Российское правосудие*. 2015;(2(106)):95–101.
7. Конин В.В., Кудрявцева А.В., Петров А.В. Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2022;(45):88–99. DOI: 10.17223/22253513/45/6.
8. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых

References:

1. Voskobitova L.A. [Criminal proceedings and digital technologies: compatibility problems]. *Lex russica (Russkii zakon) = Lex russica (Russian Law)*. 2019;(5(150)):91–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104. (In Russ.)]
2. Gladysheva O.V. [Digitalization of criminal proceedings and the problems of ensuring the rights of its participants]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2019;(1):31–34. (In Russ.)]
3. Zaitsev O.A., Pastukhov P.S. [Digital profile of a person as an element of information technology strategy of crime investigation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2022;(56):281–308. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-281-308. (In Russ.)]
4. Zuev S.V., Nikitin E.V. [Information technologies in solving criminal procedural problems]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2017;11(3):587–595. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595. (In Russ.)]
5. Zuev S.V., Cherkasov V.S. [New rules for the seizure of electronic media and copying of information (Article of the 164¹ Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): advantages and disadvantages of the novel]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2019;16(2):193–197. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-2-193-197. (In Russ.)]
6. Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. [Electronic criminal case is an instrument of modernization of criminal proceedings]. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*. 2015;(2(106)):95–101. (In Russ.)]
7. Konin V.V., Kudryavtseva A.V., Petrov A.V. [Criminal case – the transition from paper to digital format]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*. 2022;(45):88–99. DOI: 10.17223/22253513/45/6. (In Russ.)]
8. [The concept of building criminal proceedings that provide access to justice in the context of the development of digital technologies (GAS "Access to Justice")] / ed. by

- технологий (ГАС «Доступ к правосудию»): монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. Москва: Норма: ИНФРА-М; 2022.
9. Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства. *Правосудие*. 2020;2(3):86–99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99.
10. Рамалданов Х.Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2022;(1(60)):121–128. DOI: 10.25724/VAMVD.ZDEF.
11. Семенцов В.А. О допустимости применения технического средства – полиграфа – в уголовном судопроизводстве. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2015;(1(18)):162–172.
12. Семенцов В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2019;(1):52–56.
13. Семенцов В.А. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа в США, России и Казахстане. *Аубакировские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф.* Алматы: Казахстан; 2021.
14. Семыкина О.И. Реалии использования цифровых технологий в правоприменительной практике Республики Казахстан. В: Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. *Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации* (монография). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ»; 2019.
15. Смахтин Е.В., Смирнова И.Г. Особенности информатизации уголовного процесса в условиях пандемии: новые вызовы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2021;12(3):544–554. DOI: 10.21638/spbu14.2021.304.
16. Тарасов М.А. О некоторых проблемах правового регулирования применения технических средств в уголовном судопроизводстве. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2009;(40(173)):71–77.
- L.N. Maslennikova. Moscow: Norma: INFRA-M; 2022. (In Russ.)]
9. Markovicheva E.V. [Digital transformation of Russian criminal proceedings]. *Pravosudie = Justice*. 2020;2(3):86–99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99. (In Russ.)]
10. Ramaldanov H.H. [The concept and essence of digitalization of evidence and evidence in criminal proceedings]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1(60)):121–128. DOI: 10.25724/VAMVD.ZDEF. (In Russ.)]
11. Sementsov V.A. [On the admissibility of the use of a technical means – a polygraph – in criminal proceedings]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = The criminologist's library. Scientific journal*. 2015;(1(18)):162–172. (In Russ.)]
12. Sementsov V.A. [Digitalization of law enforcement and robotization of the legal profession]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2019;(1):52–56. (In Russ.)]
13. Sementsov V.A. [Psychophysiological examination using a polygraph in the USA, Russia and Kazakhstan]. *Aubakirov readings: materials of the International scientific and practical conference*. Almaty: Kazakhstan; 2021. (In Russ.)]
14. Semykina O.I. Realities of the use of digital technologies in law enforcement practice of the Republic of Kazakhstan. In: N.A. Golovanova, A.A. Gravina, O.A. Zaitsev et al. *Criminal-jurisdictional activity in the conditions of digitalization*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; LLC "LAW FIRM CONTRACT"; 2019. (In Russ.)]
15. Smakhtin E.V., Smirnova I.G. [Features of informatization of the criminal process in a pandemic: new challenges]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2021;12(3):544–554. DOI: 10.21638/spbu14.2021.304. (In Russ.)]
16. Tarasov M.A. [On some problems of legal regulation of the use of technical means in criminal proceedings]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2009;(40(173)):71–77. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679